

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

**СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

**СЛАВИСТИКА. ИНДОЕВРОПЕИСТИКА.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

**К 90-летию со дня рождения
Владимира Николаевича Топорова**

**Под редакцией
А. Ф. Журавлева и Ф. Б. Успенского**

**Москва
2019**

Редколлегия серии:

д. ф. н. А. Ф. Журавлев (ответственный редактор)
д. ф. н. Г. К. Венедиктов, акад. РАН д. ф. н. В. А. Дыбо
д. ф. н. В. С. Ефимова, д. ф. н. И. А. Седакова
акад. РАН д. ф. н. С. М. Толстая, д. ф. н. Т. В. Цивьян

Редколлегия тома:

д. ф. н. А. Ф. Журавлев
к. ф. н. М. В. Завьялова
к. ф. н. М. Н. Саенко
чл.-корр. РАН д. ф. н. Ф. Б. Успенский

Рецензенты:

акад. РАН д. ф. н. А. Е. Аникин
д. ф. н. И. А. Седакова

Сборник посвящен памяти Владимира Николаевича Топорова, выдающегося ученого — лингвиста, литературоведа, культуролога, историка, философа — и приурочен к 90-летию со дня его рождения. Книга включает статьи коллег из России, Германии, Италии, Литвы, Польши, Словакии, Словении, Франции, тематически обращенные к проблемам, которые входили в круг лингвистических, культурологических и исторических занятий В. Н. Топорова, и развивающие его идеи.

Издание адресовано читателю-профессионалу, однако многие его страницы могут привлечь и широкого читателя.

DOI серии: 10.31168/2658-3372

DOI выпуска: 10.31168/2658-3372.2019.2

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Грасилда Блажене</i> Исследование прусского ономастикона в балтийском и европейском контексте	7
<i>Grasilda Blažienė</i> Research on Prussian Proper Names: Baltic and European Context	26
<i>Б. Л. Огибенин</i> Из заметок об индоевропейских связях русской лексики.....	28
<i>B. L. Oguibénine</i> Notes on Some Russian Words and Their Indo-European Relations	44
<i>Аленка Шивиц-Дулар</i> Ареальная лингвистика и этимология	45
<i>Alenka Šivic-Dular</i> Areal linguistics and etymology	58
<i>Ж. Ж. Варбот</i> Об этимологии и семантической истории слав. * <i>kras-</i>	60
<i>Zh. Zh. Varbot</i> On the Etymology and Semantic History of Slavic * <i>kras-</i>	64
<i>Мариола Якубович</i> Еще раз о семантике праслав. прилагательного * <i>mōdrь</i>	65
<i>Mariola Jakubowicz</i> Once again about the Semantics of CS adjective * <i>mōdrь</i>	74

<i>М. Н. Саенко</i>	
О семантике старославянского <i>вратъ</i> ‘шея (?)’	75
<i>М. N. Saenko</i>	
On semantics of Old Church Slavonic <i>вратъ</i> ‘neck (?)’	81
А. А. Зализняк	
«Эффект Лукерьи»: переход <i>ол</i> > <i>о</i> в истории русского языка	82
А. А. Zaliznyak	
«Lukerya’s effect»: the [ol] > [o] transition in the history of Russian	96
<i>Любор Кралик</i>	
Связано ли словац. диал. <i>posádeš, pošádes, pošajdes</i> с рус. <i>posad</i> ‘обряд сажания на почетное место на свадьбе’?	97
<i>Lubor Králik</i>	
Is Slovak dialectal <i>posádeš, pošádes, pošajdes</i> related etymologically to Russian <i>posad</i> ‘ritual of seating on an honorary place during the wedding feast’?	109
<i>Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова</i>	
Названия болезней в русских проклятиях	110
<i>E. L. Berezovich, O. D. Surikova</i>	
Names of diseases in Russian imprecations	139
<i>Дайнюс Разаускас</i>	
Ведийский «сокрушитель крепостей» и его балтийские параллели: в подтверждение мифологической природы образа	141
<i>Dainius Razauskas</i>	
The Vedic “Breaker-Down of Forts” and his Baltic Analogues: Confirming the Mythological Origin of the Image	171

<i>Л. Н. Виноградова</i>	
«Одухотворенный топос»: места природного пространства, принадлежащие духам-хозяевам	173
<i>L. N. Vinogradova</i>	
Inspired topos: places of natural space belonging to the <i>genii loci</i>	188
<i>М. М. Валенцова</i>	
Об одной архаической мифологеме града	189
<i>M. M. Valentsova</i>	
On one archaic mythologeme of hail	206
<i>М. В. Завьялова</i>	
Наследие «Сидора Карповича» в современной песенной культуре	208
<i>M. V. Zavyalova</i>	
The heritage of “Sidor Karpovich” in the modern song culture	233
<i>Б. А. Успенский</i>	
«Знак начертательного смысла» у Андрея Белого	234
<i>B. A. Uspensky</i>	
“Sign of graphic meaning” in Andrei Bely’s work	237
<i>Пьетро У. Дини</i>	
К вопросу о дошедших до нас сведениях о древнепрусском «Энхиридионе» (1561)	238
<i>Pietro U. Dini</i>	
On the tradition of philological studies related to the Old Prussian Enchiridion (1561)	263
<i>В. Я. Петрухин</i>	
«Раннеисторические описания» и начало русского летописания	264

V. Ja. Petrukhin

- “Early historical writing” and the beginning
of the Russian chronicle tradition 278

Rainer Eckert

- In ehrendem Gedenken an Vladimir Nikolaevič Toporov
ein Brief von seiner überaus gütigen, klugen
und anmutigen Gattin Tatjana Jakovlevna Elizarenkova..... 279

Rainer Eckert

- In honorful memory of Vladimir Nikolaevič Toporov
a letter from his very kind, smart and graceful wife
Tatjana Jakovlevna Elizarenkova..... 282

A. Ф. Журавлёв

- Почерк Топорова 284

A. F. Zhuravlev

- Handwriting of Toporov 301

ГРАСИЛДА БЛАЖЕНЕ
(Институт литовского языка, Вильнюс)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРУССКОГО ОНОМАСТИКОНА В БАЛТИЙСКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.1

В 1840 г. великий немецкий филолог Якоб Гримм написал важные и цитируемые многими ономастами слова о роли имен собственных в языковых исследованиях: «Всякий источник немецкого языка рано иссяк бы без имен собственных, так как древнейшие свидетельства, которыми мы располагаем, сокрыты именно в них. Поскольку элементы имен собственных в известном смысле не следуют за потоком живой речи, но характеризуются более устойчивой природой, они могут служить источником сведений о более древней эпохе, чем наблюдаемая нами. Энергия их построения и словообразования нередко подпитывала выражения и формы, исчезнувшие в повседневном языке»¹.

В 1922 г. высоко ценимый Владимиром Николаевичем Топоровым выдающийся литовский языковед Казимир Буга в краткой статье отметил важность изучения имен собственных: «Посредством топонимов к нам обращается сама земля. Словами ее языка являются названия городов, деревень, рек, озер, болот, лесов, гор и др. Люди называют име-

---

¹ В данном случае будет уместно привести и текст оригинала, поскольку он стал программным: «Ohne die eigennamen würden in ganzen frühen jahrhundertern jede quelle der deutschen sprache versiegt sein, ja die ältesten zeugnisse, die wir überhaupt für diese aufzuweisen haben, beruhen gerade in ihnen. Und da die bestandtheile der namen gewissermassen nicht dem strom der lebendigen rede folgen, sondern zäherer natur werden, beweisen sie sogar für eine ältere zeit zurück, als in der sie uns aufbewahrt sind. Die wärme ihrer bildung und zusammensetzung hat nicht selten frühere ausdrücke und formen gehegt, die in der gewöhnlichen sprache untergegangen sind» (Grimm 1840: 133).

нами различные места. Имена, созданные одним народом для именования различных географических объектов, могут стать топонимами и для другого народа. Так происходит, когда некий народ вторгается на чужую землю. Завоеватели оставляют для части мест прежние названия, которые они узнали от старожилов, а другой части присваивают новые имена, нередко принесенные с прежней родины» (Būga 1922/1961: 491).

Из прусского языка мы извлекаем сведения о пруссах, древнейших жителях прусской земли, а также о появлении имен, их использовании, исторических изменениях и о развитии края. Автор данной статьи неоднократно упоминала о том, что прибывшие на прусские земли рыцари Тевтонского ордена обнаружили множество прусских личных имен и топонимов, которые в приемлемой для писцов форме были зафиксированы орденской канцелярией (Blažienė 2015a: 26–27). Согласно принципу исторической ономастики, в первую очередь необходимо собирать столетиями фиксируемые имена собственные, а потом их интерпретировать. Не стоит упускать из виду тот факт, что при толковании прусских имен собственных следует опираться лишь на письменные источники; эти имена невозможно проверить формами современного произношения, поскольку такие формы попросту не сохранились. До наших дней дошли подвергшиеся иноязычному влиянию прусские топонимы и антропонимы, по которым необходимо восстановить аутентичные формы слов. Прусский ономастикон был германизирован, например, прусский ойконим [1423] *Curwedumpne* (OF 162 7v), *прусск. *Kurva-dumpn-*, превратился в *Cordommen* (Топоров ПЯ 4: 134; Blažienė 2005: 44). Первую часть сложного слова связывают с прусск. *curwis* ‘бык’, а вторую — с лтш. *dubēns* ‘дно’, ср. лит. *dūgnas*, учитывая мену *-bn->-mn-* (Būga 1913/1958: 428; 1913/1958a: 502–503; Gerullis 1922: 70, 85, 103; Топоров ПЯ 1: 390–391). Полонизации был подвергнут ойконим 1423 г. *Lossykaym* (OF 162 99v), 1437/1438 г. *Lozzekaymen item hat 7 huben, allir besatzz* (OF 131 1143), позднее нем. *Loschkeim*, польск. *Łoskaymy*, возмож-

но, прусск. *Lusekaimis (?), второй компонент которого не вызывает сомнений, поскольку это распространенная прусская тополексема **kaim-*, ср. прусск. *caymis* ‘деревня’. В реконструкции первого компонента сомневался Вольфганг П. Шмид, мнение которого приводит в своей книге Розалия Пшибытек (Przybytek 1993: 161), аргументируя это тем, что фиксации с *-o-* или с *-oo-* не позволяют восстановить аутентичную форму **Las-*, как это предложил Топоров (Топоров ПЯ 5: 363–364) или **Lus-*, как ее реконструировала Р. Пшибытек (Przybytek 1993: 161). Георг Геруллис (Gerullis 1922: 91) не пытался комментировать первый компонент. Его, скорее всего, удастся прояснить при обнаружении большего числа исторических вариантов записи: следует избегать интерпретации неясных аутентичных форм. Можно выдвигать гипотезы, без них не обойтись, но фиксации ойконима не позволяют сделать надежных выводов относительно первого компонента сложного слова. Отмечено, что в исторических документах название этого населенного пункта впервые было зафиксировано в 1423 г., цитируемую Геруллисом запись 1419 г. следует датировать 1437/1438 г., поскольку в это время были записаны документы Большой (Великой) чиншевой (оброчной) книги Тевтонского ордена («Das grosse Zinsbuch des Deutschen Ritterordens (1414–1438)») (см. Thielen 1958). Следует отметить, что исследователи собственных имен должны разбираться в структуре документов, на которые они опираются, и, разумеется, в датировке документов, в данном случае фолиантов Ордена. На прусский ономастикон также оказал влияние литовский язык. Прусские ойконимы, находившиеся рядом с литовскими землями, нередко подвергались литуанизации. Примером литуанизации является ойконим *Claus Russenig* (Überschrift) *II huben und III hoken ackers gelegen zu Russenig czu prusch recht* (OF 105 255r/v), зафиксированный в 1352 г. в епархии Кремиттен в Восточной Самбии близ р. Деймены, где, вполне вероятно, было влияние литовского языка. Таков прусский оним **Rusenik-*, возникший от прусского личного имени *Russenig*, упомянутого в титуле привилегии. С 1430 г. запись

изменяется: *drey hoken im felde zu Rawschingke* (OF 111 152). С 1844 г. деревня носит название *Rauschninken* (Gebauer 1844: 135) с литовским суффиксом *-inink-* (Blažienė 2000: 129).

Особое внимание в трудах по исторической ономастике следует уделять сбору материала, поскольку надежный материал является фундаментом для толкования имен собственных. Материал, который мы анализируем в своих работах, был отобран из множества рукописных источников, хранящихся преимущественно в берлинском Тайном государственном архиве прусского культурного наследия; это орденские фолианты XIII–XVIII вв., восточнопруссские фолианты, орденский архив писем, пергамены из так называемых выдвигаемых ящиков документов (нем. *Urkundenschiebladen*) и документов *Etatsministerium*, или *Staatsministerium* (государственного министерства), карт, различных списков. Исследователи прусского ономастикона, несомненно, пользовались и продолжают пользоваться письменными источниками, составленными историками, архивистами, способными разобраться в сложных текстах рукописей Тевтонского ордена. К таковым относится Книга документов Самбии (SUB), Книги документов Ордена (PUB) и многие другие собрания опубликованных документов. Весьма полезной является знаменитая «Полная топография Королевства Пруссии» Иоганна Фридриха Гольдбека, изданная в 1785 г. По нашему мнению, ономасты при изучении собственных имен мертвого прусского языка должны самостоятельно извлекать материал из аутентичных источников, а именно из рукописных исторических документов. Практика сбора и публикации ономастикона в других европейских странах немного иная. Скажем, в Германии при подготовке важных региональных ономастических трудов исследователям-ономастам помогают историки².

---

² Следует упомянуть о книгах по топонимике Нижней Саксонии, которые совместно пишут историки и ономасты, например историк Уве Охайнски и известный ономаст Юрген Удольф. Так, в 1998 г. этими авторами был опубликован подробный свод топонимов района Ганновер и самого города, в котором представлены исторические записи каждого топонима и их анализ

В прусской топонимике программными считаются работы Георга Геруллиса «*De Prussicis Sambiensium locorum nominibus*» (Gerullis 1912) и «*Die altpreußischen Ortsnamen*» (Gerullis 1922), в антропонимике — диссертация Эрнста Леви «*Die altpreußischen Personennamen*» (Lewy 1904) и самый подробный на настоящий момент сборник прусских личных имен — труд Рейнгольда Траутмана «*Die altpreußischen Personennamen*» (Trautmann 1925). Не стоит также забывать о трудах первопроходцев: Георга Хейнриха Фердинанда Нессельманна «*Thesaurus linguae Prussicae. Der preussische Vokabelvorrath soweit derselbe bis jetzt ermittelt worden ist nebst Zugabe einer Sammlung urkundlich beglaubigter Localnamen*» (Nesselmann 1873), сборника Вильгельма Пирсона «*Altpreußischer Namenkodex*» (Pierson 1873). Из упомянутых работ мы отбирали те топонимы и антропонимы, которые не удалось обнаружить в рукописных источниках, так как некоторые источники считаются утраченными. При изучении прусских топонимов особое внимание было уделено контекстам, в которых упомянуты конкретные собственные имена. Затем мы стремились точно определить местонахождение каждого онима. Локализацию топонимов можно назвать чуть ли не отдельной областью исследования: поскольку ссылки в исторических источниках не всегда бывают достаточными, приходится внимательно анализировать контекст каждого документа, просматривать много исторических работ, различных реестров (см. Blažienė 2000; 2005).

(Ohainski, Udolph 1998). Без участия историков и архивистов не обходится реализация и хорошо известного в Европе инициированного в 2005 г. проекта Геттингенской академии «Топонимы между Рейном и Эльбой — ономастика в пространстве Европы», целью которого является описание словника Вестфалии (WOB) в девятнадцати томах. Первый том о топонимах района Зост появился в 2009 г., над его составлением трудились историк Михаэль Флюер и Клаудия Мария Корсмайер, анализировавшая топонимы (Flöber, Korsmeier 2009). Содействие авторам было оказано руководителем проекта опытным ономастом Кирстин Каземир.

Прусский ономастикон является наиболее раннеизученной частью балтийского ономастикона. После издания трудов Геруллуса и Траутмана произошли изменения двоякого характера. С одной стороны, усилилась работа по сбору лексики и изданию словарей других балтийских языков; с другой стороны, были обнаружены прусские имена собственные, не зафиксированные Геруллусом и другими исследователями прусской лексики. Польская исследовательница Р. Пшибытек в своей монографии, опубликованной в 1993 г. в серии «Hydronymia Europaea», инициатором и издателем которой явился Вольфганг П. Шмид, описала 215 новых топонимов исследуемой области. Автор данной статьи (Blažienė 2000; 2005) представила свыше 700 недавно обнаруженных ойконимов Самбии и не исследованной Пшибытек территории Восточной Пруссии. Данные причины и возрастающий интерес к прутенистике, особенно после работ В. Н. Топорова, обусловили новый виток в развитии этой дисциплины³.

Кроме того, были расширены временные рамки исследуемого материала, охватившие и XVI–XVIII вв., поскольку Геруллис в своем словаре ограничился 1525 годом, мотивируя это тем, что в начале XVI в. установились немецкие формы произношения прусских топонимов. С этим мнением Геруллуса автор статьи не соглашалась с самого начала своей научной деятельности. Позиция Геруллуса была жестко раскритикована А. П. Непокупным (Непокупный 1976: 119–120), а затем в 1993 г. — издателем Шмидом в предисловии к книге Пшибытек, вышедшей в серии «Hydronymia Europaea».

Как показывает многочисленный рукописный материал, впервые зафиксированные в XVI–XVIII вв. прусские топонимы имеют исключительную важность для изучения прусского ономастикона. Автор

---

³ Следует отметить, что предпринимаются новые шаги по популяризации прусского словника и изучавших его ученых. Хотелось бы упомянуть Интерактивную карту Восточной Пруссии (IRPŽ), которая создается в онлайн-пространстве уже несколько лет и доступна прутенистам и, соответственно, балтистам, а также ономастам.

данной статьи установила и неоднократно указывала на значимость этих топонимов для исследования прусского ономастикона, например: [1540] *Tapliken, Dapplieckenn, Daplikeim* (Ostpr. Fol.: 911a III 3 24r, 38v; 4 22v), [1585] *Tappelkeim 10 huben* (Ostpr. Fol.: 8575 11), [1785] *Klein Tappelkeim* (Goldbeck 1785: 188), [1804] *Tappelkeim* (Schroetter XI), [1893] *Tappelkeim* (OV: 498), [1906] *Tappelkeim* (VSO: 271), [1933] *Tappelkeim* (ОРО: 174), район Фридланда. В Восточной Пруссии было две деревни с названием *Tappelkeim*. Одна находилась в Ольштынском воеводстве Бартошицкой епархии, на нее указала Пшибытек (Przybytek 1993: 299–300), позже это польск. *Tapilkajmy*. Название представляет собой прусское сложное слово **Tapil-kaim-*, второй компонент которого связывается с прусск. *saumis* ‘деревня’, а первый происходит от личного имени, ср. литовское личное имя *Tapilius* (см. Gerullis 1922: 181; Przybytek 1993: 205; Blažienė 2005: 205). В записях наблюдается мена *-t-* и *-d-*, синкопирование компонента *-kaimis* до *-k-*. В 1785 г. название записано Гольдбеком как сложный ойконим, первый компонент которого *Klein* ‘Малые’ выражает признак объекта. Существуют довольно поздно записанные топонимы, например: *Warnigkeim* возле Домнау, район Фридланд: [1804] *Warnickeim* (Schroetter XI), [1873] *Warnigkeim*, имение (Pierson 1873: 733), [1893] *Warnigkeim*, фольварк (OV: 530), [1906] *Warnigkeim* (VSO: 291), 1933 *Warnigkeim* (ОРО: 184), [1976] *Раздольное* (НПКО: 382).

Исследователи прусского словника собственных имен должны хорошо знать все доступные источники. Их нужно уметь прочитать и расшифровать названия, уловить особенности каждого документа, контекст его возникновения. Нужно быть в курсе, что, к примеру, фолианты Ордена 99 и 100, являющиеся Книгами привилегий Кристбургской комтурии («*Handfestenbuch der Komturei Christburg*»), на самом деле представляют собой один и тот же источник, поскольку OF 100 является переводом на немецкий язык записанного латынью OF 99. То же можно сказать и о рукописных источниках, касающихся Самбии, например, о фолианте Ордена 103, посвященного привилегиям Самбийского

епископства («Privilegia des Bistums Samland»), и о OF 104, являющемся списком с OF 103.

В фолианте Ордена 161 «Pfennigschuldbuch der Komturei Christburg» («Долговая книга Крестбургской комтурии»), профессионально расшифрованном Хайде Вундер и в 1969 г. изданном отдельной книгой (Wunder 1969), зафиксировано множество ойконимов Крестбургского района, записи которых порой сильно варьируют и при этом раскрывают и подтверждают зафиксированные в других документах факты. Например, что один населенный пункт носил два прусских названия, около 1400 г. *Egil* (OF 161 34r, 162v), *Egyl* (OF 161 162v); позднее появляется еще одно название того же селения *Egil Wissewillen* (OF 161 163r, 168r), *Egel Wissewillen* (OF 161 169r). Итак, по данным OF 116 можно восстановить две аутентичные формы названия одного и того же населенного пункта, прусск. *Eigel, связываемое с прусским личным именем *Niclos Eigel*, *Egel*, и прусск. *Vissevil- от прусского личного имени *Wissewille*. Затем населенный пункт был переименован: нем. *Iggeln*, польск. *Igły* (Blažienė 2005: 358). Опираясь на Вундер (Wunder 1969: 9), можно утверждать, что в этом фолианте отражена характерная для орденского региона смесь нижненемецкого, верхненемецкого и средненемецкого языков, под влиянием которых изменился облик прусских собственных имен (см. еще Blažienė 2015: 45). Прусский ономастикон существовал на территории, сложной в лингвистическом и историческом отношении: здесь говорили по-пруски, на различных диалектах немецкого и по-польски. Таким образом, можно говорить о его балтийском и европейском контексте, ведь исторический ономастикон прусского языка является значимым для ономастических систем немецкого и польского языков. Перспективным представляется исследование германизации и полонизации прусских собственных имен. Они фиксировались орденскими писцами, владевшими латынью и средненемецким языками, т. е. канцелярскими языками Ордена. Однако следует учитывать, что в орденской канцелярии могли нести службу и образованные пруссы, так как сохранились сведения об уче-

бе прусских студентов в европейских университетах. Прусский язык для завоевателей XIII–XIV вв. был чуждым и непонятным. Прусские собственные имена фиксировались в том виде, как их произносили местные жители в живой разговорной речи; именно так, как эти имена собственные были услышаны записавшими их хронистами. Особое значение для сохранения прусских собственных имен имел тот факт, что немцы зафиксировали их в тысячах документов, большая часть которых дошла до наших дней. Пруссы первыми из балтийских племен испытали на себе мощь иноземной военной силы и разрушительное иноязычное влияние на свой язык.

Ранее нами были рассмотрены причины, обусловившие контакты упомянутых языков (Blažienė 2015: 43, 44–45).

Приведем несколько примеров германизации и полонизации прусских топонимов. В фолиантах обнаружены следующие названия: в 1399 г. в Самбии — *Peter und Nemkynt und Jacob Jacob Robutten son VIII hoken im velde Werge zwene hoken gelegen do selbest czu Wergee* (OF 107 82v–83r), около 1400 г. — *Wergee und Posleiten* (OF 109 38), около 1400 г. — *Werge und Posleytin* (OF 110 16), около 1400 г. — *Wergee und Posleiten dy halten von XXI hoken* (OF 111 21), в 1540 г. — *zu Wergin* (Ostpr. Fol. 911 a XXX 1 29v), в 1600 г. — *Warginen* (Ostpr. Fol. 5516 3r). Позднее появляется *Wargienen* (Blažienė 2000: 171). После Второй мировой войны населенный пункт получил название *Великолукское* (Blažienė 2000: 95). Влияние немецкого языка проявилось в изменениях *er > ar*, *ar > er* (Mitzka 1968: 324). Около 1420 г. в районе Фридланда зафиксирован топоним *Jundithen* (OF 163 37). В XVIII в. деревня называлась *Jenditten* (Goldbeck 1785: 71), затем — *Genditten*, а позднее — *Кузнечное* (Blažienė 2005: 62). В Ольштынском воеводстве в 1286 г. отмечен населенный пункт *campi, qui Pokotiten, Pokutie vocatur* (OF 99 60r). В 1365 г. появляется вариант *Bacutitien* (PUB VI: 1 191), около 1400 г. — *Bakatyten* и *Pakotyten* (OF 161 114v, 167v, 166v). В том же фолианте зафиксирован немецкий ойконим *Heckintuffell* (OF 161 9v), в 1485 г. он же отмечен как *Hackenteuffell* (Semrau 1932: 46). С 1530 г.

фиксируется немецкое название *Haack*, образованное, возможно, от личного имени *Hackenteuffel*, ср. также средненижненемецкое *hake* ‘единица меры земли’ (Lübben, Walther 1995: 133). После 1945 г. деревня получила название *Jezierce* от польского *jezioro* с суффиксом *-ce*, поскольку находилась между двумя озерами. Данный ойконим рассмотрен в самом подробном своде польских населенных пунктов «Nazwy miejscowe Polski» (NMP V: 180), однако польские ономасты не учли древнейших вариантов его записи. Геруллис (Gerullis 1922: 113, 14) отметил ойконимы *Pokotite* и *Bakutiten* как относящиеся к двум различным объектам. Польский вариант *Jezierce* не имеет ничего общего с аутентичной прусской формой **Pakut-īt-* или **Bakut-īt-* (см. Blažienė 2005: 266; Blažienė 2015: 57).

Прусские ойконимы часто полонизировались. В Помезании, совр. Ельблонгский повет, имеется ойконим *Sadhuki*, в 1242 г. зафиксированный как *Sodlok* (CDP I: 51). До 1933 г. представлено 20 вариантов его записи, которые почти не варьируются. Это прусский ойконим **Sadeluk-*, образованный от прусского личного имени *Sadeluke*, *Sadluke* (Gerullis 1922: 167; Trautmann 1925: 84). Полонизированная форма *Sadhuki* была образована от прусской формы мн. ч. без суффикса (Górniewicz 1980: 137–138; Blažienė 2005: 380).

В прусский ономастикон вошли германизированные и полонизированные формы слов и элементы произношения немецкого и польского языков, поэтому довольно сложно, а порой и невозможно отследить аутентичную форму ойконимов и должным образом объяснить их происхождение; например, под 1438 г. в Эльблонгском повете записано *die mole zu Dyeteyn im gebiete Elbing* (OF 97 57v) (Blažienė 2005: 252). Аутентичная форма ойконима *Dyeteyn* пока неясна, так как другие записи этого названия неизвестны, и нужно искать фактологический материал, позволяющий восстановить аутентичные формы.

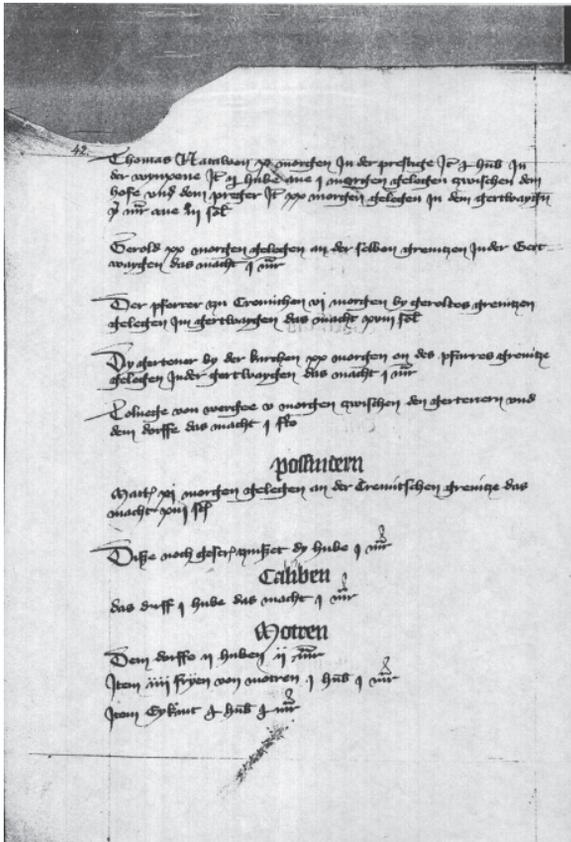
Безоглагательной задачей прутенистики является изучение прусских письменных источников с усиленным вниманием к иноязычному влиянию, установление языковых особенностей каждого документа,

содержащего прусские имена собственные. В первом приложении (с. 236–346) монографии 2005 г. автора данной статьи (Blažienė 2005) анализируются восточнопрусские ойконимы, не вошедшие в научный труд Пшибытек 1993 г. Благодаря рукописным источникам автору данной статьи удалось дополнить исследование польского ономаста; были установлены более точные датировки, выявлено больше вариантов, обращено внимание на утраченные в последующие столетия топонимы, например, *Ballein* в Ольштынском воеводстве, Моронгской епархии — [1434] *von Zawgelawckyn bey Gallinden gelegen zu Ballein* (OF 86 32r). Геруллис (Gerullis 1922: 153) отметил, что точно локализовать ойконим *Zawgelawckyn* не представляется возможным. Оним *Ballein*, — скорее всего, прусск. *Bal-ein — образован с помощью прусского суффикса **-ein*- от апеллятива, ср. лит. *balà*, лтш. *bala* ‘болото’. Пшибытек иногда упускала из виду ойконимы, при которых было пояснение *campus* или *Feld* ‘поле’. Автор данной статьи писала об употреблении этих понятий при характеристике топонимов (см. Blažienė 2002: 17–18) и пришла к выводу, что в список ойконимов нужно включать и названия, поясняемые как «поле». Контекст исторических документов позволяет предположить существование названий населенных пунктов с определением «поле», например, не упомянутый Геруллисом топоним из OF 105: [1340] *Item dedimus fidelibus nostris Sanglobe, Petro et Tulekoyten fratribus x mansos in campo Prankilauke ... III uncas in campo Loyden* (OF 105 244r), ср. [1340] *10 Hufen in Felde Prankilauke* (PUB III: 215) (Blažienė 2005: 319, где неточно указана страница OF 105 и не представлен развернутый контекст). Пшибытек (Przybytek 1993: 145) рассмотрела топоним *Loyden*, охарактеризованный как *campus*; позднее появляется германизированная форма *Legden*, польск. *Lejdy*, — топоним, локализуемый в Ольштынском воеводстве Бартошицкой епархии. Название *Prankilauke* неоднократно упоминается в исторических источниках, но это не означает, что оно не могло обозначать исчезнувший населенный пункт. Судя по всему, это прусский оним **Prank-lauk-*, второй компонент которого связан с распространенной

прусской тополексемой *laucks* ‘поле’. Первая часть может происходить от личного имени, ср. литовское личное имя *Pránka* (LPDB). Однако не стоит исключать ее возможной связи с средненижненемецким *prank* ‘борьба, спор, брань, война, беда, несчастье; роскошь, нарядность’ (Lübben, Walther 1995: 283). В таком случае ойконим можно трактовать как гибридное образование.

Учитывая тот факт, что в рукописных документах могли быть и были прусские апеллятивы, которые трактовались как имена собственные, в нижеуказанном документе OF 109 f. 42 имеется несколько неисследованных случаев. На этот источник ранее уже обращалось внимание (Blažienė 2001: 16–17). В деревне *Wilkeynen*, в Восточной Самбии, зафиксированы крайне интересные факты — *In der prestige*, *in der wynxene*, и четырежды упомянуто *In dem gertwaygñ*, *In der Gertwaygen*, *Im gertwaygen*, *Inder gertwaygen*. Название деревни, по данным автора данной статьи, записано в 1396 г.: *unsirm getruwen ywan seyne rechten erben und nachkommelingen IIII hoken gelegen im velde czu Wilkene* (OF 107 30r), около 1400 г.: *Wilkeynen das dorff* (OF 109 41), *Wilkenen* (OF 109 21; OF 110 10; OF 111 12), *Wilkeynen das dorff* (OF 109 41; OF 111 24), [1540] *Wilkyñ* (Ostrpr. Fol. 911 a XXX 21,2 4r), *Thomas vnnd Philip zu Wilkin haben 1 dinst* (Ostpr. Fol 911 a XXX 1 30r), [1682] *Wilkiēnen* (Ostpr. Fol. 10849 14r), [1785] *Wilküñnen* (Goldbeck 1785: 206), [1802] *Kl. Wilkehnen, Wilkiehnen* (Schroetter VI). С 1844 г. появляется *Willküñnen* (Gebauer 1844: 126). Это прусский ойконим **Wilk-ein-* или **Vilken-*, образованный с помощью прусского суффикса **-ein-* от прусского личного имени *Wilke* или *Wilkene*. В XVII в. появляется суффикс *-ien-*, позднее литуанизированный (*-iñnen*) (см. Blažienė 2000: 176). Упомянутые выше словосочетания фиксируются также в OF 111 24: *in der prestige*, *in der wynxene*, *in dem Gertwaygen*, *in der Gertwaygen*, *in der gertwayen*. По мнению знатоков орденских фолиантов, перед именами собственными часто писались немецкие определенные артикли. В Самбии обнаружено крайне мало подобных примеров, как и в ономастиконе других рассмотренных автором земель Восточной Пруссии. В 2001 г. автором данной статьи было высказано осторожное

суждение, что *prestige*, *wynxene*, *Gertwaygen* могли быть апеллятивами, поскольку подобные примеры встречаются в фолиантах Ордена (Blažienė 2001: 17; Blažienė 2015: 28–29). *Gertwaygen*, *Wynxene* были рассмотрены Геруллисом (Gerullis 1922: 40, 135, 203; Топоров ПЯ 2 : 223; Blažienė 2000: 41, 177) как ойконимы. У автора данной статьи вызвало сомнение предложенное Геруллисом (Gerullis 1922: 135) прочтение *prestige* как *Presluge*, поскольку в документе записано *in der prestige*. В такой же форме эту запись прочитал Траутман (Trautmann 1925: 140). Геруллиса можно понять, так как интерпретация *prestige* действительно сложна. Вполне возможна аутентичная прусская форма **Prei-stig-*, у которой первая часть — это прусский предлог *prei* ‘возле, у’ (о нем см. Mažiulis 2013: 762–463), а **stig-* образовано от прусского личного имени *Stygots* (Trautmann 1925: 99) (вероятно, также и прусск. **Stige*), лит. личное имя *Stigà*, *Stigė*, которые, возможно, связаны с лит. *stigà* ‘отсутствие, нехватка’, *stigti* ‘не хватать, недоставать’ (LPDB), ср. прусск. ойконим *Stigein*, *Stigeynen* (Przybytek 1993: 282; Gerullis 1922: 173–174). С точки зрения семантики такое толкование вполне допустимо. *Winxene* мы сейчас склонны объяснять как прусск. **Vinksen-* и связывать его с лит. *vinkšnyñė* ‘вязовый лес; место, где произрастает много вязов’, ср. лит. с тем же значением *vinkšýnas* (LKŽe) (ср. Gerullis 1922: 203; Blažienė 2000: 177). *Gertwaygen* трактуется как сложное слово **Gert-vaj-*, первый компонент которого, похоже, семантически связан с прусск. *gerto* ‘курица’, а второй — с прусск. *wayos* ‘луга’ (см. Gerullis 1922: 40; Топоров ПЯ 2: 223; Blažienė 2000: 41). Вместе с рассматриваемыми ойконимами (?) в документе упомянут ксендз *Cremitten*, *Tolnege* из *Wergee* (позднее *Wargienen*) и *gertener* или *Gärtner* ‘бобыли’, о которых не упомянул Юрген Мартенс в своем подробном сочинении «Die ländliche Gartensiedlung im mittelalterlichen Preußen» (Martens 1997), вероятно, потому что они не были конкретно названы. Упомянутые имена (или апеллятивы) не фигурируют и в монографии Гриши Феркамера, посвященной социальной истории и управлению населенных пунктов Самбийской комтурии. (Vercamer 2010: 421).

GStA PK, XX. HA, OF, Nr. 109, f. 42

Thomas Natawen x morgen In der prestige It[em] I hūb in
der wynxene It[em] Ihube ane I morgen gelegen czwischen dem
hofe vnd dem preger It[em] xx morgen gelegen In dem gertwaygn
v / I [korrigiert von v zu I] m[arc] ane in sol

Gerold xx morgen gelegen an der selben greniczzen In der Gert z
waygen das macht I m[arc]

Der pferrer czu Cremithen vi morgen by geroltes greniczzen
gelegen Im gertwaygen das macht xviii sol

Dy gertener by der kirchen xx morgen an des pfarres greniczē
gelegen Inder gertwaygen das macht I m[arc]

Tolnege von wergee v morgen czwiſchen den gertenern vnd
dem dorffe das macht I flo

Poffindern

Mart[in] vi morgen gelegen an der Cremiſchen greniczē das
macht xviii ſol

Diße noch geſtr czinβet dy hube I m[arc]

Caliben

das dorff I hube das macht I m[arc]

Motren

Dem dorffe ii huben ii m[arc]

Item iiii fr̄yen von motren I hūb I m[arc]

Item Eykint I hūb I m[arc]

Прусские имена собственные являются частью прусской лексики, но они обладают спецификой, четко отделяющей их от имен нарицательных.

Изучение прусских собственных имен существенно рширяет знания о лексике прусского языка, поскольку из имен собственных мертвого языка извлекаются не зафиксированные в памятниках письменности апеллятивы (Blažienė 2017: 63–85). Например, автором настоящей статьи выявлено следующее: *Gregor von der Trutenaw und seinen erben und nachkomeligen VI huben czu Lusynelauken anders Ramiten genant im Gebiete Rastenburg* (1447 г., Ольштынское воеводство) (OF 97 169r–170v). Вполне вероятно, что мог существовать прусский апеллятив *lūsīnē ‘место скопления рысей’, ср. прусск. *luysis* ‘рысь’ (Blažienė 2004: 29–30; Blažienė 2005: 296). Открываются всё новые данные прусского ономастикона, например, под 1469 г. записано: *...eine hube Bruchs in der Raake im gebiethe Koningsberg und cammerambt Schaken gelegen...* (EM 1469 126d 1473, 1v). Автор данной статьи пока воздерживается от обсуждения этимологии *Raake*, пусть это останется объ-

ектом для будущих исследований, поскольку этот факт следует рассмотреть особо. Собранные сведения о прусском ономастиконе могут помочь в решении сложных вопросов не только прусской и в целом балтийской, но также германской и славянской праистории. Вполне вероятно, что данные прусского ономастикона, являющиеся источником изучения самого прусского языка, помогут установить, как лексика прусского языка может быть выявлена в других балтийских языках и их диалектах.

Необходимо создать базу данных прусских имен собственных, в которой учитывались бы исторические источники, фиксирующие данные имена, их языковые особенности, контекст записи каждого имени собственного, влияние на прусскую лексику диалектов немецкого, а также польского и литовского языков.

Одной из современных функций каждой отрасли науки в ее конкретных выводах является обогащение и активизация других отраслей науки, а в данном случае — исследований праистории и истории края.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

НПКО — Населенные пункты Калининградской области: Краткий справочник. Раздел II: Алфавитный список бывших немецких населенных пунктов с указанием современных наименований и территориальной принадлежности. Калининград, 1976.

Непокупный 1976 — *Непокупный А. П.* Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.

Топоров ПЯ 1–5 — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. Т. 1–5. М., 1975–1990.

Blažienė 2000 — *Blažienė G.* Die baltischen Ortsnamen im Samland. Stuttgart, 2000. (Hydronymia Europaea; S.-Bd. 2)

Blažienė 2001 — *Blažienė G.* Zu den altpreussischen Ortsnamen im Samland // *Tarptautinė Kazimiero Būgos konferencija: Etimologija ir onomastika.* Vilnius, 2001. P. 14–17.

Blažienė 2002 — *Blažienė G.* Sembos vietų vardai — istorijos šaltinis // *Istorija.* 53. 2002. P. 15–21.

Blažienė 2004 — *Blažienė G.* On the Subject of Old Prussian Estate Names // *Studies in Baltic and Indo-European Linguistics: in honor of William R. Schmalstieg* / ed. by P. Baldi, P. U. Dini. Amsterdam, Philadelphia, 2004. P. 27–32.

Blažienė 2005 — *Blažienė G.* Baltische Ortsnamen in Ostpreußen. Stuttgart, 2005. (Hydronymia Europaea; S.-Bd. 3).

Blažienė 2015 — *Blažienė G.* Altpreußische Toponyme als Gegenstand selbstständiger Untersuchungen // *Namen und Appellative der älteren Sprachschichten. Vorträge gehalten anlässlich der von der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen vom 18. bis 20. September in Göttingen durchgeführten Tagung „Namen und Appellative der älteren Sprachschichten zwischen Rhein und Elbe und benachbarter Gebiete“* / hrsg. von K. Casemir. Hamburg, 2015. S. 41–61.

Blažienė 2015a — *Blažienė G.* Kalbos lemtis ir likimas // *Nerimas 3: Išsaugoti Lietuvos valstybę*. Vilnius, 2015. P. 19–49.

Blažienė 2017 — *Blažienė G.* Altpreußische Eigenamen als Quelle der altpreußischen Lexik // *Incontri Baltistici in Pisa. Studi e saggi. Studia Baltica Pisana* / a cura di P. U. Dini. I Edizione Marzo 2017. Novi Ligure, 2017. P. 63–85.

Būga 1913/1958 — *Būga K.* Apie senovės prūsų ir lietuvių tikrinius vardus. Dėl Jurgio Gerulio rašto „De Prussicis Sambiensium locorum nominibus. Dissertacio inauguralis. Tilsis. MCMXII. 8³ 168“ // *Būga K.* Rinkiniai raštai I. Vilnius, 1958. P. 419–428.

Būga 1913/1958a — *Būga K.* Kann man Keltenspuren auf baltischem Gebiet nachweisen? (Aus Anlass der Arbeiten Schachmatov's über keltisch-slavische und finnisch-keltische Beziehungen) // *Būga K.* Rinkiniai raštai I. Vilnius, 1958. P. 496–530.

Būga 1922/1961 — *Būga K.* Vietų vardai — istorijos šaltinis // *Būga K.* Rinkiniai raštai III. Vilnius, 1961. P. 491–492.

CDP — *Codex Diplomaticus Prussicus.* Urkunden-Sammlung zur älteren Geschichte Preußen aus dem Königl. Geheimen Archiv zu Königsberg nebst Regesten / hrsg. von J. Voigt. Bd. 1. Königsberg, 1836.

EM — *Документы из фонда Etatsministerium, хранящиеся в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия.* Берлин.

Flöer, Korsmeierer 2009 — *Flöer M., Korsmeierer C. M.* Die Orstnamen des Kreises Soest. Bielefeld, 2009.

Gebauer 1844 — *Gebauer K. E.* Kunde des Samlandes oder Geschichte und topographisch-statistisches Bild der ostpreussischen Landschaft Samland. Königsberg, 1844.

Gerullis 1912 — *Gerullis G.* De Prussicis Sambiensium locorum nomini-bus: phil. Diss. Tilsis, 1912.

Gerullis 1922 — *Gerullis G.* Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922.

Goldbeck 1785 — *Goldbeck J. F.* Vollständige Topographie des König-reiches Preußen. Bd. 1. Königsberg; Leipzig, 1785.

Górniewicz 1980 — *Górniewicz H.* Toponimia Powiśla Gdańskiego. Wro-claw, 1980.

Grimm 1840 — *Grimm J.* Über Hessische Ortsnamen // Zeitschrift des Vereins für hessische Geschichte und Landeskunde. Bd. 2. 1840. S. 132–154.

IRPŽ — *Blažienė G., Trumpa E., Gelumbeckaitė J., Adamonytė V.* Interak-tyvus Rytų Prūsijos žemėlapis. URL: prusija.lki.lt.

Lewy 1904 — *Lewy E.* Die altpreußischen Personennamen. Breslau, 1904.

LKŽe — Lietuvių kalbos žodynas 1–20, 1941–2002, elektroninis variantas / red. kol.: G. Naktinienė (vyr. red.), J. Paulauskas, R. Petrokienė, V. Vitkauskas, J. Zabarskaitė. Vilnius, 2005 (atnaujinta versija: 2008). URL: <http://www.lkz.lt>.

LPDB — Lietuvių pavardžių duomenų bazė. URL: <http://lkiis.lki.lt>.

Lübben, Walther 1995 — *Lübben A., Walther Ch.* Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Darmstadt, 1995.

Martens 1997 — *Martens J.* Die ländliche Gartensiedlung im mittelalterli-chen Preußen. Einzelschriften der Historischen Kommission für ost- und west-preußische Landesforschung / hrsg. von Udo A. Bd. 12. Lüneburg, 1997.

Mažiulis 2013 — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 2013.

Mitzka 1968 — *Mitzka W.* Altpreussisches // Kleine Schriften zur Sprach-geschichte und Sprachgeographie. Berlin, 1968. P. 317–332.

Nesselmann 1873 — *Nesselmann G. H. F.* Thesaurus linguae Prussicae. Der preussische Vokabelvorrath soweit derselbe bis jetzt ermittelt worden ist nebst Zugabe einer Sammlung urkundlich beglaubigter Localnamen. Berlin, 1873.

NMP V — Nazwy miejscowe polski. Historia. Pochodzenie. Zmiany. T. V: Ко–Ку / pod red. K. Rymuta. Kraków, 2003.

OF — Фолианты Ордена, хранящиеся в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия. Берлин.

Ohainski, Udolph 1998 — *Ohainski U., Udolph J.* Die Ortsnamen des Landkreises Hannover und der Stadt Hannover. Bielefeld, 1998.

OPO — Ortschaftsverzeichnis für die Provinz Ostpreussen. Stand vom 1. Dezember 1933. Königsberg, [1933].

Ostr. Fol. — Восточнопруссские фолианты, хранящиеся в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия. Берлин.

OV — Orts-Verzeichnis nebst Entfernungs-Tabelle der Provinz Ostpreussen. Bonn, [1893].

Pierson 1873 — *Pierson W.* Altpreußischer Namenkodex // Zeitschrift für preußische Geschichte und Landeskunde. Bd. 10. 1873. S. 483–743.

Przybytek 1993 — *Przybytek R.* Ortsnamen baltischer Herkunft im südlichen Teil Ostpreußens Stuttgart, 1993. (Hydronymia Europaea; S.-Bd.).

PUB III — Preußisches Urkundenbuch. Bd. 3. Lfg. 2 (1342–1345) / hrsg. im Auftrage der Historischen Kommission für ost- und westpreussische Landesforschung; hrsg. Dr. H. Koeppen. Marburg, 1958.

PUB VI — Preußisches Urkundenbuch. Bd. 6. Lfg. 1 (1362–1366) / hrsg. von K. Conrad. Marburg, 1986.

Schroetter VI, XI — *Schroetter F. L., von.* Karte von Ostpreussen nebst Preussisch-Litauen und Westpreussen nebst des Netzedistricts, Maßstab 1:150000 (gezeichnet um 1790). Berlin, 1802–1810.

Semrau 1932 — *Semrau A.* Die Siedlungen im Kammeramt Preuszisch-mark (Komturei Christburg) im Mittelalter // Mitteilungen des Copernicus Vereins für Wissenschaft und Kunst zu Thorn. Heft 42. S. 1–113.

SUB — Urkundenbuch des Bisthums Samland / hrsg. von C. P. Woelky und H. Mendthal. Leipzig, 1891.

Thielen 1958 — *Thielen P. G.* Das grosse Zinsbuch des deutschen Ritterordens (1414–1438). Marburg, 1958.

Trautmann 1925 — *Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925.

Vercamer 2010 — *Vercamer G.* Siedlungs-, Verwaltungs- und Sozialgeschichte der Komturei Königsberg im Deutschordensland Preußen (13.–16.

Jahrhundert) Marburg, 2010. (Einzelschriften der Historischen Kommission für ost- und westpreußische Landesforschung; Bd. 29).

VSO — Verzeichnis sämtlicher Ortschaften in der Provinz Ostpreussen mit Angabe des Kreises, des Amtsgerichtbezirkes und der Postanstalt, durch welche die Bestellung der Postsendungen ausgeführt sind. Zum Dienstgebrauche per die Postanstalten. Berlin, 1906.

Wunder 1969 — Das Pfennigschuldbuch der Komturei Christburg / hrsg. und bearb. von H. Wunder. Köln, 1969.

WOB — Das Westfälische Ortsnamenbuch / im Auftrag der Akademie des Wissenschaften zu Göttingen herausgegeben von K. Casemir und J. Udolph. Bd. 1.– Göttingen, 2009.–

Grasilda Blažienė

Research on Prussian Proper Names: Baltic and European Context

The language of the Prussian land speaks about the autochthons of that land, the Old Prussians, about the historical processes of the origin, use and change of proper names, and about the development of the region. The newcomers of the Teutonic Order in the Prussian lands found a myriad of Prussian personal names of the inhabitants of those lands and the place names which were recorded by the scribes of the Order representing a strict chancellery structure. The principle of historical onomastics is, first of all, to collect proper names recorded over centuries and to explain them. We should not disregard the fact that when explaining Prussian proper names, we can only refer to written sources, and they cannot be verified by means of the present-day forms of pronunciation, because there are simply no such forms. Prussian toponyms and anthroponyms reached our days already influenced by the neighbouring languages, and we had to restore their authentic forms. Prussian proper names were germanized, polonized and also affected by the Lithuanian language. The research of historical onomastics pays special attention to the collection of material as such data are the major grounds for explaining the origin of proper names. The analysis of Prussian

names of settlements requires a presentation of the context in which a specific proper name was mentioned. Prussian proper names constitute the part of Baltic proper names, which was the first to draw the attention of researchers; two-fold changes occurred in the second half of the 20th century: first, the collection and publication of the proper names of other Baltic languages increased; second, a number of Prussian proper names, not recorded by previous researchers of Prussian proper names, were found. Later, researchers found several hundred of new onyms of former East Prussia that were not included in scientific circulation. The abovementioned motives and the growing interest in the studies of the Prussian language as well as the careful attention of such linguists as Toporov, to Prussian proper names determined the revival of the research on Prussian proper names. The research chronology, which now covers the 16th–18th centuries as well, was also expanded.

One of the contemporary functions of every branch of science is to enrich and activate other branches by its specific conclusions. In the case concerned, the present paper can contribute to research of pre-history and regional history.

Keywords: Old Prussians, Prussian proper names, historical and linguistic context, historical sources, manuscript documents, authentic forms of oikonoms.

Б. Л. ОГИБЕНИН
(Страсбургский университет)

ИЗ ЗАМЕТОК ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СВЯЗЯХ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.2

1. Об индоевропейских и индоиранских данных в этимологии рус. *озóрный*, *озорно́й*

1. В этой заметке будут рассмотрены слова *озóрный*, *озорно́й* в их отношении к индоевропейским и, более конкретно, индоиранским истокам, объясняющим их этимологию. Предложенные до сих пор гипотезы не были приняты безоговорочно, что и заставляет вернуться к поиску новых или альтернативных решений.

В. И. Даль s. v. *озóрить* приводит *озóрный*, *озорно́й*, *озорни́ческий* и объясняет глагол (если ограничиться его значениями, наиболее важными для этимологии) как «зорить, разорять, буяннить, нагло самовольничать, драться, портить или вредить из шалости» (Даль II: 660). М. Фасмер s. v. *озорно́й* (переведённое им как *fresh* ‘дерзкий, наглый, без зазрения’ и *händelsüchtig* ‘сварливый, задиристый, склочный; забияка’) отвергает без какой бы то ни было аргументации сближение с глаголом *разорить* (Vasmer 2: 258), предложенное почти сто лет назад Г. А. Ильинским (см. П’jinskij 1927: 199). В глаголе *раз-орить* последний вычленял приставку *раз-* и корень *-ор-*, который следует находить в глаголах *зорить*, *зорováть* ‘разорять, портить, уничтожать, озорничать, забиячить, буяннить’ (согласно Далю (Даль I: 693), где принадлежащими к тому же этимологическому гнезду считаются слова *зорни́к*, *зорни́ца* со значениями ‘озорь или озорник, буян, забияка’ и *зори́ще*,

которое Даль истолковывает как ‘разорённое место, город, побоище, пожарище’). Если развить крайне скудное объяснение Ильинского, то приходится заключить, что приведенные слова с начальным элементом *зор-* возникли в результате необычного переразложения *ра-зор-*, т. е. деморфологизации приставки вследствие перемещения ее конечного согласного (Даль в примечании к статье *зорить* и пишет, что «корень *зор* в знч. *разора* допустить необходимо»).

Если вспомнить о возможном проникновении (заимствовании) в русский язык иранского *-zūr* в виде элемента *-зур-* и признать источником слов *базуриуть* ‘промышлять плутнями’, *обазуриуть(ся)* ‘обмануть, обьегорить’, ‘обмануться, ошибиться’ (Даль I: 38; II: 566) абсолютно идентичную иранскую форму **aba-zūr* или **abi-zūr-* (Топоров 1971)¹, то нельзя исключить, что установление этимологии слова *озорной* так же осуществимо с привлечением сходного древнеиранского и древнеиндийского лексического материала. Предлагаемое ниже решение заставляет более внимательно отнестись к гипотезе Ильинского и позволяет отказаться от молчаливо принимаемых связей обсуждаемых слов.

2. Анализ славянского **bazuriti*, к которому восходят, согласно В. Н. Топорову, глаголы *базуриуть(ся)*, *обазуриуть(ся)* — фонетический вариант *базулиуть(ся)*, — основывается на допущении сходства приведенных выше иранских форм и их славянского отражения и, что существенно подкрепляет его гипотезу, на утверждении, что исходным для семантики русских глаголов является идея дурного, отклоняющегося от нормы поведения, несправедности, испорченности, распущенности. Им же отмечается отражение в древнеиндийских и древнеиранских текстах индоевр. **g’huel-* ‘витья, извиваться, гнутья; сбиваться с (прямого) пути’ (допускается также родство этого корня и слов *зло*, *злой*, ст.-слав. *ꙗꙋль* ‘злой, дурной’). Правда, если следовать уточнениям, высказанным Абаевым, старославянское слово не связано с аве-

---

¹ Переиздано в: Топоров 2010. Эта этимология обсуждается и отчасти дополняется в: Ogui Bénine 2016: 25–26.

стийским *zūrah-* (позднеавестийское *zūrah-*) ‘ложь, зло, несправедливость’ или с древнеперсидским *zūrah-* ‘несправедливость, зло’ (Абаев 1965: 38) (впрочем, подлинность этого последнего слова ставится под сомнение, см.: Brandenstein, Mayrhofer 1964: 157). Не возвращаясь к ведийским и авестийским словам и контекстам, упомянутым Топоровым (Топоров 1971: 454–455, прим. 17, где указываются вед. *vīhruta-* ‘искривленный, поврежденный, нарушенный’, *juhurāná-* ‘идуший извилистым путём’, *hvar-* < *hvṛ-* ‘отклоняться, быть кривым, кривить’, *hval-* ‘идти извилистым путём, сбиваться с пути’ и др.), кажется особенно поучительным сосредоточиться на осетинских данных, приведенных Абаевым и Топоровым.

В частности, стоит обратить внимание на тот факт, что иронское *zīl* ‘косой, скошенный’ (позднее развившиеся значения — ‘ложный, несправедливый, злой’) соответствует дигорскому *zol* (Абаев IV: 316; Абаев упоминает иранское **zur*, которому закономерно отвечают осетинские слова, и замечает, что эти слова в большей степени связывают осетинский язык с балто-славянским). Если уместно находить в словах *озорной*, *озорник*, *озорить*, *зорить* — и, разумеется, в спорных *разорять*, *разорить* — корневой элемент *-зор-*, то допустимо рассматривать этот элемент как вполне вероятное заимствование из языка, где было известно слово, подобное дигорскому варианту с его «ламбдаизмом» (терминологический неологизм Абаева), отвечающим ротацизму иранского **zur*². Если элемент **zur*, как считает Топоров, был заимствован из иранского источника, то сходным мог быть и путь ротацированного варианта дигорского *-zol-*, при том что апофония гласных в заимствованных *-зур/-зор-* отвечает соотношению гласных в иронском и дигорском вариантах.

Допуская, что всё сказанное верно, кажется возможным признать, что приведенные Фасмером s.v *озорной* слова *позор*, *зреть*,

² Ср. о фонеме *l*, чуждой древнеиранскому, и об «арийском ротацизме»: Абаев 1965: 35 и сл.

засóрный никак не связаны с заглавным словом и не проясняют его этимологию.

3. Строка 106 *Уже снесся хула на хвалу* из «Слова о полку Игореве»³ как будто подтверждает сложность семантики слова *позóр*. Если принять данный Д. С. Лихачёвым перевод этой строки: ‘Уже пал позор на славу’⁴, то обращает на себя внимание отождествление *хулы* и *позора* (хотя и в искусственной синхронии, т. е. сопоставляя древнерусское слово с его переводом), показывающее, с одной стороны, отсутствие связи значения второго слова со словами, отсылающими к зрению (*зреть* и *засóрный*; последнее слово объясняется Далем посредством глаголов ‘зазреть, наблюдать скрытное’, но, впрочем, также и ‘порицать, хулить, осуждать, охуждать’ (Даль I: 579), и, с другой стороны, возможное истолкование древнерусского *хула* как коннотирующего (вербальное) разрушение (разорение).

Наконец, существенно, что, по Фасмеру, глагол *-орíть, -орíю II* ‘разрушать, уничтожать’ (Vasmer 2: 277) (извлеченный из разложения *раз-орíть*) этимологически соотносится с ведийским наречием *rté* ‘без, вне’ и с литовскими глаголами *ardýti* ‘разрушать, рвать’, *irti* ‘растворять, разделять(ся), распадаться на части’ (Fraenkel 1962–1965: 15, 187)⁵, что подтверждает *a contrario*, что русский глагол не имеет отношения к уже упомянутым *позóр, зреть, засóрный*. Анализ глагола *раз-орíть* как *ра-зор-íть*, предложенный Ильинским, предполагает, по существу, продуктивность корневого элемента *-зор-* (при многозначности такого слова как *засóрный*, см. выше толкование этого слова Далем). Предложенное истолкование глагола *разорíть* расходится с тем, которое приводится в: ЭССЯ (34: 95), где рассматривается возможность сложения приставки **orz-* и глагола **oriti* при том, что этот глагол в вып. 32 того же словаря (ЭССЯ 32: 163) не связывается

³ Чтение согласно изданию: Зализняк 2004б: 343.

⁴ Доступный мне перевод содержится в: Igor-Lied 1960: 59.

⁵ См. также LIV: 271, s. v. **h₂erH-* ‘разрушать, растворять ; исчезать’; Mayrhofer 1986: 258, s. v. *rté*.

с упомянутыми выше литовскими глаголами⁶. Представляется, что изложенная гипотеза, отдающая предпочтение иранским истокам глагола, более обоснованна, чем простая констатация сложения приставки и глагола.

2. О вариантах глагола *мнить* в индоевропейской перспективе

1. Даль приводит в статье об этом глаголе со значением ‘думать, полагать, иметь мнение’ варианты *млѣтся* и *млеться* ‘мниться, думаться, чудиться, видеться’ (Даль II: 334). Этимолог еще не решит вопроса об индоевропейском прошлом этих глаголов, если увидит в начальных сочетаниях *мн-* и *мл-* случайные фонетические варианты, чередование которых не изменяет основные значения глаголов, и если ограничится ссылкой на и.-е. корень **men-*, основным значением которого считается ‘думать, мыслить’ (к которому восходит глагол *мнить* — см., например, LIV: 436, где среди данных из индоевропейских языков приводится ст.-слав. *мьнѣти* ‘думать, полагать, считать’, ср. также *мѣнѣти*)⁷.

Возможно, однако, иное истолкование чередования начальных сочетаний *мн-* и *мл-*, принимающее во внимание более сложную семантику корня **men-*.

⁶ См. ещё примечание О. Н. Трубачёва к слову *разорѣть* (Фасмер III: 435), где упоминается (без оценки) гипотеза В. Махека (Machek 1949 : 132–133), сближающего ст.-слав. *орити* и рус. *разорѣть* с хеттским глаголом *harrā-* ‘ломать, разрушать, измельчать’, которую принимает как наиболее правдоподобную Я. Пухвел (Puhvel HED 3: 136–137).

⁷ О переходе *мл’ > мн’* в русских говорах разных регионов см. Зализняк 2004а: 77, § 2.40, где приводится случай *земню < землю*. В. Б. Крысько (1994: 42) уточняет, что такой переход «осуществился не непосредственно, а через стадию ассимиляции [л’] носовому [м] по способу образования ([мл’] > [мн’] > [н’])» и что «в русских говорах наблюдается обратное явление — диссимиляция [м] и [н’]: *помлю* вм. *помню*».

Варианты *млиться* и *млеться*, естественно, связаны с глаголом *млеть*, из значений которого для дальнейшего примечательны ‘изнемогать, внезапно обмирать’ (Даль II: 334); ‘модеть’ (который истолковывается, в частности, как ‘тлеть, чахнуть, хилеть, истощать силы’ — Даль II: 338) и структура которого несомненно соответствует индоевропейским глагольным корням вида **mVR-* с различными суффиксальными распространителями и значениями, восстанавливаемыми для и.-е. **meld-* ‘быть/становиться мягким/податливым’, **meldh-* ‘оставлять’, но, согласно другой точке зрения, — ‘смягчать(ся), ослаблять(ся); смягчать/облегчать чьё-либо положение; смягчать чьё-либо отношение’⁸.

2. Наблюдения над ведийскими контекстами, содержащими глаголы *mṛd-* / *mṛ!*- ‘быть милостивым, прощать’⁹, отражающие индоевропейский фонетический комплекс **m(V)R-(C)-*, позволили установить, что один из локусов их употребления (термин «локус» в этом смысле часто появляется, как известно, в работах В. Н. Топорова) — контексты мольбы и просьбы к богам, которые должны умиловаться (смягчиться) и облегчить положение адепта. Таковы среди других свидетельств RV.10.25.3: *mṛdā (mṛlā) no abhi cid vadhāt* ‘будь милостив к нам, [убереги нас] от смертельного удара!’; RV.8.80.1: *nahy anyām baḷākaram marḍitāram [...] tvām indra mṛlaya* ‘Наверно, никого другого

⁸ Варианты этого индоевропейского фонетического комплекса, выраженные формулой **mVL-*, как и его значения (тождественные или близкие указанным), изучены в статьях: Нанр 1970 и Нанр 1973.

⁹ См. предварительное изложение этих наблюдений: Oguibénine 2015: 123–124, там же о положении просителя/адепта, в котором отражается характерная для раннего ведийского мира рефлексивность в отношениях адепта и богов: «...the situation of soliciting mercy involves the subject’s claim of being in a position of weakness as well as the hope that the addressee (the gods) will be mild and merciful toward the subject’s requests (so mildness is required both from the requesting subject and the targeted dispenser of mercy)». Ср. выраженную другими лексическими средствами мысль о слабости адепта перед лицом сильного бога Индры в RV.5.33.1: *mahé tavāse dīdhye [...] indrāya tavāse ātavuān* ‘к великому, могучему Индре (обращаю) я свою мысль, к сильному я, бессильный’.

не склонял я к милосердию [...], яви же нам милосердие, о Индра!’ (из строфы, примечательной одновременным употреблением фонетических вариантов *mṛd-* и *mṛl-*)¹⁰; RV.7.93.7: *yát sīm ágaś cakṛmá tát sú mṛla* ‘будь же (к нам) милостив (о Индра-Агни), буде мы и согрешили!’, ср. имя деятеля *maṛditi-* ‘жалеющий, милосердный, прощающий’ (об Индре).

3. Если принять во внимание замещение исходного сонанта носовым, то позволительно сблизить и.-е. корень **mVR-* с корнем **mVN-* (**men-*), что заставляет заново рассмотреть контексты Ригvedы, включающие глагол *man-* и его производные. Оказывается, что его основному значению в кругу глаголов мыслительной деятельности [‘думать’, из класса так называемых путативных глаголов (полагать, думать и т. д.)¹¹] сопутствуют как следствие семантического развития, определенного жанром текстов Ригvedы, такие значения, как иератическое ‘почитать, оказывать почести, ценить, высоко ценить’ и более приземленное ‘считать кем-нибудь’, ‘видеть, смотреть, рассматривать как’, ср. приставочный глагол *áti man-* ‘низко ценить’ (во всех контекстах субъектами и объектами могут быть и боги и люди; объектами могут быть сакрализованные предметы¹²). Разумеется, эти значения не всегда удастся достаточно дифференцировать, тем более что их пересечение неизбежно: наряду с прозрачным значением в RV.5.9.1:

¹⁰ Наречию *baḷá* ‘конечно, наверно’, ‘в самом деле’ в переводе Т. Я. Елизаренковой (Ригvedа 1995: 417) соответствует вариант *baḍá*, что коррелирует с варьированием исходных звуков в *mṛd-/mṛl-*, отражающим диалектные различия в ведийском языке, сохраненные в пределах одной строфы.

¹¹ См. обстоятельный семантический и синтаксический анализ форм и значений таких глаголов в ведийских и авестийских текстах: Kulikov 2012; о путативных глаголах см. с. 337, прим. 861.

¹² К глаголу *áti man-* см. RV.1.170.3, где в конфликте среди богов-притязателей на лучшую долю жертвоприношений опасливым объектом низкой оценки в глазах адепта Агастья являются боги Маруты (по другому, менее оправданному толкованию, — бог Индра): *kīm no [...] áti manyase [...] asmábhuyam in ná ditsasi* ‘отчего презреваешь ты нас, (ничего) же не захочешь ты уделить нам?’.

mānye tvā jātavedasaṃ ‘я считаю тебя Ведающим/ я почитаю тебя (как Ведающего (все) поколения)¹³, встречаются более спорные случаи (например, RV.1.117.14: *yuvām túgrāya* [...] *punarmanyāv abhavatam* ‘[тогда] вы (Ашвины) снова явили [своею] благосклонность Тугре’ (букв. ‘снова стали благосклонными’), но ср. *punarmanyá*, понятое как ‘respecting’ (Kulikov 2012: 337)). Особенно показательно, что в речевом обороте из строфы RV.1.33.9, где положительное причастие от этого глагола противопоставлено привативному причастию, маркированное иератическое значение отражает культ бога Индры, что сближает глаголы *man-* и *mṛd-/ mṛṣ-* (прим. 9), см. *ámanyamānām abhi mānyamānair* ‘ты [одоле]л непочитающих [тебя] с почитающими [тебя сподвижниками]’ [при отказе от немаркированного (нейтрального) значения *man-* ‘думать, считать’ (см. Kulikov 2012: 342)]¹⁴.

Родственный ведийскому *man-* авестийский глагол *man-*, встречающийся в гатхах с архаическим значением ‘читать, почитать’ (при объекте ‘священная истина’), которое восходит ко времени протоиндоиранской языковой общности (Kulikov 2012: 344)¹⁵, вполне подтверждает высказанное выше. Приведенный материал, можно полагать, даёт все основания для заключения, что и.-е. корни **mVR-* (**mVL-* и **mVN-*)

¹³ Правда, и в этом случае прочтения различаются: ср. ‘I believe you to be Jātavedas’ и ‘I meditate upon you as the omniscient god’ (Kulikov 2012: 338 и прим. 864), хотя для целей нашей заметки это малозначительно.

¹⁴ К этому же глаголу, видимо, относится ведийское существительное *maná-* ‘почитание, благоговение’ и ‘мысль’ (по правдоподобному объяснению Mehendale 1974: 671).

¹⁵ См. также Insler 1975: 189–190, где дан лексический комментарий к авестийскому глаголу *man-* ‘почитать’ и к его антониму авест. *pairi man-* ‘проявлять непочтение’ (ср. производное от того же глагола авест. *pairimatau-* ‘пренебрежение; высокомерие’). Точным соответствием авестийскому глаголу является ведийский глагол *pári man-* в RV.7.59.3 *nahí* [...] *vásiṣṭhaḥ parimáṃsate* ‘Васиштха не пренебрежет’, где обещана доля в сомическом ритуале самому малому из богов Марутов (в вольном переводе с учетом приставки и наречия *pári-* ‘вокруг’ глагол можно передать как ‘обходить почтением’).

в их индоиранском преломлении составляют замкнутую лексическую группу, обслуживающую молитву, просьбу и почитание их адресатов.

4. Анатолийские данные в свою очередь надежно подтверждают высказанные соображения. По мнению Я. Пухвела, и.-е. глагол **meldh-* (т. е. **mVl-dh-* в терминах Хэмпса) лучше всего представлен в хеттском глаголе *malt(a)-, melt-*, среди значений которого — не только ‘говорить, произносить, объявлять’, но и особенно важные для реконструкции индоевропейской сакральной лексики значения ‘давать обет, произносить обет, связывать себя обетом в ожидании благорасположения богов’ (соответствующее аккадскому *KARABU* ‘молить(ся), посвящать’), ср. хеттские отглагольные образования *maltessar, meltessar* ‘молитва, ритуальная формула’ и бесспорные отражения корня **meldh-* в литовских словах *mel̃sti* ‘молить(ся)’, *maldà* ‘молитва’, *maldyti* ‘молить(ся)’ (что составляет балто-анатолийскую изоглоссу, см. Puhvel HED 6: 36) и в ст.-слав. *молити сѧ* ‘молиться’. Эти данные хорошо известны и были интерпретированы как свидетельство «любопытной связи между [и.-е.] диалектами, между которыми в других аспектах не обнаруживается особенных отношений»¹⁶, здесь же важно отметить, что все эти слова принадлежат лексическому слою *verba dicendi*, предполагающих адепта как субъекта речевого акта в ситуации, когда он испрашивает благоволения и милости, ср., однако, ослабленное значение таких слов, как западногерм. **meldō* ‘объявление’ и др.-англ. *meldian* ‘объявлять’ (LIV: 432 s. v. **meld^h*- ‘говорить торжественно, возвещать’).

Лувийский глагол *manâ-* ‘видеть’ восходит к и.-е. **men-*, чему известна индоиранская параллель: древнеперсидскому глаголу *dī-* ‘видеть’ соответствует ведийский глагол *dhī-* ‘мыслить, размышлять’, но и ‘смотреть’ (Poetto 1986: 128)¹⁷.

¹⁶ Суждение, высказанное Бенвенистом (Benveniste 1969 2: 246), которое в свете исследований Пухвела представляется теперь устаревшим, см. Puhvel 2002: 11–12.

¹⁷ Показательно также производное от этого ведийского глагола слово *dhīti-* ‘мысленная похвала / почитание мыслью; молитва’ (в упрощенном переводе, так как содержание этого малоизученного термина более сложно):

Особенно полезны для решения обсуждаемой этимологической задачи хеттские отрывки KUB 44.4, rev. 30 + KBO 13.24, в которых глагол *aus-* ‘видеть’ (в форме 3 л. имп. ед. ч. *ausdu-* ‘пусть он увидит’) появляется в контексте, не оставляющем сомнения в том, что соответствующая этой форме в параллельном тексте KUB XXXV 88 II 11–18 лувийская форма *ta-na-a-du* ‘он должен увидеть’ (от глагола, этимологически отвечающего глаголу *мнить*), сближается с русским глаголом также и по условиям своего употребления: в этих отрывках говорится о человеке, который замышляет зло ребенку и зрению которого должно явиться (=примниться) несбыточное и несуществующее: разверстое небо, проклятая богиня Иштар, танцующий (или прирученный) лев, т. е. *мнимости*¹⁸.

Далее, известен карийский глагол *m̄da/m̄δ*, соответствующий хеттскому *mald-* (Adiego 2007: 323)¹⁹ или *malt(a)-*, *melt-* в транскрипции Пухвела (при их общем и.-е. источнике **mVld-*, сопоставимом с и.-е. **mVl-*, обследованном в статьях Хэмпса, см. прим. 8).

5. Фонетическое чередование *мл-* vs. *мн-* в глаголах *мнить* и его вариантах *млиться* и *млеться* восходит, таким образом, к индоев-

из многих иллюстраций можно указать RV.4.5.7 *tám* [...] *dhītīr aśyāḥ* ‘да достигнет его (бога Агни моя) молитва!’ (в ведийском контексте высказывание вовсе не примитивное, как могло бы показаться).

¹⁸ Об этих отрывках см. Carruba 1986: 117–118, особенно прим. 1 и HD 1997: 63–64 [при некотором разногласии в интерпретации лувийского страдательного причастия *pal-ha-am-ma<-an>* от глагола *palha-* или *palh(ai)-* с неизвестным, но предположительно восстановленным по контексту значением ‘расколотое, разверстое (небо)’. Еще одно чтение глагола *palh(ai)-* в названных хеттских текстах предложил Я. Пухвел (Puhvel HED 8: 63): глагол понимается им как ‘расширять, растягивать, распластывать’ и выражение *AN-is palhamma<n?> ausdu* передано как ‘да увидит он распластанное/плоское небо’ (‘may he see the sky flattened’).

¹⁹ Однако придётся как-то сочетать это наблюдение с утверждением того же автора, что форма «*m̄dane/mlane*, которая анализировалась как глагольная, на самом деле представляет собой комплекс частиц, присоединившихся к глагольной словоформе» (Адьего 2013: 173).

ропейской древности, что проясняет их далекое семантическое прошлое, предстающее теперь в новом свете. Как показано недавними наблюдениями, в индоевропейском имело место развитие значений ‘видеть’ > ‘знать’ через промежуточный этап ‘думать’ (Puhvel 1981: 312–315). Представленный выше материал позволяет считать, что индоевропейский корень **mVR-* и его варианты сопрягал часть указанных значений (исключая ‘знать’) со значениями ‘читать, почитать’ и ‘молить(ся)’, т. е. что имело место развитие от *verba putandi* к *verba dicendi* и, с расширением семантики последних, к *verba venerandi*. Спектр значений глаголов *мнить*, *млиться* и *млеть(ся)*, если их рассматривать в предложенной диахронической перспективе, отражает с неизбежными преломлениями конечный этап этого развития. В итоге напрашивается заключение, что эти глаголы этимологически близки к ст.-слав. *молити* (сѧ) < прасл. **modliti* (*sę*) ‘молить(ся)’, тогда как обычно их связь не принималась во внимание и не составляла предмета этимологических разысканий²⁰.

6. В своей работе о слав. *myslь* В. Н. Топоров показал, что это слово (как и ст.-слав. глаголы *мынѣти*, *мѣнити*) восходит к и.-е. **men-* (Топоров 1963). Некоторые его наблюдения, как основные, так и высказанные попутно, подтверждают наши заключения. Прежде всего, первое, что исходное и древнейшее значение и.-е. глаголов, связываемых с *myslь* — ‘думать’, и что именно из него в ходе семантической эволюции возникли остальные значения; и второе, что «слова с корнем **men-* в славянских и некоторых других языках могут обслуживать и сферу понятий «слово», «говорение», «речь», и сферу понятия «мысль» (приводятся др.-рус. *мынѣти*, рус. *мнить*, *мнение* и т. п.). Из более частных замечаний — что «в славянских языках для достаточно раннего време-

²⁰ Значение глагола ‘молить’ в русских диалектах и старинных текстах «совершать жертвоприношение, совершать торжественный религиозный обряд (принося в жертву скот, кушанье, питьё и т. п.)», т. е. отсылающее к действию адептов культа, установлено Вяч. Вс. Ивановым в статье: Иванов 2008: 267. О возможной вторичности **-d-* в прасл. **modliti*, так же как в хеттском, древнеармянском (*malt'an*) и балтийском: Иванов 1981: 171.

ни можно предполагать в корне *mysl-* наличие ряда значений, отображавших разнообразные функции духовной деятельности»: к примеру, верхнелужицк. *mysl* значит ‘чувство, дух, нрав’²¹.

Обсуждая оспоренную им традиционную этимологию слова **myslь*, В. Н. Топоров приводит изолированное мнение Брюкнера (Brückner 1993: 350) о связи слав. *myslь*, польск. *myśl* (< **mūd-* с расширением *-sl*) с корнем **moud-* / **mud-*, который он находит в польск. *mudzić* ‘откладывать, медлить’, ср. ц.-слав. *измъждѣти* и *измъждати* ‘ослаблять, изнурять’ (SJS 13: 751) и упомянутый выше (§ 1) глагол *модеть*, используемый Далем в толковании глагола *млеть*. Согласно его заключительному замечанию, «семантические основания подобной связи остаются, конечно, в тени» (Топоров 1963: 6 и прим. 2). Хотя и формальные аспекты гипотезы Брюкнера не вполне ясны, отметим, что глагол *измъждати* иллюстрируется Срезневским цитатой, отсылающей к поведению адепта: *Постница тело свое боголюбием измождиша* (XIV в.) (см. Срезневский 1: 1065).

Остается несомненным, что в живом употреблении глаголов *мнить*, *млиться* и *млеть(ся)* можно находить лишь остаточные отголоски древних и.-е. значений²². Тем не менее не лишним будет вспом-

²¹ В связи с этим нельзя обойти указание И. И. Срезневского о значении др.-рус. слова *мыслный* ‘умственный, духовный’, которое поясняется цитатой *И тако же потщитися избавити стадо Христова отъ мысленаго волка* (Софийский временник 6988 г.), см. Срезневский 2: 218.

²² По недавно высказанной гипотезе, в индоевропейском следует различать корень **men¹-* ‘думать’ и омонимичный корень **men²-*, который предположительно отражается в ряде глаголов со значением ‘страстно желать, испытывать сильное чувство’ и в именах существительных со значением ‘горячее желание, страсть, похоть’, и никак не связанный, если не считать фонетического облика, с **men¹-* (Bomhard 2004: 33–34, где приводится лексический материал из разных индоевропейских языков). Однако значения одних ведийских слов даны Бомхардом весьма неточно, а некоторые значения других неверны (ср. выше § 3), что ставит под сомнение его предложения, основанные только на произвольных сближениях. О продуктивности и.-е. фонетической структуры **mV-* с расширениями и с утратой гласного **V-* свидетельствуют такие глаго-

нить в заключение только одно место из богатейшего наблюдениями труда В. Н. Топорова (Топоров 1995: 719): им приводится фрагмент из «Пространной молитвы» Феодосия Печерского (XI в.), где — случайно ли? — соположены слова, восходящие к индоевропейским корням **mVR-* и **men-* и оказывающиеся лексическими вехами во фразе «...да тако обрящем **милость** отъ него еще же възненавидимъ мира сего всегда **поминающе** о семь Господа рекъшаго». Так или иначе, в Ригведе обнаруживается отклик соположению слов *мил-ость* (<**mVR-*) и *по-мин-ать* (<**men-*), отклик тем более значительный, что позволяет установить объединяющую обе традиции сочетаемость (соосцигенсе) **mVR-* и **men-* (при сходной их лексической реализации, но с расхождением в синтаксисе, что не нарушает их сопоставимости, так как в обоих случаях речь идет о субъектах, испрашивающих милосердие Господа или ведийского бога, и о зависимости милосердия от **men-*), см. RV.1.25.3): *vi mṛṛīkāya te máno [...]* *gīrbhír varuṇa sīmahī* ‘ради [твоего] милосердия да избавим мы песнопениями твою мысль [от гнева], о Варуна!’²³.

лы, как польск. *mleć* ‘молоть’ или ст.-слав. *млѣти* ‘молоть’; польское слово значит также ‘обращаясь языkiem’, ‘говорить’, что поясняется как просторечный фразеологизм, вводящий *mleć* в круг *verba dicendi* (Skorupka 1993: 536). В русском языке сходное просторечное *молоть языком* содержит дополнение в творительном падеже, которого не требует польский глагол (случай компрессии семантических составляющих в пределах однолексемного слова, как говорит В. Н. Топоров по другому поводу в статье: Топоров 1985: 338.

²³ *mṛṛīká-* или *mṛṛīká-* ‘милость, милосердие’ < *mṛṛ-* ‘быть милостивым, прощать’ (см. прим. 10); *mánas-* ‘мысль’ < *man-*. Иначе говорится о милосердии в младоавестийском памятнике Висперед (Visparad) 21.3 *sraotəmca marždikəmca yazamaide sraotəm vahmanəm yazamaide* ‘мы почитаем и слуховое внимание, мы почитаем и милосердие, слуховое внимание к просителю почитаем мы’ (*maržd-* ‘быть милосердным, жалеть, прощать’ < **meldh-*; *yaz-* ‘почитать, освящать’), где сочетание *marždikəmca yazamaide* сохраняет смысл, известный индоиранской и, можно думать, индоевропейской традиции, но бином **mVR-& *men-* замещен **mVR- & *Hīaǵ-* (о последнем корне: LIV: 224). О формульном характере авестийской фразы см. Schmitt 1967: 198.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1965 — *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

Абаев I–IV — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. и указатель. Л., 1958–1995.

Адъего 2013 — *Адъего И.-Х.* Карийский язык // Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М., 2013. С. 166–174.

Даль I–IV — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.

Зализняк 2004а — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк 2004б — *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.

Иванов 1981 — *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.

Иванов 2008 — *Иванов Вяч. Вс.* Русское ‘молить’ и хеттское *malda(i-)* // Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии. Т. 2. М., 2008. С. 264–269.

Крысько 1994 — *Крысько В. Б.* Заметки о древненовгородском диалекте. 1. Палатализация // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 28–45.

Ригведа — Ригведа. Мандалы V–VIII / пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1995.

Срезневский 1–2 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб. 1893; Т. 2. СПб., 1902.

Топоров 1963 — *Топоров В. Н.* К этимологии слав. *myslь* // Этимология. М., 1963. С. 5–13.

Топоров 1971 — *Топоров В. Н.* Об одном иранизме в славянском: **bazuriti* // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971. С. 450–458.

Топоров 1985 — *Топоров В. Н.* Ст.-слав. **дръз-* (*дръз-*) & **мысл-*: к проблеме реконструкции // *Litterae Slavicae Medii Aevi Francisco Venceslao Mareš Sexagenario Oblatae* / hrsg. J. Reinhart. München, 1985. S. 335–346.

Топоров 1995 — *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995; Т. 2. М., 1998.

Топоров 2010 — *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 3, кн. 2. М., 2010.

Фасмер I–IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987.

ЭССЯ 1 — Этимологический словарь славянских языков. Т. 1–. М., 1974–

Adiego 2007 — *Adiego I. J.* The Carian language. Leiden; Boston, 2007.

Benveniste 1969 — *Benveniste E.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes. 1: Economie, parenté, société; 2: Pouvoir, droit, religion. Paris, 1969.

Bomhard 2004 — *Bomhard A.* Indo-European *men- and *tel- // Ph. Baldi and P. U. Dini (eds.). Studies in Baltic and Indo-European linguistics in honor of W. R. Schmalstieg. Amsterdam, 2004. P. 33–36.

Brandenstein, Mayrhofer 1964 — *Brandenstein W., Mayrhofer M.* Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.

Brückner 1993 — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1993.

Carruba 1986 — *Carruba O.* Der idg. Stamm *men-/mon-/mṇ- im Anatolischen // A. Etter (hrsg.). *o-o-pe-ro-si*. Festschrift für Ernst Risch zum 75. Geburtstag. Berlin, 1986. P. 117–124.

Fraenkel 1962–1965 — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg; Göttingen, 1962–1965.

Hamp 1970 — *Hamp E. P.* Greek and Indo-European Words in *mVl- // *Živa Antika*. 20. 1970. S. 5–10.

Hamp 1973 — *Hamp E. P.* Celtic and Indo-European Words in *mVl- // *Celtica*. 10. 1973. P. 153–156.

HD 1997 — The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. P. Fascicles 1–3. Chicago, 1997.

Igor-Lied 1960 — *Das Igor-Lied*. Eine Heldendichtung. Leipzig, 1960.

Il’jinskij 1927 — *Il’jinskij G. W.* sprawie “dekompozycji” prefixów w językach słowiańskich // *Prace Filologiczne*. 11. 1927. S. 182–200.

Insler 1975 — *Insler S.* The Gāthās of Zarathustra. Leiden, 1975.

Kulikov 2012 — *Kulikov L.* The Vedic -ya- Presents. Passives and intransitivity in Old Indo-Aryan. Amsterdam; New York, 2012. P. 336–347.

LIV — Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen / unter Leitung von H. Rix. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von M. Kümmel und H. Rix. Wiesbaden, 2001.

Machek 1949 — *Machek V.* Hittito-slavica // Archiv Orientální. 17. 2. 1949. S. 131–141.

Mayrhofer 1986 — *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. 1. Heidelberg, 1986.

Mehendale 1974 — *Mehendale M. A.* Two Vedic notes. (2) *maná-* // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 37. 1974. P. 670–671.

Oguibénine 2015 — *Oguibénine B.* Vedic *mṛd-/mṛ!*- ‘to be gracious, pardon’ and *mṛdú-* ‘soft’. Meaning, syntax and Indo-European etymology // 16th World Sanskrit Conference. Book of abstracts, International Association of Sanskrit Studies / Sanskrit Studies Centre, Silpakorn University (Bangkok, Thailand). New Delhi, 2015. P. 121–122.

Oguibénine 2016 — *Oguibénine B.* L’héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. Compléments au Dictionnaire étymologique de la langue russe de Max Vasmer. Paris, 2016.

Poetto 1986 — *Poetto M.* Luvio *mana-* ‘vedere’: eteo *meni/a-* ‘viso’ // *o-o-pe-ro-si*. Festschrift für Ernst Risch zum 75. Geburtstag / hrsg. A. Etter. Berlin, 1986. P. 125–128.

Puhvel 1981 — *Puhvel J.* Sight and thought in Early Indo-European // *Puhvel J.* *Analecta Indoeuropaea*. Innsbruck, 1981. P. 312–315.

Puhvel 2002 — *Puhvel J.* *Epilecta Indoeuropaea*. Innsbruck, 2002.

Puhvel HED — *Puhvel J.* Hittite Etymological Dictionary. Vol. 1–10. Berlin; New York, 1984–2017.

RV — *Aufrecht Th.* Die Hymnen des Rigveda, I–II. Berlin, 1955.

Schmitt 1967 — *Schmitt R.* Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.

Skorupka 1993 — *Skorupka S.* Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1993.

SJS 13 — *Slovník jazyka staroslověnského*. Sv. 13. Praha, 1966.

Vasmer I–IV — *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–4. Heidelberg, 1953–1958.

B. L. Oguibénine

Notes on Some Russian Words and Their Indo-European Relations

1. Etymology of *озóрный, озорно́й* ‘mischievous, misbehaving’;

2. Variants of *мнить* ‘to think, imagine’

1. The root element *-зор-* extracted from the demorphologized (decomposed) verb *ра-зор-ить* is probably borrowed from Ossetic (Digor) *zol* ‘skew, oblique’ > ‘false, unjust, unfair’ after it underwent rhoticism. The proposed hypothesis helps to etymologize the above verb rejecting previous attempts making use of Proto-Slavic preverb **orz* combined with the verb **oriti* ‘to destroy’.
2. Russian verbs *мнить* and *млеть* [if reflecting Indo-European **m(V)R-*] are related assuming the alternation *мн-* /*мл-*. Both verbs belong to the semantic field of thinking, imagining and, specifically, of praying.

Key-words: *озóрный, озорно́й* ‘mischievous, misbehaving’; *мнить* ‘to think, imagine’; borrowing from Iranian languages; Indo-European relations of Russian words.

АЛЕНКА ШИВИЦ-ДУЛАР
(Люблянский университет)

АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.3

Много лет назад¹, размышляя о том, чем для более эффективного изучения языкового прошлого можно было бы дополнить небогатые и/или часто фрагментарные лингвистические источники, я стала обращать внимание на лексические варианты. Наименования деревьев **olъxa*, **elъxa* и **olъša*, **elъša* ‘Alnus’² оказались мне подходящим выбором, в том числе и по практическим соображениям: они обнаруживаются во всех славянских языках (диалектах)³, включены в лингвистические атласы, не являются производными на праславянском уровне, как правило демонстрируют семантическую стабильность, а редкие семантические изменения носят метонимический характер и этимологически понятны.

Лексические варианты имеют еще и ту особенность, что не известны нам в полной мере. Например, неизвестно, почему фонетическое

---

¹ Результаты опубликованы в сборниках материалов научных конференций (см. Šivic-Dular 1998; 2012).

² В «Общеславянском лингвистическом атласе» (Растительный мир) в качестве основной дается реконструкция **jelъxa*, где под номером F 418 собраны слова современных славянских диалектов из 853 пунктов (ОЛА 3: 98–101). В славянских этимологических словарях дается реконструкция **elъxa* (SP; ЭССЯ 6), что этимологически вернее, чем **jelъxa* (Miklosich 1886: 103; Verneker 1908: 453), поскольку фонетически более точно. В национальных этимологических словарях делается выбор между вариантами, что может отражать теоретические расхождения (**e-* : **je-*), но не влияет на этимологию.

³ В статье я, как правило, использую термин *славянские диалекты*, поскольку лексемы как лингвистический факт часто фиксируются не на всей территории славянских языков, а лишь локально.

изменение не распространяется на все употребления одного и того же слова, но ограничивается лишь частью употреблений; почему изначально одно слово получает два варианта (например, *olъxa → *olъša*), которые семантически полностью совпадают (абсолютная синонимия), а также полностью совпадают и на всех других языковых уровнях (морфологическом, словообразовательном, синтаксическом). Сузив выбор вариантов при изучении лексики, мы придем к бинарным оппозициям, а вместе с тем к более четкому пониманию отношения между лексическими вариантами и новому взгляду на лингвистическую биографию каждого варианта и лексической группы, в которую они входят в целом. И если к этому добавится также информация о территории распространения каждой лексической единицы и лексической группы в целом, основывающаяся на методологии ареальной лингвистики, станет заметна эффективность такого подхода для дополнительного прояснения лингвистической и культурологической проблематики.

При анализе лексических вариантов *olъxa, *elъxa и *olъša, *elъša ‘Alnus’ в обоих современных (пра)славянских этимологических словарях (Московском и Краковском) уже обращалось внимание на территориальную дистрибуцию вариантов в славянских языках и диалектах (SP 6: 50–51, 52; ЭССЯ 6: 23–24, 25), однако есть перспективы более точного прояснения лингвистической проблематики, которая шире этимологии. Этимология анализируемых славянских слов известна с XIX в.: Ф. Миклошич вслед за Я. Гриммом связывает ст.-слав. *ольха*, *ѣлъха* ‘alnus’ и *ѣльха* (Monumenta serbica) с лит. *elksnis*, лтш. *alksnis*, др.-в.-н. *elira*, *erila*, голл. *else* (Miklosich Lex.: 502, 1157) и дополняет статью *jelīcha* в этимологическом словаре славянскими эквивалентами и неславянскими параллелями (лит. *elksnis*, *alksnis*; лтш. *elksnis*, *alksnis* < *alsnis; лат. *alnus*, др.-в.-н. *elira*, *aliza*). По лингвистическим причинам исходной считается или форма *alīsā с балт.-слав. инновацией **e-* (SP 6: 51), или и.-е. формы с чередованием в корне *elīsā или *olīsā < и.-е. корень **el-* / **ol-* / **el-* ‘rot, braun’ (Pokorny 1959: 303; Черных 1994 I: 597; Rejzek 2015: 471; Snoj 2016: 266; Янышкова 2017: 124–129).

Славянские лексические варианты **olъxa*, **elъxa*, **olъša*, **elъša* объединяет следующее: (а) два предсказуемых общих изменения, а именно древнейшее и и.-е. $s \rightarrow$ праслав. x и позднейшее $\check{\text{r}} \rightarrow$ праслав. ь ; (б) два непредсказуемых разобщающих изменения, а именно $e \rightarrow o$ (вероятно, древнейшее) и позднейшее $x \rightarrow \check{\text{s}}$. Неизвестно, на каком языковом уровне нужно искать объяснение: в первом случае можно видеть или балт.-слав. фонетическое изменение $a \rightarrow e$, или и.-е. словообразовательное чередование в корне⁴, во втором — или непредсказуемую смену существительным типа основы: a -основа $\rightarrow ja$ -основа со структурным суффиксом $-ja$, не повлиявшим на значение слова, и/или фонетическое изменение $x \rightarrow \check{\text{s}}$ в результате прогрессивной палатализации (Бодуэна де Куртене)⁵.

Анализируемые лексические варианты, вероятно, развивались постепенно или по фазам, возникнуть они должны были у славян уже в доисторический период, иначе наши предки не смогли бы перенести их в места новых поселений. В дальнейшем будет представлен и частично прокомментирован лексический материал из трех славянских макроареалов, который в количественном отношении не всеохватывающий, но содержит всё, что можно считать надежным и ключевым.

Лексические варианты в статье классифицированы с учетом двух параметров: (а) количества фонетических инноваций, отдаляющих их от этимологического источника (от вариантов с минимумом иннова-

---

⁴ Начальный o - по ареальным причинам кажется древнее, чем развитие вост.-слав. o - < прасл. **je-* (например, рус. *озеро*, *осень*, *олень*, *один* < прасл. **jezero*, **jesenъ*, **jelenъ*, **jedinъ*), поскольку известен также западно- и южнославянским диалектам и поскольку это подтверждается фонетически: вост.-слав. o - < прасл. **je-*. Причины этого изменения не полностью ясны, но можно предполагать, что после утраты начального j - (т. е. $je-$ > $e-$) происходит диссимиляция $e-$ > $o-$, если следующий слог содержит гласный переднего ряда (за исключением прасл. **ь*) (Иванов 1983: 148–149).

⁵ Такое объяснение было бы приемлемо для зап.-слав. диалектов (**olъša*, **elъša* и **olъšъ*, **elъšъ*), но приводимые варианты чаще встречаются в ю.-слав. макроареале.

ций к вариантам с максимумом инноваций); (b) узнаваемости (от известного к менее известному / неизвестному). В этой части классификации после лексических вариантов женского рода перечисляются также параллельные лексические варианты мужского рода, которые встречаются только в восточно- и/или южнославянских языках или там лишь зафиксированы. Благодаря новым подходам убедительнее объясняется наличие лексических вариантов.

1. Вариант *ольха ‘Alnus’ ж. р. и *ольхъ м. р.

1.1. Вариант *ольха является единственным в восточнославянских диалектах: рус. *ольhá*, диал. *óлеха* (арх.) (СРНГ 23: 186), диал. *вóльха* (Фасмер 3: 137); в качестве гидронима *Ольха* (часто), *Олеха* ‘Bach nahe Lužna’ (G. Pskov) (RGN 3: 483, 477); укр. *вільха*, блр. *вóльха* и *вильхá*. В западнославянских диалектах этот лексический вариант связывается с северной частью ареала, т. е. кашуб.; польск. с XIV в.: *Olchawa*, *Olchowo*, *Olszewski* (только в топонимии), в словаре зафиксирован позже; и слов. диал. *ol’ha* (Dlhá Lúka, Орава) (SP 6: 51). В южнославянских языках⁶ варианта *ольха нет. Реконструкция восточнославянской акцентуации: *ольхà (рус., блр.) и *ольхa укр., блр., рус.).

1.1.1. Русск. гидроним *Олься* ‘e. See im Kr. Svjencany’ (G. Wilna) (RGN 3: 482)⁷. См. 6.1.

1.2. Вариант *ольхъ зафиксирован в др.-русск. *ольхъ* наряду с *олехъ* ‘ольха’ (Срезневский 2: 664), рус. диал. *alëx* ‘Alnus’ наряду с *olëx* (ЭССЯ 6: 23–24; SP 6: 51). Также есть пример *olëx* наряду с *olëx*, G sg. *olëxa* и *olëhá* с многочисленными значениями, демонстрирующими многообразие лексических изменений метонимического характера: ‘ольха’ (Ворон., Курск.); ‘ольховый лес’ (Ряз., Ворон., Курск.); ‘лесное

⁶ Серб./ хорв. *jôha* и *jôva* < *jôha* (XVI в.), серб. диал. *jôa* (Космет) объясняются как происходящие от *jelha* (Skok 1: 772).

⁷ Польские апеллятивы с основой *ols-*: *olsa*, *uolsa*, *uolsyna*, *uolsin* и т. д. (ОЛА 3: 98) < *olsz-* < **olbš-* присутствуют на территории польского мазурения (т. е. развития *s* < *š*), поэтому являются фонетическим диалектизмом.

болото, поросшее ольхой' (Ворон., Псков); 'сосновый лес' (Ворон.); 'название луга' (Орл.) (СРНГ 23: 186), наряду с *олѣх -а* = *алѣс* (Орл.). В словаре отмечается связь с лтш. *alohts* 'источник, ключ' (СРНГ 1: 234), что маловероятно, исходя из фонетических, акцентуационных, морфологических и семантических характеристик лексемы *олѣх*, G sg. *олѣха* в русском языке. Примеры: (ОЛА 3: 98). Реконструкция восточнославянской акцентуации: *олѣх, G sg. *олѣха.

1.2.1. Рус. и блр. лексика из варианта *ольс 'м. р. в аппеллятивной и ономастической функции присутствует на широкой территории северо-западной и центральной России, а также восточной Белоруссии, что иллюстрируют примерные локации, где собрана эта лексика: Псков — Смоленск — Днепр — Витебск — Могилев — Курск — Воронеж — Рязань. Примеры в 6.2.

2. Вариант *ельха ж. р. и *ельхъ м. р.

2.1. В западнославянских диалектах вариант *ельха известен частично в словц. *jelcha* (средний Гемер, Орава, южная часть Муранской долины, Штитницкая долина), *jelcha*, *lejcha* (Орава) и *jalcha* (Калал). Восточнославянские примеры: др.-рус. *ельха* 'Alnus' (XVI век) и рус. диал. *ѣлха* (влад., вят.), *елхá*, *елóха* (нижегор.) (SP 6: 50–61; ЭССЯ 6: 23–24). В южнославянских говорах вариант *ельха с учетом положения и широты распространения характерен для центральной территории Южной Славии. Примеры: болг. *елхà* 'Alnus glutinosa' наряду с *ѣлха* (Странджа) и фонетически измененная форма *елхлá* → *елá* (БЕР 1: 493); макед. *елха* 'Abies alba', *евла* 'Alnus' (Велес, Вевчаны, Скопска-Црна-Гора). В сербских памятниках XIV в. встречается запись *jelьха*, в ономастике шире представлены формы *jelha* и *jelša* (Šivic-Dular 1998: 164–165). С XVI в. появляются фонетически измененные формы *jóha* > *jóva* и *jóša* как наследие форм *ельха и *ельša, поэтому они генетически принадлежат этому ареалу. Природа контакта и границы ареалов вариантов *ельха и *ельša без изучения топонимических следов не будут понятны, еще менее ясными будут возможные смещения границ

с течением времени. При более ясных исторических границах ареалов было бы легче интерпретировать и словенский ареал варианта **el̥xa* на северных склонах Карста (например, *jôuxa*, *jôÿxa*) < **el̥xa* с развитием *jel-* > *jeÿ-* > *jou-*).

Реконструкция русского ударения: **el̥xǎ* и **el̥xǝ*

2.2. Лексический вариант **el̥xǝ* фиксируется в двух формах: (а) серб. *jelah* (восточная Босния / Братунац, Тешань) и топонимах *Jelah*, Срп. *Jelasi*; (б) серб. *jelav* ‘влажный болотистый лес на склонах вдоль шумящих потоков’ (Подринье), топониме *Jelav* ‘название краев в Сербии’: *zemlja u mestu Jelavu* (Подринье); *zemlja u Jelavu* (Шабац) — с фонетическим изменением *x* > *v*. На сегодняшний день известны лишь редкие рус. эквиваленты: рус.-диал. *el̥ox* ‘лиственный лес среди луга’ (влад.), ‘топкое место; болотистый покос’ (ЭССЯ 6: 23–24) < **el̥xǝ -á*. Изменение *ь* → *ъ* отмечается в ОЛА.

3. Лексические варианты **ol̥ša* ж. р. и **ol̥šǝ* м. р.

3.1. Лексический вариант **ol̥ša* присутствует в западнославянских говорах (полаб., кашуб., н.-луж., в.-луж., польск.^{частично}, чеш., слвц.^{частично}) и южнославянских говорах (словен.^{частично}, сербск. / хорв.^{частично}).

Лексический вариант **ol̥ša* ‘*Alnus*’ как единственный (и живой) употребляется в северных и западных словенских диалектах; восточнее и южнее этого ареала сначала идет зона смешения лексических вариантов **ol̥ša* и **el̥ša*, которая заканчивается редкими следами варианта **ol̥ša* в ономастике, ср., например, ороним *Olševa*, топонимы *Olšovnik*, *Ošovnik*, *Olšak*. Также в хорватских кайкавских говорах редким следом варианта **ol̥ša* является гидроним *Olšova*. Поэтому по ареальным и фонетическим причинам нельзя считать продолжением этого варианта серб. / хорв. апеллятивы *jôša* ‘*Alnus incana*’, *crna jôša* ‘*Alnus glutinosa*’ и топоним *Joša* (SP 6: 52). Реконструкция словенской акцентуации: литер. и диал. *ólša* < **ol̥šǝ*.

3.2. Из лексического варианта **olbъ* может происходить хорв.-кайк. гидроним *Olešev jarak* (жупания Загреб) < **Oleš-ev [jarak]* < кайк. **oleš* с кайк. рефлексом *e* < прасл. *ь*. Таким образом, кайк. апеллатив **oleš* не зафиксирован, однако, учитывая прил. **oleš-ev*, исходить, вероятно, нужно из некоего **oleš*, G sg. **olša* (т. е. из существительного **olbъ*, G sg. **olbša*), а не из прилагательного *olš-ev-* (от существительного **olša*).

4. Вариант **elbša* ж. р. и **elbъ* м. р.

4.1. Вариант **elbša* редок в западнославянских диалектах (чеш. диал. *jelše, jelša* ‘Alnus’, словц. *jelša* наряду с *jalša* ‘Alnus’). В восточнославянских говорах отсутствует. Встречается в южнославянских говорах: вариант **elbša* (словен. литер. *jělša*) характерен для центральных и восточных говоров, на севере граничит с ареалом типа **olbša*, на западе и, возможно, на востоке — с ареалом **elbxa*. Ареал **elbša* продолжается в северных хорватских диалектах ареалом апеллатива типа *jělša* (RHSKJ 1967: 448; RSHKNJ 1973: 725) и/или *jälša* (RSHKNJ 1973: 547), *jalša*⁸ (RHKKJ 1988: 176), в качестве топонима вариант распространен шире (прим. ARj IV: 583–584). Однако из-за возможного перекрытия ареалов с одной стороны (ср, например, гидроним *Jelševik*, 1348 г., Призрен < **elš-ev-*), а также наличия потенциально конвергентных производных от обеих основ нет четкой границы между ареалами вариантов **elbša* и **elbxa*. Согласно болгарскому этимологическому словарю, вариант **elbša* в апеллативной и ономастической функции широко распространен (тырновская, бургасская, поморийская, айтосская, пирдопская, софийская области) в двух акцентуационных формах — *ѐлша* ‘Alnus glutinosa’ и *елишà* (БЕР 1: 493–494). С точки зрения акцентуации на славянском юге можно реконструировать две исходные формы: **elbša* (словен., хорв./сербск., болг.) и **elbšä*; вторая могла появиться в результате аналогии.

⁸ Изменение *je- > ja-* есть в словц., словен., хорв., возможно, и в сербск. *jađvina* (Космет).

4.2. Вариант **elbšь* слабо документирован; по ARj П. Скок приводит топонимы *Jelaš*⁹ и *Jelašak*, этимологически связывая их с *jelah* и рус. *олѣх* (Skok 1: 722) и объясняет смену рода (т. е. ж. р. → м. р.) тем, что, подобно названиям деревьев *br̃j̃est, j̃asen*, прасл. **elbxa* перешла в мужской род. Сюда можно также отнести слвц. *lejš* (Калал) и примеры *lejša, lejša* ‘*Alnus (incana)*’ (SP 6: 52).

5. Вариант **elbs’a* ж. р. и **elbs’ь* м. р.

5.1. Форма **elbs’a*: В материале Словенского лингвистического атласа зафиксирована лексика со значением ‘*Alnus*’ (южное Прекмурье, Прлекия) с согласным *-s*¹⁰ вместо *-š*: *jōsa* (Цветковцы, Ког в Орможе, Гибина, Южное Прекмурье, Вержей), *jōša* (Свети-Томаж в общине Ормож), *jōsa, jōša* (Средище-об-Драве), *jōša* наряду с *jōša* (Бучковцы в общине Лютомер), *jōša* (Неделица, Гомилица), *jōša* (Хотиза, Велика Полана), *jōwsa* (Горня Бистрица); этот *-s-* не мог развиться в этих диалектах¹¹, он отражает древнейшее состояние, которое можно реконструировать как **elsa* (< **elbsa*). Лексический эквивалент — хорв.-чак. апеллятив G pl. *jelsic*: «do melinišća i do jelsic k Ied. *jelsica*» (Бринье, 1499) — как диминутив от *jelha, jelsa, joha* фиксируется в юридическо-историческом словаре (Mažuranić 1908–1922: 464; статья *jelsica, jelha*), сохраняется также в топониме *Jelsa* (Хвар) и на территории чакавско-кайкавского контакта: *Jelsa Velika / Mala* ‘два села в Хорватии, жупания Загреб’ (Šivic-Dular 1998: 165–167). В хорв.-кайк.

⁹ Поскольку топонимы от топонимической основы — т. е. наименований растений — не образуются с помощью своего суффикса *-j-* и поскольку трудно доказать вычленение основы **jelš-* из производных от основы **elbxa*, наиболее вероятным кажется объяснение топонима *Jelaš* ← **elbšь* (к **elbš-a*).

¹⁰ Форма *jōsa* в словаре приводится без объяснения (Bezljaj 1: 226).

¹¹ А фонетически похожие формы (например, *wōusa* (Немшки Рут), *wousa* (Железники, Башка Грапа)) на территории средневековой немецкой колонизации, наоборот, отражают немецкое влияние на совпадение *š* → *s* (так называемое слеканье).

говорах еще жива форма с начальным *ja-*: *jalsa* (Коториба, информант А. Jembrih), ¹²*jǎlsa*, G sg. *jǎlsǎ*, G pl. *jǎlsǎ* ‘ольха’ (Гола; Večenaj, Lončarić 1997: 114)¹³. Поскольку начальный *ja-* отражает прасл. **je-*, можем реконструировать кайкавские формы как *jelsa (< **elbs'a*).

5.2. Редко фиксируются топонимы: *Jales* ‘названия двух деревень в Хорватии’: *Jales* (жупания Вараждин), *Jales* (жупания Бьеловар-Крижевцы, также *Podjales*), *Jelas* ‘село около г. Брод’ (ARj IV: 440)¹⁴ и *Jales Breznički* (Нови-Мароф; INM 1985: 139). Поскольку формы *Jales* и *Jelas* различаются двумя кайкавскими чертами, а именно: (а) хорв. кайк. изменением *e < ъ*: чак./шток. *a < ъ*; (б) изменением *ja- ← слав. *(j)e-*, можно реконструировать их как **elbs-* (< **elbs'b*).

6. Вариант **olbs'a* ж. р. и **olbs'ь* м. р.

6.1. Вариант **olbs'a*: Представляется возможным, что сюда относится *Олься* ‘е. See im Kr. Svjencany’ (G. Wilna) (RGN 3: 482)¹⁵ < **olbs'a*; блр. *альса* ‘балотная сенажаць часам з альхой’ (ЭСБМ 1: 106) < *olbsa.

¹² Оригинальное обозначение места ударения: долгий *ā* и вертикальная черточка для обозначения иктуса.

¹³ Иван Веченай во введении к словарю с названием «О Goli i njezinu gješņiku» пишет, что местное население — переселенцы, в 1822 г. они были переселены «из Дринья в Прекодравле и теснились на маленьком участке земли между рекой Дравой и венгерской границей, словно в резервации» (Večenaj, Lončarić 1997: VII).

¹⁴ Степан Павичич (Pavičić 1953: 268; в указателе ошибочно приводится с. 238!) отмечает форму названия *Jelas* (N sg m.) для одного из поселений между городами Вареш и Брод. На прилагающейся карте все окрестности Брода почти до Вареша обозначены синим цветом, что означает, что территорию населяют «коренные жители и мусульмане». Непонятно, идет ли речь о том же самом поселении, что и место с названием *Jelasi* (N pl) в Славонии (ARj IV: 575).

¹⁵ Польские лексемы типа *olsa*, *uolsa*, *uolsyna*, *uolsin* (ОЛА 3: 98) не относятся к нашей проблематике, поскольку отражают результат польского мазурения (т. е. развития *s < ś*).

6.2. Вариант **olʹsʹb*: В словаре фиксируется лексический вариант *олѣс -а/-у* ‘топкое место, заливаемое во время дождей и половодья’ (Псков.) (СРНГ 23: 186) с отсылкой к *олѣх*, *алѣс*, *алѣс*¹⁶; *алѣс -а*¹⁷ (Смол.), *алѣс* ‘мокрое, топкое место, заболоченный луг’ (Смол., Днепр) (СРНГ 1: 234); блр. *Олес* ‘е. Sumpf’ (G. Vitebsk), *Черный Олес* ‘е. Sumpf’ (G. Mogilev) (RGN 3: 477) и *Алес* ‘е. Sumpf’ (G. Mogilev) (RGN 1: 22). Реконструкция восточнославянской акцентуации: **olʹsʹb* и **olʹsʹb-a*.

Выводы

1. Статья содержит реконструкцию шести пар лексических форм: **olʹxa* — **olʹxʹ*, **olʹša* — **olʹšʹb*, **olʹsʹa* — **olʹsʹʹb*, **elʹxa* — **elʹxʹ*, **elʹša* — **elʹšʹb*, **elʹsʹa* — **elʹsʹʹb*.

2. Кажется, что оба варианта (т. е. женского и мужского рода), по всей вероятности, происходят как минимум от древнейшей праславянской, а может, и более древней формы; их морфологическим соотношением было: *ā*-основа (**alīsā*) — *o*-основа (**alīso-s*).

3. Все шесть пар произошли от единой исходной пары (**alīsā* ж. р. — **alīso-* м. р.).

4. В исходной паре (**alīsā* ‘Alnus’ — **alīso-* ‘Alnus?’) видим то же словообразовательно-морфологическое соотношение, что и в некоторых наименованиях от корней со значением цвета (например, прасл. **berzā* — **berzo-*, **berstā* — **bersto-*).

5. Удивляет то, что формы мужского и женского рода одного типа развивались последовательно и безусловно параллельно, возможно потому, что практически все фонетические изменения (кроме первого, предполагаемого как **o-* : **e-*, природа которого точно не ясна) связа-

¹⁶ Автор словарной статьи не сомневается, что форма связана с блр. *альха*, (*вольха*), *альша*, но не может пояснить сохранившегося *s* в сочетании *-ʹs-*; рассуждение о возможном балтийском происхождении лексемы (т. е. *alēc* < **als*) не решило вопроса (ЭСБМ 1: 106).

¹⁷ Аканье (т. е. *o-* > *a-*) доказывает секундарную оттяжку ударения влево.

ны с диахроническими законами фонетических изменений (например, **^oalīsā* > **^oalīxā* — **^ealīsā* > **^eelīxā*).

6. Учитывая, что в лексических парах четко отражена прогрессивная палатализация в восточно- и южнославянских диалектах (например, **^oalīxā* > **^oolbs'a*, **^ealīxā* > **^eelbs'a*), можно было бы ожидать также систематические западнославянские рефлексy (например, **^oalīxā* > **^oolbš'a*, **^ealīxā* > **^eelbš'a*), чего сейчас, согласно лингвистической интерпретации, нет.

7. Происхождение лексических вариантов **^oolbš'a* и **^eelbš'a* менее ясно, и его необходимо уточнить, поскольку оно, очевидно, сложнее; это подтверждает факт, что в определенной мере лексемы распространены и на славянском востоке, и в особенности на юге.

8. Вероятно, никого бы не удивило, если бы оказалось, что лексические варианты **^oolbš'a* и **^eelbš'a* могли возникнуть также и в результате переплетения фонетических факторов (вторая регрессивная палатализация, прогрессивная палатализация) и морфологических факторов (все смягчения, участвующие в формировании алломорфов); в таком контексте и в таких терминах оправданно также оперирование структурным суффиксом **-ja*.

9. Южнославянские пережитки предсловенских, предчакавских и предкайкавских лексических вариантов¹⁸ **^eelbs'a* и **^eelbs'b* доказывают, что прогрессивная палатализация здесь уже произошла. Она связана с территорией, которая определяется локациями, где эти пережитки были зафиксированы: это восточная часть Прекмурья и Прлекия (в Словении) — окрестности Вараждина — Коториба (к востоку от Вараждина) — Гола (к востоку от Копривницы) — направление в сторону Загреба — окрестности Загреба — Бринье (Лика) — Елса (Хвар) — южная граница Славонии. Судя по пережиткам, процесс должен был

---

¹⁸ Термины «предкайкавский» и «предчакавский» используются для более ясной отсылки к обеим диалектным группам, которые (вместе со штокавской) в прошлом веке были объектами подробных лингвогенетических исследований.

проходить интенсивно (т. е. результатом палатализации был уже свистящий), тогда ареал **elbs'a* и **elbs'ь*, вероятно, был четко противопоставлен ареалу лексических вариантов *elbxa и *elbхъ (возможно, на предштокавской территории), где палатализация в этих вариантах и позднее не произошла (например, шток. *Jelah, Jelha*)¹⁹.

ЛИТЕРАТУРА

БЕР 1 — Български етимологически речник. Т. 1. София, 1971.

Иванов 1983 — *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1983.

ОЛА 3 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 3: Растительный мир. Минск, 2000.

Срезневский 2 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1895.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1. Л., 1965; Вып. 23. Л., 1987.

Черных 1994 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. 2-е изд., стер.. М., 1994. (Статья *ольха*).

ЭСБМ 1 — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1. Мінск, 1978.

Фасмер 3 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971.

ЭССЯ 6 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 6 / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1979.

Янышкова 2017 — *Янышкова И.* К названиям ольхи в славянских языках // В созвездии слов и имен: сборник научных статей к юбилею Марии Эдуардовны Рут / ред. Е. Л. Березович и др. Екатеринбург, 2017. С. 124–132.

ARj IV — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 4. Zagreb, 1892–1897.

Berneker 1908 — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908. (Статья *jelcha*).

¹⁹ Фонетические изменения начинают проявляться лишь к началу исторического периода (например, прояснение редуцированного, изменение *l > o*, стяжение гласных *e-o* с разными возможными результатами, изменение *x > v / ø*).

Bezljaj 1 — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1. Ljubljana, 1976.

INM 1985 — *Imenik naseljenih mesta u SFRJ.* Beograd, 1985.

Mažuranić 1908–1922 — *Mažuranić V.* Prinosi za hrvatski pravno-povijestni rječnik. U Zagrebu, 1908–1922. (Pretisak: Zagreb, 1975).

Miklosich 1886 — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886. (Статья *jelicha*).

Miklosich Lex. — *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865. (Статья *jělša*).

Pavičić 1953 — *Pavičić S.* Podrijetlo hrvatskih i srpskih naselja i govora u Slavoniji // Djela JAZU. Knj. 47. Zagreb, 1953.

Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Bern, 1959.

Rejzek 2015 — *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Nové, upravené a rozšířené vydání. Praha, 2015. (Статья *olše*).

RGN 1–3 — *Vasmer M.* Wörterbuch der russischen Gewässernamen / zusammengestellt von W. Eisold und A. Kerndl. Bd. 2, 3. Berlin; Wiesbaden 1961, 1965.

RHKKJ 1988 — Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. Knj. 2, sv. 4 / [ur. B. Finka]. Zagreb, 1988.

RHSKJ 1967 — Rječnik hrvatskosrpskog književnog jezika. Knj. 2. Zagreb; Novi Sad, 1967.

RSHKNJ 1973 — Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika. Knj. 8. Beograd, 1973.

Skok 1 — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1. Zagreb, 1971. (Статья *jelha*).

Snoj 2016 — *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Tretja izdaja. Ljubljana, 2016. (Статья *jělša*).

SP 6 — Słownik prasłowiański. T. 6 / pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991.

Šivic-Dular 1998 — *Šivic-Dular A.* Južnoslovansko-zahodnoslovanske izoglose in njihov pomen za praslovansko dialektologijo // Prasłowiańszczyzna i jej rozpad / pod red. J. Ruseka i W. Borysia. Warszawa, 1998. S. 161–175.

Šivic-Dular 2012 — *Šivic-Dular A.* Teoretični in metodološki vidiki etimoloških raziskav in praslovanska dialektizacija // Praslovanska dialektizacija

v luči etimoloških raziskav. Ob stoti obletnici rojstva akademika F. Bezljaja. Zbornik referatov z mednarodnega znanstvenega simpozija v Ljubljani, 16.–18. septembra 2010 / uredili M. Furlan in A. Šivic-Dular. Ljubljana, 2012. S. 227–239.

Večenaj, Lončarić 1997 — *Večenaj I., Lončarić M.* Rječnik Gole. Srednjopodravska kajkavština / red. V. Zečević. Zagreb, 1997.

Аленка Шивиц-Дулар

Areal linguistics and etymology

1. This article reconstructs six pairs of PSI equivalents for ‘alder’ preserved in Slavic dialects in an appellative and/or onomastic function, whose elements can be distinguished from one another by grammatical gender (feminine or masculine) and declension type: *olbxa — *olbxbъ, *olbša — *olbšbъ, **olbs’a* — **olbs’bъ*, *elbxa — *elbxbъ, *elbša — *elbšbъ, and **elbs’a* — **elbs’bъ*. The masculine forms are known only in East and South Slavic dialects.
2. The elements of the pair with the oldest phonetic form, which show the word-formational relationship of an ā-stem for the feminine form (*alisā) versus an o-stem for the masculine form (*aliso-s), can be dated at least to early PSI; other phonetic pairs developed later because they contain younger phonetic forms.
3. The base pair (*alisā ‘alder’ — **aliso-* ‘alder?’) shows the same word-formational and morphological relationship as certain other expressions for trees derived from stems denoting colors (e. g., PSI *berzā — **berzo-* ‘birch’, *berstā — **bersto-* ‘elm’).
4. The masculine and feminine elements of all pairs are phonetically equal, reflecting the same principles of Slavic phonetic development (except for the oldest phonetic change at word onset manifested in Slavic **o-* : *(*j*)*e-*, which cannot be unambiguously explained): cf. the pan-Slavic development of PIE *s > PSI. *x (*oalisā > *alixā or *ealisā > *elixā), the pan-Slavic development of PIE *i > PSI. *b (*oalixā > *olbxa, *ealisā > *elbxa), and the development of

PSI $*x > s'$ after progressive palatalization ($*^oalixā > *^oľs'a$, $*^ealisā > *^eľs'a$) in East and South Slavic dialects. In contrast, the $-š-$ in the West Slavic forms $*olbša$, $*jelbša$ is explained as a structural element rather than the West Slavic reflex of the progressive palatalization of PSI $*x > *š'$ ($*^oalixā > *olbš'a$, $*^ealisā > *elbš'a$), as would be expected. The reason for this should be sought in the South Slavic phonetic forms of the type $*olbša$ and $*elbša$, in which the appearance of $-š-$ could imply morphological generalizations from various derivatives.

5. The PSI presence of phonetic variants with a sibilant $*s' < \text{PSI } *x$ (i. e., $*elbs'a$ and $*elbs'b$) in South Slavic is indicated by rare lexical vestiges from the periphery of the vast linguistic area extending from eastern Prekmurje and Prlekija in Slovenia to Kajkavian territory (i. e., the area around Varaždin, Kotoriba, Gola to the east of Koprivnica, the area around Zagreb, and the southern edges of Slavonia in Croatia) as well as the Čakavian area (i. e., Brinje in the Lika region, and Jelsa on the island of Hvar in Croatia).
6. The phonetically innovative South Slavic forms $*elbs'a$, $*elbs'b$ alongside archaic $*elbxa$, $*elbxъ$ can be compared to the phonetically innovative East Slavic forms $*olbs'a$, $*olbs'b$ alongside archaic $*olbxa$, $*olbxъ$, and the $*s'$ can be defined as an East or/and South Slavic reflex of $*x$ after progressive palatalization, which extends well into the PSI period and, alongside PSI $*vbxъ$ (East and South Slavic $*vbs'b$ and West Slavic $*vbš'b$), is another lexeme with progressive palatalization of $*x$ in the stem.

Keywords: Slavic languages, etymology, areal linguistics, word-formation, progressive palatalization.

Ж. Ж. ВАРБОТ

(Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва)

ОБ ЭТИМОЛОГИИ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛАВ. *KRAS-¹

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.4

Семантическая сфера славянского словообразовательного гнезда *kras-* весьма широка и, не претендуя при первом приближении на тщательную иерархизацию значений и диахронический анализ, можно, во всяком случае, выделить две основные области значений: ‘красота’ и ‘красный цвет спектра’ с производными функциями последнего: красный цвет разнообразных предметов, в частности предметов, связанных с символикой рождения, в символике свадьбы, плодородия, в праздничной символике; в символике гаданий и предсказаний, причем все эти сферы тесно связаны с положительными эмоциями, радостью. Вне их оказывается, на первый взгляд, роль красного в похоронной символике, в лечебной магии, однако это вполне соответствует представлению о красном как благожелательно-оберегающем цвете (см. подробно: СД 2: 647–651). Бесспорна семантическая связь красного цвета с огнем: ср. рус. *пустить красного петуха* ‘поджечь’ и под. (там же: 647). Соответственно, преобладает мнение о происхождении праслав. **kras-* из гнезда и.-е. **ker-* / **k^uer-* ‘гореть, жечь’ (Pokorny 1959: 571; Sławski III: 59; Skok II: 180; Snoj 1997: 344; Boryś 2005: 256). Материалы истории славянских языков (как и словообразовательные отношения *krasa → *krasъnъ) свидетельствуют о вторичности цветовой семантики (в русском языке — с XVI в.).

---

¹ Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», грант РФФИ № 19-012-00059.

Однако еще Бернекер считал возможной связь *krasa с праславянским глаголом *kresati ‘высекать огонь’ (Berneker I: 608, 611). Эту версию развил и углубил как структурно, так и семантически О. Н. Трубачев (ЭССЯ 12: 95–98), предположив связь глагола с лат. *creare* ‘создавать’ и *cresco* ‘расти’, так что слав. *krasa* получила объяснение как ‘создание, порождение огня’. Очевидно, что в этой гипотезе уязвимы структурные отношения славянского и латинских глаголов. Более существенной, однако, представляется в проблеме генетической связи *krasa и *kresati не степень вероятности структурного родства с латинскими лексемами, а реконструкция собственно славянской семантики *kresati.

Продолжения глагола *kresati представлены в славянских языках с двумя основными значениями, причем обычно сопутствующими друг другу: ‘высекать огонь’ и ‘тесать, сечь, обрубать (ветки), насека́ть (жернов), бить, ударять’, см. сербохорв. *krèsati* ‘высекать огонь; сечь, рубить’, словен. *krèsati* ‘добывать огонь трением, высекать искры; сечь, бить’, чеш. *křesati* ‘сечь, высекать искры’, диал. *křesat’* ‘тесать’, словц. *kresat’* ‘тесать, высекать искры’, диал. *kresati* ‘отесывать, обкалывать’, н.-луж. *křesać* ‘высекать искры’, н.-луж. *tšasaś* ‘высекать огонь огнивом, тесать’, польск. *krzesać* ‘высекать искру, ударять’, кашуб.-словин. *křosac* ‘высекать искры; расщеплять, тесать’, рус. диал. *кресать* ‘высекать огонь огнивом’, укр. *кресати* ‘высекать огонь; бить, колотить’, дил. *кресать* ‘полоть (картофель, кукурузу)’, блр. *красаць* ‘высекать огонь’ (ЭССЯ 12: 124–125); вероятно, сюда же рус. диал. нижегор. *кросáёт* ‘чешет’ (Архив АН). Неизвестна, кажется, семантика ‘сечь, тесать’ болгарскому, украинскому и белорусскому языкам (впрочем, см. укр. диал. *кресáть* ‘полоть’) при наличии значения ‘высекать огонь’. На фоне всего комплекса значений наиболее убедительна версия о происхождении праслав. *kresati из гнезда и.-е. *(s)ker- ‘сечь, драть’ (Machek 1957: 241; Sławski III: 225–227; Bezlaj 2: 90). Однако, сопоставляя значения ‘высекать огонь’ и ‘тесать, сечь, бить, ударять’ как несомненно присущие праслав. глаголу *kresati, многие исследователи признают историческую первичность семантики высека́ния огня, объясняя по-

явление значения ‘тесать, сечь, бить, ударять’ метафорой (Boryś 2005: 267; ЭССЯ 12: 96). Эта диахроническая реконструкция представляется противоречащей истории появления и функционирования ремесленных орудий из камня у славян. Употребление каменных орудий для обтесывания веток и стволов деревьев как средств защиты и охоты, для разделки туш и обдирания шкур животных, очевидно, предшествовало открытию огнедобывающих свойств самых твердых пород камня, проявляющихся при ударе. Тожественная эволюция семантики представлена в сочетании *высекать огонь*.

Как производные от глагола **kresati* ‘сечь, тесать, рубить’ мною еще ранее были рассмотрены польск. диал. *krasaki* ‘куски дерева, которые отрезаются от бревен, превышающих установленную меру длины, и используются для приготовления пищи’, и глагол *krasić* ‘холостить’ (Варбот 1989: 256–263). Очевидно, в обоих случаях обработка / обрубка / обрезка является средством придания предмету нужной, полезной формы. Для уяснения этнолингвистического значения этих лексических фактов следует обратиться к мотивационной модели, связывающей обозначение красоты с совершенством продукта какого-либо ремесла: ср. праслав. **lěръ(jь)* — от **lěpiti*, рус. диал. *коварный* ‘ладный, красивый’ (СРНГ 14: 27) — от *коварь* ‘кузнец’, литер. *точечный* ‘с правильными, словно выточенными, чертами (о лице, фигуре)’. Аналогичны наблюдения К. Бака об обозначениях понятия красоты в индоевропейских языках: нередко красота обозначается как совершенство формы, см. греч. εὔμορφος, εὐεῖδής ‘совершенной формы, прекрасный’, лат. *formosus*, ирл. *sochrud* ‘то же’ (Buck 1949: 1191–1192). Приведенные наблюдения и лексические данные позволяют сделать вывод об образовании праслав. **krasa* ‘красота’ (как ‘совершенное (по форме) изделие’) от глагола **kresati* в его первичном значении ‘обсекать, обрубать, обтесывать, делать зарубки’. Появление у глагола специализированного значения в сочетании **kresati огонь* (с многочисленными производными названиями соответствующих инструментов) сместило семантический центр гнезда на ассоциацию с огнем, так что изменилась (скорее, расширилась) семантика производных, отку-

да появилась цепочка употреблений типа представленных в русском языке диал. *красные веревы* ‘резные столбы ворот’ (= ‘наиболее совершенно сделанные’, а потому ‘красивые’), *красная девица* (собственно ‘с совершенными формами’ → ‘прекрасная’) и *красная изба* ‘изба с изразцовой печью’ как ‘лучшая’ (яросл., СРНГ 15: 180) и далее *красное зарево* (как отражающее цвет огня) и, наконец, *красный платок*, *красный цветок* и под. Разумеется, предполагаемая связь семантической истории слав. **kras-* с историей овладения методами получения огня с помощью камня означает также предположение об образовании основы **kras-* в ранний индоевропейский период.

ЛИТЕРАТУРА

Архив АН — Архив АН, ф. 174, № 2.

Варбот 1989 — *Варбот Ж. Ж.* Лехитские этимологии (польск. *krasaki* и *krasić*, кашуб.-словин. *sěrbac*. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985–1987. М., 1989. Стр. 259–263.

СД 1–5 — Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М., 1995–2012.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (1–23), Ф. П. Сороколетов (24–46), С. А. Мызников (47–51), Ленинград = СПб., 1965–2019–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (41). М., 1974–2018–.

Berneker I–II — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. V. I–II. Heidelberg, 1908–1913.

Bezljaj 1–4 — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–4. Ljubljana, 1977–2005.

Boryś 2005 — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

Buck 1949 — *Buck C. D.* A Dictionary of selected Synonyms in the principal Indo-European Languages. Chicago & London, 1949.

Machek 1957 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1957.

Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B. I–II. Bern, 1959.

Sławski I–V — *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków, 1952–1982.

Skok I–IV — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1973.

Snoj 1997 — *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997.

Zh. Zh. Varbot

On the Etymology and Semantic History of Slavic **kras-*

The history of how humans discovered percussion methods of fire-lighting presupposes the primacy of the meaning ‘cut, hew’ for Proto-Slavic *kresati, the ‘fire striking’ semantics of the verb being a more recent development. The article argues for the hypothesis that the noun *krasa, denoting a crafted piece perfect in shape = a beautiful object (cf. the motivational pattern of Latin *formosus* ‘shapely, beautiful’), could be a derivative of *kresati. The ‘fire making’ semantics developed by *kresati would in its turn motivate the shift towards the meaning ‘red (color)’, by association with fire.

Key-words: Slavic etymology, connection of semantics modifications with progress of material culture.

МАРИОЛА ЯКУБОВИЧ

(Институт славистики Польской академии наук, Варшава)

**ЕЩЕ РАЗ О СЕМАНТИКЕ
ПРАСЛАВ. ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО **MQDRĚ***

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.5

Ментальная лексика довольно часто бывает объектом лингвистического, в том числе этимологического, исследования. Статьи, касающиеся этого семантического поля, публиковались среди прочих польскими этимологами (Sławski 2000; Boryś 2011). Этой темой занимался также В. Н. Топоров, статья которого об этимологии праслав. слова *myslъ издана в сборнике «Этимология» (Топоров 1963).

Моя статья посвящена одному из слов этой семантической сферы — праславянскому прилагательному *mōdrъ ‘умный’, а точнее его семантике, и ставит своей целью обсудить вопрос о первичности или вторичности его праславянского значения по отношению к индоевропейскому.

Формальное происхождение прилагательного не составляет проблемы для исследователей, которые единогласно признают его индоевропейским наследием. Слово содержит индоевропейскую основу довольно редкой структуры, соединяющую два глагольных корня: **men-* ‘думать’ и **d^hē-* ‘класть’ на ступени редукции (ЭССЯ 20: 132)¹. К основе **men-d^h-* (буквально ‘класть мысль’) в ее апофоническом варианте с корневым *-o-*, свойственной именам существительным и прилагательным, добавлен суффикс прилагательных *-ro-*, достаточно продуктивный в праиндоевропейскую эпоху. Ближайшим родственни-

---

¹ Я здесь не обсуждаю этимологическую гипотезу Якобсона (Jacobson 1955: 614) (кстати, поддерживаемую В. Н. Топоровым — МНМ 2: 88), согласно которой данное прилагательное надо связывать с *mōdo ‘testiculum’; я считаю это невероятным.

ком праслав. *mōdrь является латышское *mōdrs*, которое, так же как и праслав. *mōdrь, продолжает балто-славянскую форму *mondros (Derksen 2015: 303–304). К литовским прилагательным, которые вызывают больше сомнений, я вернусь ниже. От индоевропейского корня на ступени редукции **mn-d^h-ro-* берет начало и прагерм. **mund-ra-* (с.-в.-н. *munder*, др.-в.-н.. *muntar*, *munder* ‘leicht, lebhaft, wach’ (‘легкий, бойкий, бодрый’)) (Kluge 1995: 575).

В данной статье я хочу обсудить вопрос о возможном первичном значении и.-е. **m(o)n-d^h-ro-*, если вообще реконструкцию общего значения для источника славянских, балтийских и германских прилагательных можно считать оправданной. Начиная с Ю. Покорного (Pokorny 1959: 730) в словарях неизменно указывается значение ‘бодрый’ (ср. ALEW: 612; Bogúš 2005: 318), хотя Й. Рейзек, например, предлагает другое значение: ‘přemýšlivý, duševně čilý’ (‘вдумчивый, живой умом’) (Rejzek 2015: 432).

Предлагая ту или иную реконструкцию, следует начинать с установления прзначений в отдельных языковых группах и с вопроса о том, насколько данное значение вытекает из других значений, представленных в этой группе: надо ли считать его инновацией на данной почве или развитием предшествующего значения.

1. Начиная семантическую реконструкцию, мы, как правило, сравниваем значения, засвидетельствованные в отдельных языковых семьях. Из данных «Этимологического словаря славянских языков» (ЭССЯ 20: 130–133) следует, что доминирующим значением в славянских языках является ‘умный, мудрый’. Другие значения — это ‘мирный, добрый; тихий, кроткий’, ‘чувствующий недомогание, погруженный в мысли, озабоченный’ (болг. общ. и диал.: Геров 3: 105; БТР: 400; БД 3: 330, БД 6: 58; макед.)², ‘хитрый, ловкий, сообразительный’ (польск. диал.), ‘коварный’ (хорв.), ‘осторожный, осмотрительный’ (хорв.), ‘знахарь’ (польск. диал.), ‘замысловатый, сложный, трудный, например о задаче, рукоделии’ (др.-рус. и рус. диал.),

² Сокращения по ЭССЯ 20: 130–133.

‘основанный на добре и истине’, ‘причудливый’ (рус. стар. и диал. — Даль II: 362–363), ‘хорошего качества’, например ‘прочный, крепкий’, ‘красивый’ (рус. диал., укр. стар. и диал. — Гринченко 2: 452), ‘спесивый, гордый’, ‘горделивый’ (укр. диал. и блр. диал.), ‘лукавый’ (блр. диал.). Континуанты прилагательного *mōdrь представлены во всех языках, кроме полабского. Исследователю семантического развития праславянского слова приходится сожалеть об утрате полабского континуанта особенно потому, что антоним слова со значением ‘умный, мудрый’ — *glaupe* получил в полабском интересное развитие и стал означать ‘молодой’ (ср. *не мудр годами* ‘молодой’ — рус. диал. из Томской области). Интересно было бы узнать, не произошло ли в случае интересующего нас прилагательного параллельное развитие от ‘умный, мудрый’ к ‘пожилой’.

Приведенные выше значения показывают, что почти все они связаны с ментальной деятельностью человека: ‘хитрый, ловкий, коварный’, ‘лукавый’, ‘знахарь’, ‘осторожный, осмотрительный’, ‘погруженный в мысли, озабоченный’ (откуда дальше ‘чувствующий недомогание’), иногда они определяют не самого человека, а его дела: ‘замысловатый, сложный, трудный’, ‘хорошего качества’. Переход от ментальной семантики к семантике поведения подтверждают значения ‘мирный, добрый; тихий, кроткий’ и ‘спесивый, гордый’. Это последнее значение, независимо от восточнославянского, обнаруживается также в румынском *mândru* — древнем южнославянском заимствовании (на что указывает присутствие носового согласного *n*, являющегося отражением назальности славянского гласного). Легко заметить, что среди названных значений отсутствуют такие, которые относятся к физическим характеристикам человека, что ставит под сомнение предполагаемую Покорным первичность значения ‘бодрый’. В славянской языковой группе пока не найдены глагольные эквиваленты с основой **męd-* из раннепраслав. или балто-слав. формы **mend-*, продолжающей и.-е. *men-d^h*. Однако важно заметить, что и другие славянские лексемы, выводимые из и.-е. *men-*, последовательно отражают ментальную семантику. Ср., например, польск. *pamięć* ‘память’.

2. В германских языках континуанты, на основе которых реконструируется прагерм. **mund-ra-* ‘eifrig’ (‘усердный, рьяный’), присутствуют только в немецком языке на разных этапах его развития начиная с древневерхненемецкого. Ср. др.-в.-нем. *muntar* ‘munter, frisch, lebhaft, behende’ (‘веселый, живой, подвижный’) (Heidermanns 1990: 416), ср.-в.-нем. *munter, munder* ‘leicht, lebhaft, wach’ (‘легкий, бойкий, бодрый’) (Grimm), нем. *munter* ‘бодрый’. Шведское *munter* в том же значении заимствовано из немецкого (Hellquist 1922: 491). В других германских языках продолжения **mund-ra-* отсутствуют. В этой ситуации обратимся к другим производным, сохраняющим корень *mund-*, восходящий к и.-е. **men-d^h-* (гот. *mundrei* ‘цель’, др.-исл. *munda* ‘метить’), семантика которых, в отличие от представленной выше славянской, связана с движением: гот. *mundrei* ‘цель’, др.-исл. *munda* ‘метить’.

К глагольной форме с корневым *-e- *men-d^h-* Р. С. П. Бекес и Л. ван Бек (Beekes, Beek 2008: 901) возводят древневерхненемецкие континуанты *mendī* ‘радость’, *menden* ‘радоваться’. Это означает, что германские производные от и.-е. *men-* значительно отошли от семантики *sentiendi* и стали обозначениями в той сфере психики, которая касается поведения и настроения, что и объясняет дальнейшее развитие в направлении *verba movendi*: ср. др.-в.-нем. *muntar* ‘живой, бодрствующий’ и гот. *mundrei* ‘цель’, др.-исл. *munda* ‘метить’.

3. В качестве общебалтийской праформы реконструируется **mandra-* **mandru-* и **mundra-* (Fraenkel 1962: 405, ср. у Р. Траутмана **mandra-* **mandru-*: Trautmann 1970: 168), из которых ближайшим родственником праслав. **mōdrь* является **mandra-*. Реально существующие прилагательные, приводимые обычно в этимологических словарях, — это лтш. *mōdrs* ‘бдительный, бодрый’, лит. *mañdras* (*mandrūs*), *muñdras* (*mundrūs*) ‘хитрый’. Р. Дерксен вслед за В. Смочиньским (Smoczyński 2007: 373; s.v. mandras) считает лтш. *mōdrs* производным от глагола *mōst* ‘просыпаться’ (так же Karulis 2001: 1, 602). В таком случае для латышского слова предлагается двойное объяснение. С одной стороны, праиндоевропейское или балто-славянское происхождение, с другой — деривация на латышской почве. Во втором случае надо

было бы говорить об инновации с непродуктивным для собственно латышского развития суффиксом *-ro-*, что маловероятно. Вероятнее, что прилагательное балто-славянского происхождения *mōdrs* < **mondros* получило значение ‘бодрый, живой’ под влиянием соответствующего глагола *mōst*.

Лит. *mañdras*, форма которого точно соответствует праслав. **mōdrъ*, в этимологических словарях объясняется по-разному. Э. Френкель (Fraenkel 1962: 405) считает ее балтийским словом, В. Смочиньский (Smoczyński 2007: 373) — заимствованием польск. *mądry*. Так как форма лит. *mañdras* не дает однозначного ответа, эти объяснения, видимо, основаны на семантике слова. Лит. *mañdras* явно отличается по своему значению от других балтийских слов. Для него характерна семантика, относящаяся к психике, хотя, в отличие от славянских слов, у него преобладают значения, связанные с самооценкой. Как замечено выше, семантический переход ‘умный’ > ‘гордый’ происходит в разных славянских (и неславянских) языках независимо друг от друга. Параллелью служит заимствование в румынском языке. Что касается варианта *mandrùs*, он отмечается уже в XVII в. в значении ‘ansehnlich’ (‘значительный, импозантный’) (ALEW 1: 612).

Лит. *muñdras* (и *mundrùs*) является дальним родственником праслав. **mōdrъ* с особенным корневым вокализмом. Э. Френкель усматривает здесь контаминацию корней **mand-* и **mud-*. Так же (хотя с переносом из доисторической в историческую эпоху) считает и Р. Дерксен, который допускает контаминацию прилагательных *mañdras* (*mandrùs*) и *mudrùs* (*mùdras*) (Derksen 2015: 303). Предположение, что формы *mudrùs* (*mùdras*) могут отражать фонетическое развитие восточноаукштайтского диалекта, отвергнуто авторами ALEW (1: 612).

4. Вернемся к индоевропейской структуре слова **mon-d^h-ro-* и к значениям его компонентов. Как сказано выше, в структуре реконструируемой праиндоевропейской формы можно обнаружить три элемента, среди которых два глагольных — со значениями ‘думать’ и ‘класть’. У третьего элемента только структурная функция: он переводит данное слово из класса глагольных корней в класс имен. Значение ‘думать’

хорошо подтверждается континуантами. Источником континуантов в моей статье служит словарь индоевропейских глаголов под редакцией Г. Рикса (LIV: 391–392). Из глаголов, названных Ю. Покорным и подтвержденных Г. Риксом, почти все касаются ментальной сферы, а именно: ‘думать’, ‘помнить’, ‘считать (кого кем)’, ‘оценивать’, ‘полагать’, ‘верить’, ‘узнавать (о чем)’, ‘понимать’, ‘планировать что-нибудь, стремиться’ (что могло послужить источником значения ‘целиться’, которое присутствует в германских языках). Другие значения относятся к сфере *dicendi*: ‘говорить’, ‘напоминать’, ‘угрожать’ — или касаются зрения — ‘смотреть’, ‘глядеть’³.

Трудно сказать, добавляет ли глагольный элемент ‘класть’ новые семы к первичному понятию. В словаре Ю. Покорного (Pokorny 1959: 730) предлагается значение ‘*seinen Sinn worauf richten, lebhaft sein*’ (‘быть внимательным, бодрым’), так же, как и значение производного от **men-d^h-* прилагательного с суффиксом *-ro-*, повторяемое в этимологических работах (ср. Trumpra 2010: 156). Согласно гипотезе О. Н. Трубочева, праиндоевропейское сложение **men-d^h-* могло значить ‘прикладывать умственное усилие, учиться’ (ЭССЯ 20: 132). Такая семантика лучше отвечает семантике индоевропейского корня, чем значение, реконструируемое Покорным на основе немецкого и балтийских языков.

5. Возникает вопрос, насколько оправданна предложенная Покорным и принимаемая этимологическими словарями реконструкция первичного значения ‘бодрый’. На мой взгляд, есть три причины для сомнений.

Во-первых, значение ‘бодрый’ у и.-е. **mon-d^h-ro-* подтверждается семантикой этого прилагательного в двух разных языковых группах, а значение ‘умный’ — только в одной группе. Решение, основанное

---

³ Значения, присущие разным индоевропейским языкам, приведены в LIV 391–392: ‘*denken*’, ‘*andenken*’, ‘*(sich) erinnern*’, ‘*erwähnen*’, ‘*meinen*’, ‘*halten für*’, ‘*glauben*’, ‘*erfahren*’, ‘*verstehen*’, ‘*schätzen*’, ‘*im Sinn haben*’, ‘*nach etwas streben*’, ‘*schauen*’, ‘*sprechen*’, ‘*mahnen*’, ‘*zusagen*’.

на совпадении значений в двух не соседствующих языковых группах, было бы полностью оправданным, если бы слова обеих групп были продолжением одной праформы. В данном случае балтийские и германские прилагательные восходят к разным ступеням пракорня. Др.-в.-нем. *muntar* может соответствовать лит. *muñdras*, но не лтш. *mōdrs* (ср. ALEW 1: 612). Это не позволяет восстанавливать общую праформу с одним и тем же значением для этимологизируемых слов.

Во-вторых, физические (конкретные) значения, как правило, предшествуют психическим (абстрактным). Действительно развитие от конкретного к абстрактному встречается намного чаще, чем развитие в обратном направлении, но не исключает последнего. В ситуации, когда значение, реконструированное на основе данных многих языков (древнеиндийского, древнеперсидского, греческого, латинского, готского) для индоевропейского корня, соответствует (в смысле принадлежности к тому же семантическому полю) значению, засвидетельствованному во всех славянских языках, надо полагать, что и значение, к которому они восходят, должно быть таким же или близким ему.

В-третьих, в старых словарях индоевропейской лексики славянские языки обычно представлены только относительно поздно записанным древнецерковнославянским языком, данные которого, как правило, не учитывались в этимологических реконструкциях. Ранняя этимологическая лексикография учитывала почти исключительно древнейшие свидетельства (исключением был литовский, консервативность которого общепризнана). При таком подходе примеры из древнецерковнославянского языка не влияли на этимологические решения и в лучшем случае служили лишь подтверждением реконструкции, если они совпадали с другими данными, или же вообще не учитывались — в случае несовпадения. Современные принципы семантической реконструкции требуют учета всего диапазона значений. Очевидно, что если речь идет о семантике, то самое древнее не обязательно значит первичное. Только рассмотрение всех засвидетельствованных значений дает возможность избавиться от случайного и позволяет делать заключения относительно первичного значения.

В связи с этим заслуживает внимания статья М. Войтылы-Свежовской (Wojtyła-Świerzowska 2006), в которой автор, основываясь на своем опыте в области реконструкции праславянской семантики, пытается уточнить значение интересующего нас праславянского прилагательного и обращает внимание на тот факт, что во всех славянских языках доминирует значение, связанное с познанием, которое соответствует греческим прилагательным *φρόνιμος* ‘благоразумный’, *σοφός* ‘мудрый’, но не кажется оправданным для праславянского. На основании древних памятников автор приходит к выводу, что значения праславянского **mōdrь* (как и праслав. **xytrь*) относились к таким свойствам человека, как сообразительность, острота ума, правильное восприятие явлений, а возможно, и ловкость движений. Особое внимание она обращает на характерное для **mōdrь* значение ‘наделенный сверхъестественными способностями’ и на случаи субстантивации прилагательного, такие, как ‘знахарь’, ‘колдун’, ‘ведьма’. Анализ, проведенный М. Войтылой-Свежовской, также подтверждает первичность абстрактной семантики **mōdrь* (на значение ‘ловкий’ несомненно повлияло синонимичное, по ее мнению, прилагательное **xytrь*, производное от *xytati* ‘хватать’).

Моя статья является еще одной попыткой рассмотрения давно существующего этимологического объяснения на основе современных требований, предъявляемых к семантической реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

БД 3, 6 — Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. 3 / ред. С. Стойков, София 1967, Т. 6 / ред. К. Мирчев. София, 1971.

БТР — Български тълковен речник / ред. Л. Андрейчин и др. София, 1955.

Геров 1–5 — Геров Н. Речник на българския език (оригинальное заглавие: Речникъ на бльгарский языкъ). Т. 1–5. София, 1895–1904.

Гринченко 1–4 — Гринченко Б. Словарь української мови. Т. 1–4. Київ, 1907–1909.

Даль I–IV — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1863–1868. Т. I–IV.

МНМ 1–2 — Мифы народов мира: энциклопедия / ред. С. А. Токарев. Т. 1–2. М., 1991.

ЭССЯ 20 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / ред. О. Н. Трубачев. Вып. 20. М., 1994.

Топоров 1963 — *Топоров В. Н.* К этимологии слав. *myslъ* // Этимология. М., 1963. С. 5–13.

ALEW — *Altlitauisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1–3. Hamburg, 2015.

Beekes, Beek 2008 — *Beekes R. S. P., Beek van L.* Etymological dictionary of Greek. Leiden; Boston, 2009.

Boryś 2005 — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

Boryś 2011 — *Boryś W.* Najstarsza słowiańska leksyka intelektualna // *Linguistica Copernicana*. 2011. № 5 (1/2011). S. 33–51.

Derksen 2015 — *Derksen R.* Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Leiden; Boston, 2015.

Fraenkel 1962 — *Fraenkel E.* Etymologisches Wörterbuch der litauischen Sprache. Bd. 1–. Heidelberg; Göttingen, 1962–.

Grimm — *Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm*. Bd. 12. Sp. 2699 bis 2706. URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB&mode=Vernetzung&lemid=GM08248#XGM08248.

Heidermanns 1990 — *Heidermanns F.* Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primäradjektive. Berlin; New York, 1990.

Hellquist 1922 — *Hellquist E.* Svensk etymologisk ordbok. Lund, 1922.

Jacobson 1955 — *Jacobson R.* While Reading Vasmer's Dictionary // *Word*. 11. № 4. 1955. P. 611–617.

Karulis 2001 — *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Rīga, 2001.

Kluge 1995 — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23. erw. Aufl. Berlin; New York, 1995.

LIV — *Lexikon der indogermanischen Verben*. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen / unter Leitung H. Rix. Wiesbaden, 1988.

Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Bern; München, 1959.

Rejzek 2015 — *Rejzek J.* Český etymologický slovník / nove upr. a rozš. vyd. Praha, 2015.

Sławski 2000 — *Sławski F.* Prasłowiańskie *menōti* ‘wspominać, pamiętać, mentionem facere, commemorare, meminisse’ // *Južnoslovenski filolog.* 2000 [2001]. 56 (3–4). S. 1033–1034.

Smoczyński 2007 — *Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007.

Trautmann 1970 — *Trautmann R.* Baltisch–Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1970.

Trumpa 2010 — *Trumpa A.* Adjektīvu semantiskā diferenciācija latviešu un lietuviešu valodā. Rīga, 2010.

Wojtyła-Świerzowska 2006 — *Wojtyła-Świerzowska M.* *Mōdra žena. Semantische Betrachtungen // *Ad fontes verborum.* Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006. С. 80–84.

Mariola Jakubowicz

Once again about the Semantics of CS adjective **mōdrъ*

The subject of the article is the semantic development of CS adjective *mōdrъ that comes from the proto-European root **men-d^h*- and has equivalents in other language groups. The meaning of the Lithuanian adjective *mandras* is ‘cheerful, lively’ while the OHG *muntar* means ‘ardent, cheerful’. In the etymological dictionaries the meaning ‘cheerful’ is reconstructed as a primary meaning. The basis for such a reconstruction is the rule that specific meanings precede abstract ones.

However, it is in contradiction with the semantics of the derivative base, because for the root **men-d^h*- the meaning ‘to put one’s mind to something’ is reconstructed. It seems logical that the meaning of the adjective **mon-d^hro-* should also be connected with the concept of thinking. This leads us to the conclusion that the meaning ‘wise’ of the CS adjective *mōdrъ is an inherited one.

Key-words: Etymology, Semantics, Concept of to be wise.

М. Н. САЕНКО
(Институт славяноведения РАН, Москва)

О СЕМАНТИКЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ВРАТЬЪ ‘ШЕЯ (?)’¹

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.6

В старославянских текстах фигурируют две омонимические лексемы **вратъ**. Одна из них (перевод греческого *κοχλίας*; две фиксации в Супрасльской рукописи) обозначала некоторое орудие пытки и глоссируется в чешском «Словаре старославянского языка» как ‘*mučidlo, kolo*, орудие пытки, колесо, *Marterwerkzeug, Rad*’ (SJS 1: 221) (практически идентично в Старославянском словаре (СС 1994: 122) и Древнеболгарском словаре: СР 1999: 189).

Мы не уверены, что этим орудием пытки было именно колесо, которое было скорее орудием казни, чем пытки. Нельзя исключать, что речь шла о дыбе. Однако в данной статье нас интересует скорее второе слово **вратъ**.

В традиционно принятом копусе старославянских текстов оно является гапаксом, который фигурирует в Саввиной книге в эпизоде искушения Христа дьяволом (Мф. 4:5): **тогда і полѣтъ дѣяволъ въ сѣтъы градъ и постави і на вратѣ црквиныѣмь** ‘Потом берет Его дьявол в святой город и поставляет Его на крыле храма’² на месте греческого *πτερύγιον* ‘крыло’. В прочих старославянских памятниках (Зографском, Ассеманиевом, Остромировом евангелиях) мы находим более ожидаемое **крыло**, которое калькирует греческое слово (то же и в Лк. 4:9 в Мариинском евангелии). Лишь в восточнославянском

---

¹ Автор благодарит Рафала Шептыньского за многочисленные ценные дополнения, а также за обсуждение статьи в целом.

² В Синодальном переводе. Далее при цитировании этого отрывка на других языках мы будем оставлять его без перевода.

Архангельском евангелии обнаруживается тот же пассаж: ꙗꙗгда поꙗтѣи и дѣнаѡлѣ въ стѣнѣи градѣи и постави и на вратѣи црквиꙗемѣи (л. 154, 4). Словарь старославянского языка переводит в этом случае вратѣи как ‘*simbuŕi*, зубчатая стена, *Zinne*’ (SJS 1: 221), Старославянский словарь — как ‘крыша (двускатная), *střecha (sedlová)*’ (СС 1994: 122), а Древнеболгарский словарь — как ‘крыло на постройка’ (‘крыло постройки’) (СР 1999: 189).

Совершенно очевидно, что два первых словарных толкования являются гадательными, а третье просто напрямую переносит семантику греческого слова на старославянское. В то же время они исходят из верной предпосылки, что, поскольку архитектура византийских и славянских церквей той эпохи не предполагала наличия никаких «крыльев», переводчик заменил неясный термин πτερύγιον τοῦ ἱεροῦ на более близкий себе и своим читателям.

Для лучшего понимания принятого старославянским переводчиком решения проведем краткий выборочный обзор того, как в аналогичной ситуации поступали некоторые чешские, немецкие и польские переводчики.

В тексте Вульгаты выступает калька с греческого *pinnaculum* ‘конек кровли, шипец’³: *...tunc adsumit eum diabolus in sanctam civitatem et statuit eum supra pinnaculum templi.*

В чешских библиях первой редакции задача была решена по-разному, но в обоих случаях перевод является не дословным (в соответствии со сложившейся в богемистике традицией текст приведен к стандартам современной чешской орфографии):

Дрезденская библия: *Tehdy vzdviže jeho diábel do svatého města i postavi jej na zábradlách chrámových* (Куяс 1981: 46); Оломоуцкая биб-

³ Отметим, что в готском переводе (Лк. 4:9) обнаруживается словосочетание *ana giblin alhs*, однако *gibla является гапаксом и точно определить его значение мы не можем, хотя этимологически оно родственно, например, немецкому *Giebel* и древнеисландскому *gaff* ‘фронтон, шипец’ (а на более глубоком уровне также греческому κεφαλή ‘голова’) (Lehman 1986: 155).

лия: *Tehdy nese jej diábel do svatého města do Jeruzaléma i postavi jej na chrámovém vrchu*⁴ 'на вершине' (Kyas 1981: 47).

Вариант на *vrchu* остался и в последующих редакциях, судя по материалу Падержовской и Босковицкой библий. Слово *zábradla* в древнечешском означало зубчатую стену или даже просто крепостную стену (Němec 1980: 100–101). Вероятно, именно оно предопределило выбор перевода редакторами Словаря старославянского языка.

Те же два решения мы находим в немецких переводах.

Библия Ментелина: *Do nam in der teuffel in die heyligen stat: un schicke in auf die höhe des tempels* 'на вершине' (Mentel-Bibel 1466).

В переводе Лютера: *Da führte ihn der Teufel mit sich in die Heilige Stadt und stellte ihn auf die Zinne des Tempels* 'на зубце стены' (Lutherbibel).

Благодаря проекту «Старопольские переводы Нового Завета» (STNT) можно с легкостью проверить, как интересующий нас фрагмент глоссировался и переводился в польских рукописях XV века⁵:

- *na dachv* 'на крыше' — рукопись № 1116 Библиотеки имения Займойских (в настоящее время хранится в Варшаве в Национальной библиотеке);
- *na wirzchu* 'на вершине' — Пшемьское размышление;
- *na naviffa cąscy* 'на самой высокой части' — глосса в рукописи № 1297 Ягеллонской библиотеки;
- *ganeek* 'галерея'⁶, *halcerz* 'эркер' — глоссы в рукописи № 161 Библиотеки Рачинских в Познани;
- *na myefcze doctorowskye ubi doctores predicabant* 'на место учительское, откуда учителя проповедуют' — глосса в рукописи № 161 Библиотеки Рачинских в Познани;

⁴ Однако в отрывке из Евангелия от Луки — *na zábradlech* 'на крепостной стене', как и в Дрезденской библии (Kyas 1981: 208–209).

⁵ Доступны по адресу: <http://stnt.ijp.pan.pl/tlumaczenia/index?l=39>.

⁶ Старопольский словарь в этом и подобных контекстах трактует *ganeek* как 'плоская крыша; терраса на доме или перед домом' (SP 2: 382), однако, по нашему мнению, это вовсе не обязательно.

- *na stolczy, na kathedrze* ‘на троне’ — глосса в рукописи R.XV.32 Архива польской провинции доминиканцев в Кракове;
- *navysokym myesczw* ‘на высоком месте’ — глосса в рукописи № 1728 Университетской библиотеки в Познани;
- *u goroу* (вместо *u gory*) ‘возле верхней части’ — глосса в рукописи № 43 Капитульной библиотеки во Вроцлаве;
- *zabradla* ‘крепостная стена’ — глосса в маммотректе Библиотеки Варшавского университета № 6 2/17.

Кроме того, *wirzch* и *ganek* фигурируют еще в нескольких рукописях.

Что касается печатных книг, в польском переводе Нового Завета С. Мужиновского (Murzynowski 1551) принимается чешское решение (*na wierzchu* ‘на вершине’)⁷, однако на полях даются альтернативные варианты: **gánku abo banérze* ‘на галерее или зубце стены’. Я. Вуек (Wujek 1593) использует как основное *ná ganku* ‘на галерее’⁸ и как альтернативное **ná wierzchu* ‘на вершине’.

Еще одним вариантом является *na szczycie* ‘на верхушке, щипце здания’, которое можно обнаружить в Несвижской библии (*Biblia nieświeska* 1572) и переводе М. Чеховица (*Czechowic* 1577).

Уже в XX веке В. Щепанский отказывается от перевода *ganek* и пишет *na narożniku* ‘на угловой части’ (*Szczerpański* 1917: 18–19). Именно этот вариант был перенят в «Библии тысячелетия» (*Biblia Tysiąclecia*) и украинском переводе Огиенко (Огієнко).

Почти все эти случаи объединяют две вещи: 1) стремление заменить темное слово оригинала понятным читателю термином; 2) этот термин должен обозначать некую высоко расположенную часть храма, на которой может стоять человек, и, упав с которой, можно разбиться насмерть.

Если вернуться к тексту Саввиной книги, то перед нами стоит задача, какую именно часть храма древний книжник мог обозначить сло-

⁷ То же (*ná śámym wierzchu*) и в Библии Леополиты (*Biblia Leopolicy* 1561). Брестская библия (*Biblia brzeska* 1563): *ná wierzchu*.

⁸ Так же и в Гданьской библии (*Biblia gdańska* 1632).

вом *вратъ*. И мы полагаем, что в раннеславянской архитектурной терминологии есть значительно более подходящий кандидат на эту роль, нежели двускатная крыша и тем более зубчатая стена. Речь идет о барабане — основании купола, обычно с прорезанными окнами. Крайне важно, что это наивысшая точка раннеславянского храма, где может стоять человек. Купол в древнерусских текстах иногда называется *глава* (СРЯ 11–17, 4: 23), а его основание — *шия* (Срезневский 3: 1596).

В современных южнославянских языках для континуантов *wortъ первичным значением обычно является ‘шея’ (см. ОЛА 9: 86–87), эта инновация охватила значительную часть южной Славии, но старославянское *вратъ* в таком значении нигде не фиксировалось. Однако если предположить некоторый параллелизм старославянской и древнерусской архитектурной терминологии, то мы имеем дело с достаточно ранним свидетельством наличия у *вратъ* значения ‘шея’, поскольку невозможно себе представить, чтобы оно использовалось как архитектурный термин, но при этом не обозначало части тела.

Таким образом, мы полагаем, что дефиниции SJS, СС и СР не соответствуют реальной семантике старославянского слова *вратъ* и правильное словарное определение данной лексемы должно выглядеть следующим образом: ‘барабан — часть храма под куполом (метафорический перенос значения ‘шея’)’.

ЛИТЕРАТУРА

Огієнко — *Огієнко І.* Біблія або Книги Святого Письма Старого і Нового Заповіту. URL: <https://bibleonline.ru/bible/ubio/>.

ОЛА 9 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 9: Человек / под ред. Я. Сятковского и Я. Ваняковой. Kraków, 2009.

СРЯ 11–17, 4 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.

Срезневский 3 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912.

СР 1999 — Старобългарски речник. Т. 1. София, 1999.

CC 1994 — Старославянский словарь. М., 1994.

Biblia brzeska 1563 — Biblia święta, tho iest, Księgi Starego y Nowego Zakonu. Brześć, 1563.

Biblia gdańska 1632 — Biblia Święta to jest Księgi Starego y Nowego Przymierza. Gdańsk, 1632.

Biblia Leopoldy 1561 — Biblia to iest Xięgi Starego y Nowego Zakonu. Kraków, 1561. URL: <https://polona.pl/item/biblia-to-iest-xiegi-starego-y-nowego-zakonu-na-polski-iezuk-z-pilnoscia-wedlug,MTE2MzMzOTU/0>.

Biblia nieświeska 1572 — Biblia to iest księgi Starego y Nowego przymierza. Zasław, 1572.

Biblia Tysiąclecia — Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu. URL: <https://www.bibleonline.ru/bible/pol>.

Czechowic 1577 — *Czechowic M.* Nowy Testament. To iest wszystkie pismá nowego Przymierza. Kraków, 1577.

Kyas 1981 — *Kyas V.* Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká. Praha, 1981.

Lehman 1986 — *Lehman W.* A Gothic Etymological Dictionary. Leiden, 1986.

Lutherbibel — Biblia, Das ist die gantze Heilige Schrifft Deudsch auff's new zugericht. URL: <https://bibleonline.ru/bible/deu/>

Mentel-Bibel 1466 — Biblia. Straßburg, 1466. URL: <http://daten.digital-sammlungen.de/0003/bsb00036981/images/index.html?fip=193.174.98.30&id=00036981&seite=1>.

Murzynowski 1551 — *Murzynowski S.* Evangelia Swieta Pana Iesvsa Christvsa Vedle Matthæusza Svietego. Królewiec, 1551. URL: <http://ebuw.uw.edu.pl/dlibra/doccontent?id=107554>.

Němec 1980 — *Němec I.* Slova a dějiny. Praha, 1980.

SJS 1 — Slovník jazyka staroslověnského. Sešit 1. Praha, 1958.

SP 2 — Słownik staropolski. T. 2. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1956–1959.

STNT — Staropolskie tłumaczenia Nowego Testamentu. URL: <http://stnt.ijp.pan.pl/tlumaczenia/index?l=39>.

Szczepański 1917 — *Szczepański W.* Cztery ewangelie. Wstęp, nowy przykład i komentarz. Kraków, 1917.

Wujek 1593 — *Wujek J.* Nowy Testament. Kraków, 1593.

M. N. Saenko

On semantics of Old Church Slavonic вратѣ 'neck (?)'

The article critically looks at the definitions of the word вратѣ given in the three main dictionaries of the Old Church Slavic language. The analysis of Old Czech, German and Polish translations of the same extract, where this hapax occurs, suggests that the lexeme вратѣ should be given a new definition.

Keywords: Old Church Slavonic, Old Czech, Polish language, ghost words.

А. А. ЗАЛИЗНЯК
(Институт славяноведения РАН, Москва)

«ЭФФЕКТ ЛУКЕРЬИ»: ПЕРЕХОД *ОЛ* > *О* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.7

В ходе раскопок 2017 году в Новгороде в числе других берестяных грамот была найдена грамота середины XIV века № 1102 — письмо Лукерьи к матери. Этот крайне лаконичный документ отличался от обычного вида берестяных грамот рядом неожиданных отклонений от привычных написаний, так что по первому впечатлению Лукерья казалась малограмотной. А. А. Гиппиус высказал подозрение, что за ее кажущейся малограмотностью в действительности может стоять иной фонетический состав ряда слов. Дальнейшее изучение грамоты полностью подтвердило это подозрение.

Наиболее странным было написание *потину* ‘полтину’, повторенное далее в виде *потинуо*: дважды одинаковым образом отсутствовала ожидаемая буква *л*. Понятно, что вероятность случайного соединения двух совершенно одинаковых описок очень мала. Поиск иного объяснения привел к предположению, что Лукерья фонетически точно отразила не отмеченное ранее особое диалектное явление — переход [ол] в закрытом слоге в [о].

---

¹ Статья публикуется по тексту файла, последнее обращение к которому А. А. Зализняка датировано 17 декабря 2017 г. Статья предназначалась автором для настоящего сборника и была доведена до практически полной готовности — в дополнении нуждался лишь список литературы. Заголовок «Эффект Лукерьи» отсутствует в авторском названии, но так озаглавлен файл со статьей. Редакторы сочли возможным внести эти слова в название статьи. — *Прим. ред.*

Прямым подтверждением этого предположения оказалось то, что в фонде имеющихся берестяных грамот обнаружилось целых три совершенно аналогичных примера: *по четверта* ‘три с половиной’ 707 (посл. треть XIII в.), *потори коробиш* ‘полторы коробы’ 689 (60–70-е гг. XIV в.), *поторь коробы* 521 (посл. четв. XIV — нач. XV в.). Они были найдены со значительными разрывами во времени (№ 521 — в 1974 г., № 689 — в 1987 г., № 707 — в 1989 г.) и все были, как и можно было ожидать при их кажущейся единичности, расценены как простые описки. Лишь после находки грамоты № 1102 с двумя примерами в одном тексте стало ясно, что все накопившиеся ныне пять примеров имеют единую причину, а именно: они отражают реальный переход [ол] в закрытом слоге в [о].

Этот переход, не привлекавший до сих пор внимания историков языка и диалектологов, очевидно, развивался в виде цепочки [ол] > [ow] > [oo] > [ō] > [о].

Первый шаг в этой цепочке — это хорошо известный переход *л* > *w* в конце слога, представленный ныне в северновеликорусской зоне и в говорах близ границы с Белоруссией, а первоначально охватывавший также вообще все говоры новгородского и псковского происхождения (см. Образ. 1970: 50–54). Предполагается, что он развился не позднее первой половины XIV века (там же: 54).

Дальнейшие шаги перехода представляют собой не что иное, как более полное развитие того же процесса. О реальности этих дальнейших шагов свидетельствует целая серия фактов, рассматриваемых ниже.

Самым известным случаем появления *о* из *ол* является, конечно, литературное слово *солнце* [сόνце]. Но в этом слове утрата [л] всегда рассматривается в курсах истории русского языка просто как результат упрощения сложного консонантного сочетания [лнц] (см. например, Соболевский 1907: 112). Что же касается вариантов *сónечный*, *сónечко*, *сónышко*, где такого сочетания нет, то одно из возможных в принципе объяснений состоит здесь в том, что это производные от уже

закрепившегося [с^онце]. Тем самым это не рядовой случай, и мы рассмотрим его ниже отдельно.

Основная масса регулярных примеров обнаруживается в говорах. В приводимой таблице собраны примеры из СРНГ (с небольшими добавлениями из других источников). Порядок перечисления говоров может не соответствовать СРНГ; длинные переводы немного сокращены. В правой колонке знаком «+» выделены нетипичные для этой колонки единичные акающие говоры (кроме Тамб., Пенз., Саратов.).

-ол-	-о-
литературное <i>во́лглый</i> ‘сыроватый, влажный’; <i>во́лжкий</i> ‘то же’ Зап., Смол., Калуж., Пск., Калинин. (5: 37); <i>во́лблый</i> ‘то же’ Вят. (5: 36)	<i>во́глый</i> ‘то же’ Перм., Вят., Свердл., Том., Тюмен. (4: 330), (АОС 4: 144); <i>во́хкий</i> ‘то же’ Сиб., +Терск., Дон. (5: 164) [также <i>во́хкий</i> Енис. (5: 36)]; <i>во́блый</i> ‘то же’ Вят., Волог. (4: 327)
литературное <i>колту́н</i> ; <i>колтуны́</i> ‘волосы, лохмы, космы’ Лит. ССР, Латв. ССР	<i>ко́тыни</i> ‘длинные, нечесаные, растрепанные волосы, космы’ Арх., Олон., Новг., Твер., Яросл., Влад., Шуйск.
литературное <i>мол</i>	<i>мо</i> ‘мол, дескать’ Киров., Горьк., Костром. (18: 189)
литературные <i>мо́ва́</i> , <i>мо́лвить</i>	<i>мо́ва</i> ‘язык, речь’ Арх., КАССР, <i>мо́вить</i> ‘говорить, сказать, молвить’ Арх., Олон., Перм. (не считая регионов, близких к Белоруссии и Украине) (18: 189)
литературное <i>молчи́</i>	<i>моу́ы</i> ‘постой, погоди; молчи’ Олон. (18: 313)
литературное <i>толкова́ть</i> и др.	<i>токова́ть</i> ‘разговаривать, беседовать’ КАССР, Свердл., Хакас., Новосиб., <i>токова́ться</i> ‘то же’ Новг., <i>токови́к</i> ‘разговорчивый человек’ Перм. (44: 180)

-ол-	-о-
<i>го́лбец</i> ‘отгородка или чулан возле русской печи’ весь Север и Сибирь, Твер., Моск., Тул., Ряз., Тамб. (6: 284), (АОС 9: 219); <i>го́лбчик</i> ‘то же’ весь Север и Сибирь (6: 287), (АОС 9: 221)	<i>го́бец</i> ‘то же’ Север. и Сибирь, Твер. (6: 252), (АОС 9: 219) ² ; <i>го́бчик</i> ‘то же’ Ср. Урал., Том., Свердлов., Иркут. +Ряз. (там же), (АОС 9: 221)
<i>мо́лвия</i> ‘молния’ Олон., Арх., Вят., Влад., Орл. (18: 214)	<i>мо́вия</i> ‘то же’ (18: 189; без указ. места)
<i>ба́лбыший</i> (<i>болбыший</i>) ‘плоды картофеля, растущие на стеблях’ (ПОС 1: 101)	<i>бо́бышки</i> ‘то же’ Свердлов. (3: 40)
<i>ба́лдра́н</i> ‘растение борщевик и др.’ Казан. (2: 80)	<i>бо́дра́н</i> ‘то же’ Казан. (3: 56)
<i>го́лноста́рь</i> ‘горноста́й’ арханг. (СГРС 3: 71)	<i>го́носта́рь</i> ‘то же’ Яросл. (7: 9), (АОС 9: 307), (ПОС 7: 81)
<i>до́лдо́н</i> ‘человек, говорящий много и без толку’ Курск., Орл., Тул., Калуж. (8: 109); также просторечное <i>до́лдо́нить</i>	<i>до́до́ная же́ница</i> ‘говорливая’ Яросл. (8: 90); <i>до́до́нить</i> ‘говорить много и без толку’ (НовгОС 2: 89); ср. <i>до́до́н</i> ‘петух’ (АОС 11: 251)
<i>ко́лма́тый</i> ‘безрогий, комолый’ Олон., КАССР, Смол. (14: 139)	<i>ко́ма́тый</i> ‘то же’ КАССР (14: 227)
<i>сто́лбик</i> ‘стебель растения <...>, щавеля’ Арх. (41: 206)	<i>сто́бики</i> ‘цветочные стебли щавеля’ Волог. (41: 171)
<i>то́лка́чик</i> ‘пест’ Смол., Пск., Орл. (44: 188)	<i>то́ка́чик</i> ‘то же’ Том. (44: 176)
<i>по́лстовáл</i> ‘валяльщик (войлока), шерстобит’ Саратов., Дон. (29: 133), <i>по́лста́ть</i> ‘бить вальком холст’ Новосибир., <i>по́лста́нье</i> ‘нижняя женская юбка’ Свердлов. (29: 132)	<i>по́стовáл</i> ‘шерстобит’ Дон., <i>по́стовáть</i> ‘валять (войлок, валенки)’ Дон., <i>по́сто́вка</i> ‘нижняя часть женской рубашки (из грубой ткани)’ Смол., Брян., Ворон., Новосиб. (30: 230)

² Из примеров рассматриваемой группы это самый известный в научной литературе. Так, АОС дает соответствующую статью как *го́лбец* (*го́бец*). Мызников (2004: 45) прямо указывает: *го́бец* < *го́ўбец* < *го́лбец*.

Как видно из этой таблицы, *о* из *ол* в подавляющем большинстве случаев представлено в окающих говорах (а также Тамб., Пенз., Саратов.), т. е. в северновеликорусских и производных от них (прежде всего сибирских) и окающих среднерусских. Единичные отклонения могут объясняться как заимствования из этих говоров. Правда, в одном случае (*пост-* из *полст-*) слова с *о* из *ол*, указанные в СРНГ, отмечены в основном в южных говорах. Но данные СРНГ нельзя рассматривать как исчерпывающие, и на фоне остальных свидетельств это частное обстоятельство уже не может изменить общую картину.

Исконное *ол* представлено в основном в южновеликорусских говорах и в литературном языке. Но оно возможно также и в северных говорах, что легко объяснимо, поскольку это просто сохранение древнего состояния.

Во всех этих примерах историческое тождество членов пары непосредственно очевидно и не нуждается в подробном обосновании.

В дополнение отметим еще примеры *водыри* 38 об. (и др., несколько раз) ‘волдыри’, ‘пузыри на коже’, *пузыри или водыри* 41, *водырей* 41 в лечебнике XVII века (РГБ, ф. 228, № 196). В данном значении во всех доступных нам источниках (в частности, во всем НКРЯ) отмечается только слово *волдырь* (примеров очень много); вариант *водырь* не отмечен более нигде. Тем самым предположение о том, что существовало отдельное слово *водырь*, образованное от корня *вод-* (‘вода’?) и случайно точно совпавшее по значению со словом *волдырь*, оказывается крайне неправдоподобным; т. е. естественно видеть здесь просто еще один пример перехода *ол* > *о*.

Более детального разбора требуют слова с корнями *болт-* и *бот-*, *колч-* и *коч-*.

Для *бо́тать* необходимо различать группу значений, связанных со взбалтыванием, болтанием (*бо́тать*₁), и значение удара, битья (*бо́тать*₂). Далее, для *болта́ть* и *бо́тать*₁ различаются значения, связанные: 1) со взбалтыванием; 2) с особым способом ловли рыбы; 3) с раскачиванием, болтанием; 4) с болтливостью.

болт-	бот-
<p><i>болта́ть</i> 1. ‘взбалтывать’ литературное. 2. <i>болта́ться</i> ‘ловить рыбу’ Пск., Смол. 3. ‘болтать (ногами etc.)’ литературное. 4. ‘болтать (языком)’ литературное.</p>	<p><i>бо́тать</i>₁ (3: 131) 1. ‘сбивать масло’ Сев., Вост., Тамб., ‘месить тесто’ Арх. 2. ‘хлопать по воде ботом, загоняя рыбу в сеть’ Арх., Сев.-Двин., Волог., Перм., Вят., Новг., Петерб., Твер., Костром., Пенз., Тамб., Свердл., Челябин., Тобол. + Пск. 3. ‘качать, болтать (ногами, руками)’ Сев., Вост., Арх., Олон. Волог., Перм., Яросл., Тамб., Енис. + Тул., Ряз. ‘звонить колокольчиком (боталом)’ Арх. 4. ‘болтать, врать’ Сев.-Двин., Ленингр., Перм., Тюмен., Свердл., Енис., Иркут.; сюда же: <i>бо́тать по фэне</i>.</p>
<p><i>болт</i> (Р. ед. <i>болта́</i>; 3: 80) 1. ‘мутовка, мешалка для взбалтывания’ Курск. 2. ‘рыболовный снаряд — длинный шест с утолщением на конце, чтобы пугать рыб или раков, ботало’ Курск., Краснодар., Азовск., Волог. 4. <i>болты́ продавать</i> ‘говорить вздор, болтать’ Калуж.</p>	<p><i>бот</i> (Р. ед. <i>бота́</i>; 3: 127) 2. ‘длинная палка с конусообразным пустым внутри наконечником, ударом которого по воде вспугивают рыбу и загоняют в сети’ Арх., Волог., «от Шексны до Кубенского озера», Перм., Вят., Костром., Влад., Свердл., Оренб., Урал., Тюмен., Том., Кемер. и др. + Ворон., Кубан.</p>
<p><i>болта́ло</i> (3: 81) 2. ‘= <i>болт</i> (рыболовный снаряд)’ Олон.</p>	<p><i>бо́тало</i> (3: 129) 2. ‘= <i>болт</i> (рыболовный снаряд)’ Волог., Перм., Влад., Костром., Тамб., Свердл., Челяб., Тобол., Барнаул. 3. ‘колокольчик на шею корове или лошади’ Арх., Перм., Сев.-Двин., Волог., Новг. и др., широко в Сибири; ‘праздношатающийся’ Арх. 4. ‘болтун’ Перм., Вят., Новг., Влад., Свердл., широко в Сибири.</p>

<i>болт-</i>	<i>бот-</i>
—	Для сравнения: <i>бо́тать</i> ₂ (З: 131) ‘стучать, ударять, бить’ Арх., Олон., Перм., Вят., Твер., Яросл., Костром., Влад., Иван. и др., широко в Сибири + Ряз., Курск.
<i>колч-</i>	<i>коч-</i>
<i>колч</i> (Р. ед. <i>колча́</i>) ‘кочка, бугорок, поросший мхом или травой’ Ряз.; <i>ко́лча</i> ‘кочка’ (Слов. Акад. 1912), заболоченное место с кочками etc.’ Тамб.; <i>колчо́к</i> ‘то же, что <i>колч</i> ’ Ряз., <i>колчки́</i> ‘комья засохшей или замерзшей грязи на дороге’; <i>колчевáтый</i> ‘ухабистый, неровный, кочковатый’ Пск., Курск. (все — 14: 202) <i>колчено́гий</i> литературное	<i>коч</i> (Р. ед. <i>ко́ча</i>) ‘кочкарник, кочки’ Арх., Волог., Костром. (15: 122); <i>ко́ча</i> ‘кочка’ Волог., Яросл., Иван., Костром., Влад., Нижегород., Том., Краснояр. + Моск. (15: 122); <i>ко́чка</i> литературное, а в говорах в значениях ‘холмик’, ‘островок на реке’, ‘верблюжий горб’, ‘деревянный шар (в играх)’ — Арх., Волог., Новг., Киров., Влад., Сиб., Челяб., Чкал. (15: 133); <i>кочевáтый</i> ‘покрытый кочками, кочковатый’ Арх., Костром. (15: 123) <i>кочеру́кий</i> ‘криворукий’ Волог. (15: 127)

Совпадение значений в членах пары (иногда вплоть до деталей) столь же явное, как в примерах из первой таблицы. Общий характер диалектного соотношения между левой и правой колонкой совершенно такой же, как в первой таблице. Таким образом, всё говорит за то, что здесь отразился такой же переход *ол* > *о*, как и в первой группе примеров.

Но для *бо́тать*, *бот*, *бо́тало* это означает необходимость пересмотра их этимологии. Согласно Фасмеру (I: 200), это другая ступень чередования от др.-рус. *батати* ‘бить’. То же решение дает Аникин (4: 115): это из праслав **botati* (*se*) ‘ударять с шумом, стучать’. С другой стороны, *болтáть* Фасмер (I: 190) возводит к корню **bьlt-*, Аникин

(4: 35) — к праслав. **bьltati* ‘мутить, взбалтывать, мешать, бить по воде’. Ни эти авторы, ни цитируемые ими другие авторы нигде не обсуждают, даже в форме предположения, возможности фонетических изменений в этих корнях.

Вполне соглашаясь с такой реконструкцией исходных значений праслав. **botati* и **bьltati*, мы полагаем, однако, что приведенные в таблице значения у *бóтáть*₁, *бот*, *бóтáло* не могут быть просто вариантами семантического развития исходного **botati* (*se*) ‘ударять с шумом, стучать’, при котором они лишь случайно последовательно совпали с соответствующими значениями слов *болтáть*, *болт*, *болтáло*. Иначе говоря, у современного диалектного *бóтáть* два разных источника: **botati* ‘ударять’ (ныне группа значений *бóтáть*₂) и **bьltati* ‘взбалтывать’ (ныне группа значений *бóтáть*₁). То есть в части случаев современное *бот-* исконно, а в другой части оно восходит к *болт-*.

Существенно также следующее. Для *болтáть* имеются украинские, белорусские и польские соответствия. Но для корня *бот-* со значениями группы ‘взбалтывать’ нет соответствий за рамками русского языка, и, если не считать единичных отклонений, которые могут быть междиалектными заимствованиями, их нет и за рамками севернорусского наречия. Одно это уже служило бы достаточным основанием для предположения о том, что *бóтáть*₁ есть продукт некоторой северновеликорусской инновации.

Понятно, что между значениями группы ‘взбалтывать’ и группы ‘ударять’ есть немало точек соприкосновения, и ныне провести между ними четкую границу уже затруднительно. Поэтому *бóтáть* двух разных происхождений сейчас уже рассматривается диалектными словарями (и, видимо, справедливо) просто как очень многозначный глагол.

Для слова *кóчка* Фасмер (II: 358) никакой определенной этимологии не предлагает, ограничиваясь лишь указанием некоторых групп слов, с которыми в принципе *кóчка* могла бы оказаться в родстве. Слова *колч*, *колча* среди них не фигурируют.

Ценнейшим дополнительным источником сведений о диалектных вариантах слов являются русские фамилии. Материал фамилий нередко оказывается даже более показательным, чем прямые диалектологические записи, поскольку в составе фамилий диалектные варианты морфем сохраняются более беспрепятственно, чем в именах нарицательных. В самом деле, память о значении этих морфем в большинстве случаев уже утрачена, а для фамилий не требуется, чтобы их корни были понятны. Даже более того, носители фамилий часто очень охотно поддерживают тот вариант своей фамилии, который удаляет ее от обычного имени нарицательного, делает ее непрозрачной.

Так, в Интернете обнаруживаются фамилии со многими из диалектных вариантов корня, фигурирующих в наших таблицах. Прежде всего для нас представляют интерес крестьянин Пермской губернии *Потинин Косма Феодотович* (род. в 1795 г.) и современный музыкант *Дмитрий Поторацкий*; ср. фамилии *Полтинин* и *Полторацкий*. Далее, в переписной книге Соликамского уезда 1711 г. значится *Михайло Елисейев сын Вохвин*, т. е. сын Елисея по прозвищу *Вохва* — явно из *вохва*; ср. современную фамилию *Волхвин* (вероятно, сюда же и фамилия *Волвин*³).

Мы находим в Интернете также фамилию *Гобцев* наряду с *Голбцев*, аналогично *Котунов* и *Колтунов*, *Котынин* и *Колтынин*, *Додонов* и *Долдонов*, *Коматов* и *Колматов*, *Стобов* и *Столбов*, *Токачев* и *Толкачев*, *Постовалов* и *Полстовалов*, *Боталов* (*Баталов*) и *Болталов*, *Кочин* и *Колчин*.

Не вызывает сомнений, что такой же характер носят пары *Хомцев* и *Холмцев*⁴, *Жотиков* и *Жолтиков*, *Гостиков* и *Толстиков*, *Позунов*

---

³ Если это *Волвин* действительно из *Волхвин*, то можно предположительно связать с данной группой также слово *вова* ‘фантастическое существо, которым пугают детей, бука’ Волог. (СРНГ 4: 328), Арх. (АОС 4: 142).

⁴ Ср. фонетически совершенно сходную пару *Сонцев* и *Солнцев*. Написание *Сонцовъ* (или *Сонцевъ*) было вполне обычно, в частности для фамилии князей Сонцовых-Засекиных.

и *Ползунов*, *Хостинкин* и *Холстинкин*. Почти наверное таков же и ряд других подобных пар, например: *Кодунов* и *Колдунов*, *Хомов* и *Холмов*, *Добачевский* и *Долбачевский*, *Дожиков* и *Должиков*, *Дожников* и *Должников*, *Позиков* и *Ползиков*, *Поников* и *Полников*, *Мочунов* и *Молчунов*, *Мочанов* и *Молчанов*, *Гочанов* и *Голчанов* (от *голчать* ‘говорить, кричать’), *Копиков* и *Колпаков*, *Комаков* и *Колмаков* (от *колмак* ‘калмык’), *Бованов* и *Болванов*.

Вернемся теперь к вопросу о слове *сólнце*. Различие в литературном языке между *сólнце* [сónце] и *сólнечный*, *сólнышко* позволяет заключить, что по крайней мере одним из факторов, определивших утрату [л] в [сónце], было скопление согласных. Можно ли считать, что этот фактор был здесь единственным, т. е. что речь идет только об упрощении сложного сочетания *-лиць*?

Рассмотрим поведение сочетаний типа *-лСС-* в русском языке. Как следствие фонотактических свойств древнерусского языка в современном языке такие сочетания встречаются почти всегда лишь после *о*, *ё*, *е*. В общем случае такие сочетания фонетически вполне устойчивы, например: *столбцы*, *столбняк*, *вóлчье*, *волццы*, *волчки*, *толчки*, *щелчки*, *молчкóм*, *кóлтки*, *желтки*, *сболтнóуть*, *щёлкнóуть*, *толкнóуть*, *умóлкнóуть*, *умóлкший*, *неумóлчный*, *вóлгнóуть*, *вóлглый*, *жóлкнóуть*, *пóжбóлклый*, *пóлдник*, *помóлвка*, *безмóлвный*, *áлчныи*, *жéлчный*, *прилгнóуть*; *вóлжский*, *повóлжцы*, село *Хóлмцы* (Тверская область), фамилия *Хóлмцев*, *хóлмский* (от города Холм), *холмчáне* ‘жители города Холмск’ (Слов. жит. 1975: 249), *Чóлнский монастырь* (не говоря уже о более «легких» сочетаниях типа *лст*, *лзн*, *лжн*, *лхв*, ср. *толстый*, *холсты*, *поползновéние*, *дóлжный*, *волхвы* и т. п.).

Как видно из приведенных выше таблиц, в части говоров у некоторых слов такой структуры (т. е. с *-лСС-*) отмечаются варианты с утратой *л*; например, *вóлглый* имеет вариант *вóглый*, *гóлбчик* имеет вариант *гóбчик*. Но как видно из тех же таблиц, совершенно то же самое происходит и со словами с простым *-лС-*, т. е. наличия трехсогласного сочетания для этого не требуется. Из общих соображений следует, правда, полагать, что при скоплении согласных данный процесс должен был

реализоваться интенсивнее. К сожалению, имеющийся диалектный материал слишком ограничен для того, чтобы можно было непосредственно это выявить.

На фоне всех приведенных фактов уже не видно оснований для принципиального отделения слова *солнце* от остальной совокупности слов, где *ол* дало *о*. Коль скоро переход *ол* в *о* происходил также и при отсутствии скопления согласных, то нет никаких оснований считать, что именно в одном слове *солнце* единственным фактором изменения было упрощение трехслогового сочетания, а общий переход *ол* в *о* к нему отношения не имеет⁵.

Добавим к этому, что в старорусских памятниках имеется один бесспорный пример упрощения трехчленного сочетания вида *-лСС-*: *мóлка* из *мóлвка* ‘свидетельское показание’, ‘донос’, ср. *по азычной мóлкѣ* (Улож. 1649: 315), *по азычнымъ мóлкамъ* (там же: 312). По этой модели упрощение слова *сóлнце* должно было бы дать *сóлце*. Но реально получилось не *сóлце*, а *сóнце*, и это может служить дополнительным аргументом в пользу того, что в изменении этого слова участвовал также и переход *ол* в *о*.

Примечание. Небольшая часть носителей современного литературного языка и поныне произносит не [сóнце], а [сóлнце] или нечто промежуточное; ср. обсуждение этого вопроса в Интернете на «Лингвофоруме»⁶. Весьма показательно свидетельство одного из

---

⁵ Заметим, что у укр. *сóнце*, блр. *сóнца*, которые составляют прямую параллель к русскому [сóнце], *л* отсутствует также и в производных: укр. *сóняшний*, *сóнечко*, *сóненько*, блр. *сóнечны*, *сóнейка*. То есть картина здесь ничем не отличается от таких примеров, как укр. *мóва*, *мóвити*, блр. *мóва*, *мóвiць*.

⁶ См. <http://lingvoforum.net/index.php?topic=3087.0>. Заметим, что в этом обсуждении фигурировала также версия, что произношение [сóлнце] есть всего лишь результат влияния орфографии. Но в действительности это может быть так только у тех, кто овладел литературным произношением не с детства, а путем сознательного более позднего переучивания. Между тем в чис-

участников этого обсуждения: «...всегда по-русски выговаривал и выговариваю до сих пор [солнць] или, может, что-то типа [соьнць] или [соўнць]». Названы в точности те фонетические реализации, которые предполагаются в качестве промежуточных стадий всего процесса *ол* > *о* в целом.

Почему же из всего большого массива слов с сочетанием -лСС- именно у слова *со́лнце* вариант с утратой [л] смог закрепиться в литературном языке? Ответ, по-видимому, достаточно прост: у всех слов большого списка, приведенного выше, имеется исходное более простое слово, где сочетания -лСС- нет, например, *столб* и *столбец* для *столбцы́*, *молча́ть* для *неумо́лчный*, *Во́лга* для *во́лжский*; и это исходное слово активно поддерживает соответствующее звуковое сочетание в производных. А для *со́лнце* исходного более простого слова *солно в языке не было. (Заметим, что сходное объяснение действительно также для слова *ко́чка*: слова *колч*, *ко́лча* литературному языку чужды.)

Таким образом, наиболее сообразное со всем массивом фактов объяснение истории слов *со́лнце* [со́нце], *со́лнечный*, *со́лнышко* (с более редкими вариантами *со́нечный*, *со́нышко*) состоит в том, что они попадали под действие диалектного перехода *ол* > *о*, которое при наличии трехслогового сочетания было более интенсивным, чем при его отсутствии. Диалектная севернорусская форма [со́нце] закрепилась прочнее всех прочих подобных в связи с отсутствием исходного *солно и стала общерусской.

С хронологической точки зрения начало перехода [ол] в закрытом слоге в [о] должно быть отнесено ко времени не позднее последней трети XIII в. (см. выше о грамоте № 707) и, с другой стороны, не ранее прояснения (а тем самым и падения) редуцированных (поскольку *ьл* должно было успеть перейти в *ол*).

ло тех, кто произносит [со́лнце], несомненно входят и такие люди, которые усвоили это произношение с детства.

В письменных памятниках переход *ол* в *о* отражается очень редко. Кроме приведенных выше примеров из берестяных грамот XIII и XIV вв. можно указать единичные примеры написания *сонце* начиная с XVI в. (см. НКРЯ). Особый интерес представляет отражение слова *солнце* в разговорнике Фенне 1607 года: *sonsa* 32.4, *sonsza* 388.1, наряду с *solnsa* 32.5/6/7, *szolnsa* 478.3, *solnszo* 31.11, *sonlsza* 238.6. Поскольку Фенне трудно подозревать в следовании за кириллической орфографией, эти данные естественно интерпретировать как свидетельство соответствующих колебаний в живом русском произношении.

Всего в предшествующем разборе выявлено 36 корней с *-олС-*, у которых в каких-либо словах или в фамилиях обнаруживается вариант без *л*. Из корней этой категории в лексике, взятой в объеме «Грамматического словаря» (Грамм.), 27 — это односложные корни с *-олС-* (не иноязычные), для которых не найдено вариантов без *л*, всего 9, причем половина из них — это просто корни редких слов (*оголтельный*, *колгота*, *колтки*, *полба*, *во́лна* ‘шерсть’). Таким образом, можно полагать, что данный переход мог охватывать в некоторых говорах почти всю совокупность слов с *-олС-* в корне.

Следует также отметить некоторую акцентологическую особенность рассматриваемого перехода: в части случаев переход [ол] > [ow] > [oo] > [ō] сопровождался перетяжкой ударения на это долгое [ō]: ср. *бо́та* при *болта́*, *ко́ча* при *колча́*, *мо́ва* при *молва́*, вариант *бо́тать* при *болта́ть*, вариант *бо́тало* при *болта́ло*. К сожалению, материал слишком ограничен для того, чтобы можно было в точности установить, при каких условиях эта перетяжка происходила и при каких отсутствовала.

В славянском мире эффект перехода *ол* в *о* хорошо известен в сербском языке, ср. серб. *по́* ‘пол, половина’, *на по́ пу́та* ‘на полпути’, *во́* ‘вол’, *го́* ‘голый’, *сто́* ‘стол’, *сто́ни* ‘столовый’, *со́ни* ‘соляной’, *бо́ни́к* ‘больной, пациент’ и т. п. Но предполагать в сходстве этого эффекта в сербском и в древненовгородском что-либо большее, чем параллельное развитие, нет оснований.

С типологической точки зрения исчезновение [л] после гласной в закрытом слоге (с некоторым изменением этой гласной или без него)

представляет собой вполне известное явление. Особенно последовательно оно реализовалось, например, в истории французского языка, ср. *cou* [ku] < *col* < *collum*, *pousse* [pus] < *pulsa*, *saute* [sot] < *salta* и множество других. В ряде случаев также в английском языке, например: [ha:f] < *half*, [ka:m] < *calm*, [t':k] < *talk*, [w':k] < *walk*, *would* [wud] < *wolde*, *should* [ʃud] < *sceolde*.

Таким образом, новгородская берестяная грамота № 1102 послужила стартовой точкой для выявления ранее неизвестной фонетической черты, существовавшей в части говоров древненовгородского диалекта, а также во многих северновеликорусских говорах.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007—. Вып. 1—.

АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980—. Вып. 1—.

Грамм. — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2003.

Мызников 2004 — Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

НовГОС — Новгородский областной словарь. Великий Новгород, 1992–2000. Вып. 1–13.

Образ. 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—. Л., 1967—.

РГБ — Российская государственная библиотека, Москва.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.

Слов. Акад. 1912 — Словарь русского языка / составлен Вторым отделением Императорской Академии Наук... СПб., 1912. Т. 4; вып. 6 (Колпак–Концепция).

Слов. жит. 1975 — Словарь названий жителей СССР. М., 1975.

Соболевский 1907 — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л. (СПб.); 1965–.

Улож. 1649 — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.

Фасмер I–IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.

Фенне 1609 — *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian* (Pskov, 1607). Copenhagen, 1970. Vol. 2. Ссылки даются на страницы оригинала.

A. A. Zaliznyak

«Lukerya's effect»: the [ol] > [o] transition in the history of Russian

The article describes a previously unknown phonetic feature of Old Novgorod dialect — transition of [ol] to [o] in closed syllables. Twice attested by the birchbark letter № 1102, this feature, as it turned out, is also reflected by other birchbark documents in which it has not so far been identified. The analysis of dialectal data shows that [ol] > [o] transition in closed syllables was not limited to the dialect of Old Novgorod but took place in many North Russian dialects as well.

Keywords: Old Novgorod dialect, birchbark documents, North Russian dialects, phonetics.

ЛЮБОР КРАЛИК

(Институт языкознания им. Л. Штура
Словацкой академии наук, Братислава)

**СВЯЗАНО ЛИ СЛОВАЦ. ДИАЛ.
POŠÁDEŠ, POŠÁDES, POŠAJDES
С РУС. ПОСАД ‘ОБРЯД САЖАНИЯ
НА ПОЧЕТНОЕ МЕСТО НА СВАДЬБЕ’?***

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.8

1. В своей монографии «Брак и свадьба в славянской народной культуре» А. В. Гура подробно анализирует и *posad*, т. е. «обряд сажания невесты, жениха или обоих молодых на почетное место на свадьбе, представляющий собой реликт нецерковного заключения брака. Обряд включает сведение, соединение жениха с невестой, ритуалы с волосами, переменной прически и головного убора, круговой обход, ритуальные действия с хлебом или зерном, застолье и одаривание молодых. Он сопровождается исполнением песен, посвященных судьбе новобрачных. Посад приурочен к собственно свадьбе, реже — к обручению и кануну свадьбы» (Гура 2012: 437), причем автор дает и ареальную характеристику указанного обряда в славянском контексте: «Под таким названием обряд распространен главным образом в Белоруссии и в северных и центральных областях Украины, известен также в южной и западной России и в Польше (прежде всего на Холмщине и в Подлясье) и имеет южнославянские параллели» (там же)¹. В этой свя-

---

* Статья написана при поддержке Научного грантового агентства Министерства образования, науки, исследовательской деятельности и спорта Словацкой Республики и Словацкой академии наук (VEGA; проект № 2/0136/16).

¹ См. также отдельную авторскую статью на эту тему (Гура 2013).

зи А. В. Гура высказывает также интересное предположение о том, что «[к] *посаду*, по всей вероятности, восходит и центральнословацкое название свадебного хлеба *posádeš*, который невеста приносила из своего дома в дом жениха, где происходила *zavíjačka* — обряд перемены ей прически и головного убора» (там же: 438–439)².

В более поздней статье, посвященной *посаду* (Гура 2013), автор — ссылаясь на дальнейшие источники по словацкой диалектологии и этнографии — существенным образом расширяет анализируемый им словацкий лексический материал. По данным, собранным А. В. Гурой, словац. диал. *posádeš* (с вариантами *posadeš*, *pošádes*, *pošajdes*, *pošajd'es*) «распространено в говорах южной части центральной Словакии» (там же: 291), причем автор дает для него следующие значения: 1. 'свадебный хлеб, приносимый невестой из родительского дома в дом жениха, где происходил обряд перемены ей прически и головного убора', 2. 'хлебные изделия и другие продукты и напитки, которые приносят с собой в подарок на свадьбу приглашенные гости накануне бракосочетания', 3. 'хлебные изделия, которые старший сват дает гостям (новой родне) с собой в конце свадьбы после дележа и раздачи свадебного караваля (*radostníka*), накануне перемены невесте прически и головного убора', 4. 'хлебные изделия и иногда другие кушанья и напитки, даваемые всем гостям с собой в конце свадьбы' (по наблюдениям автора, самое распространенное значение), 5. 'хлебные изделия и выпивка, раздаваемые посторонним холостым парням, которые в конце свадьбы приходят с тортом и подкрашенной водой под видом водки', 6. 'хлебные изделия как подарок гостям с пиршества', 7. 'деньги на водку', 8. 'застолье, угощение, на котором подавалось молоко или пахта', 9. 'подарки, даваемые с собой участникам крестин', 10. 'угощение (хлебные изделия, творожники, сухофрукты, яблоки, се-

---

² Словац. диал. *posádeš* в упомянутом значении, приведенное автором, зафиксировано в с. Золна (теперь административный район г. Зволен) в ходе сбора материала по свадебной терминологии, организованного в 1942 г. «Матичей словацкой» при помощи вопросника; см. SS: 303.

мечки) в качестве вознаграждения для колядников', 11. 'мясо, мясные изделия, раздаваемые родным и соседям (помощникам) после убоя скотины', 12. 'вознаграждение для помощников в сборе винограда и других плодов' (там же: 291–292)³.

В связи с семантикой словацкого диалектизма А. В. Гура пишет: «Множественно повторяющийся здесь мотив наделения, одаривания является тем семантическим звеном, который [которое. — Л. К.] связывает в свадебном комплексе, с одной стороны, ритуальную функцию наделения участников новой долей, реализуемую при дележе свадебного хлеба, а с другой — *posag* как приданое, которым родители наделяют невесту. Для словацкого *posádeša* существенно то, что это прежде всего свадебный хлеб и что его обрядовое использование бывает связано с обрядом перемены невесте головного убора. Оба этих момента релевантны в символике *posad* как обряда бракосочетания» (там же: 292).

Автор указывает и на то, что словацкий этимолог Ш. Ондруш связывал словац. диал. *posádeš* «с семантикой бракосочетания (Ondruš 1976: 266–267), реконструируемой у праславянского *posagъ и зафиксированной в др.-рус. *posagъ*, хотя, думается, логичнее было бы и по форме связывать *posádeš* со свадебным термином *posad*» (там же: 291). Напомним, что Ш. Ондруш реконструировал для указанного словацкого диалектизма исходное значение 'подарок со свадьбы' (Ondruš 1976: 263): согласно его интерпретации, слово первоначально обозначало

---

³ Добавим, что наиболее ранняя известная нам фиксация слова (в значении 'подарок с застолья') — в тексте пьесы «Райнога, разбойничий предводитель» («Rajnoha, zbojnícky hajtnan») словацкого римско-католического священника Штефана Петруша (1783–1831), написанной в 1823 г. Хотя слово приведено уже у Ф. Ш. Котта (Kott, s. v. *pošajdes*: «Slov.», т. е. словацкое) и М. Калала (Kálal 1923: 509, s. v. *pošádes, pošajdes*), в этимологическом словаре В. Махека (Machek 1957) соответствующая статья отсутствует. Судя по указателю лексем к «Собранию сочинений Вацлава Махека» (SSVM 2: 2244), этот словацкий диалектизм не привлек к себе внимания автора.

свадебное печенье, раздаваемое жителям данной местности участниками свадебной процессии; возникло оно якобы из радостного крика **posag je dnes* ‘сегодня свадьба’, которым могло сопровождаться торжественное шествие. Таким образом, Ш. Ондруш предполагал и для словацкого языка существование лексемы **posag*⁴, представляющей собой рефлекс праслав. **posagъ* в значении ‘бракосочетание, свадьба’ (ср. др.-рус. *посагъ*, рус. диал. *посаг(а)* ‘то же’ и др. — Гура 2012: 440, 793–794; Гура 2013: 288–289);⁵ по Ш. Ондрушу, после выхода слова **posag* (не зафиксированного в словацком языке) из употребления и замещения его другими названиями свадьбы словосочетание **posag je dnes* стало немотивированным и этимологически непрозрачным, что

⁴ Форма **posag*, приведенная Ш. Ондрушем, отражает состояние в словацком языке после падения редуцированных (X в.), но еще до перехода $g > \gamma > h$ (XII в.), в результате которого ожидалось бы возникновение формы **posah*.

⁵ К этимологии слова см. также ESJS 11: 685, s. v. *posagъ*. Указывая на семантику бракосочетания у слав. **posagъ*, А. В. Гура (2012: 794; 2013: 288) ссылается и на словац. диал. *prisaha* ‘венчание’. Однако это слово, несомненно, идентично словац. литер. *prisaha* ‘торжественное подтверждение правдивости чего-нибудь или произнесение обещания с отсылкой к чему-то святому’ (SSJ 3: 589, там и пример *prisaha pri sobaši* ‘клятва при венчании’), восходящему — как и ст.-слав. *присага*, рус. *присяга* и др. — к слав. **prisęga* как deverбативу (nomen actionis) от **pri-segti*, от корня **seg-* (ср. рус. *сягать*, словац. *siahať* ‘то же’ и др.), см. Фасмер III: 367, s. v. *присяга, присягати*; Machek 1957: 438, s. v. *sahati* — с указанием на практику прикосновения к культовому и т. п. предмету при клятвенном заверении; ср., наконец, сходную трактовку словацкого диалектизма у самого А. В. Гуры (2012: 456): «Названия церковного венчания связаны с клятвенным обещанием, обетом, присягой...»; (там же: 781): «наименования обручения... и венчания... со значением клятвенного обещания» — в обоих местах приведено и словац. диал. *prisaha, prisaha*. К семантическому развитию ‘присяга, клятва’ > ‘венчание’: ср. также венг. *esküszik* ‘schwören; sich trauen lassen’, как и связанное с ним *esküvő* ‘Hochzeit’ (EWU 1: 334).

и способствовало дальнейшим нерегулярным преобразованиям его формы (*posádeš, pošádes, pošajdes*⁶; Ondruš 1976: 266)⁷.

2. Соотнесение словац. диал. *posádeš* с рус. *посад*, слав. **posadъ* (< **posaditi*, ср. рус. *посадить*, словац. *posadiť* 'то же') — несомненно, ценный импульс для размышлений об этимологической характеристике словацкого выражения. Если, однако, ограничиться констатацией взаимосвязи указанных лексем, то мы остаемся на уровне так называемой корневой этимологии, в то время как цельнолексемная этимологизация слова требует также адекватного объяснения словообразовательной структуры словац. диал. *posádeš*, т. е. интерпретации конечного сегмента *-eš*.

Выделение здесь деривационного суффикса **-ešъ*, образующего прежде всего личные имена типа **Milešъ, *Dobrešъ* как сокращенные формы имен **Miloslavъ, *Dobroslavъ*, а в апеллятивной лексике появляющегося «в порядке исключения (*wyjątkowo*)» (SP 1: 77, с указанием на праслав. **lemešъ* 'лемех'; см. об этой лексеме также ЭССЯ 14: 108–110), не представляется нам убедительным.

---

⁶ По мнению А. В. Гуры, фонетические варианты словац. диал. *posádeš* (см. выше) несут на себе, «возможно, отпечаток венгерского влияния» (Гура 2013: 291). Ср. также венг. диал. *posajdesz* 'остаток сладкого печенья' (ÚMT 4: 568), известное в этнографическом регионе Баркошаг (венг. *Barkóság*) на стыке исторических областей Гемер, Новоград, Боршод и Хевеш, т. е. в пограничной зоне современной южной центральной Словакии и Венгрии.

⁷ Согласно Ш. Ондрушу, **posagъ* послужило также основой для деривата *posag-man* (sic! Ondruš 1976: 266), якобы сохранившегося — с далеко идущими нерегулярными преобразованиями — в словац. диал. *bosman, bosvan, bosťaj* 'плетеный пирог' (см. также: SSN 1: 147), словен. *bosman*, серб.-хорв. диал. *bosman* 'фигурный свадебный пирог' и рус. *босман* 'хлеб, приготовляемый для царского двора', *басман* 'дворцовый или казенный хлеб'. О русских словах см. теперь — с обзором литературы — РЭС 2: 251–252, s. v. *басман*; РЭС 4: 105, s. v. *босман*, где этимологическая реконструкция Ш. Ондруша справедливо отвергается («неприемлемо»; РЭС 4: 105), причем попытки соотнесения русских и инославянских слов считаются сомнительными.

Более перспективна, может быть, реконструкция **posádež*, предполагающая фонетическую реализацию слова с конечным [-š] (закономерное оглушение звонкого *ž* в финальной позиции) и последующее обобщение формы *posádeš* в целой парадигме данного существительного (т. е. **posádež* [-š], род. пад. ед. ч. **posádeža* > *posádeš*, род. пад. ед. ч. *posádeša*, и т. д.). В таком случае **posádež* (> *posádeš*), вероятно, помен actionis (**‘посадка’*) от **posaditi*, образованное при помощи продуктивного суффикса **-ežь* (SP 1: 69–70); ср. существительные типа словац. *krádež* ‘кража’, *lúpež* ‘грабеж’, рус. *делёж*, *платёж*, *чертёж* и т. п. *Posádeš* в значении ‘свадебный хлеб’ могло возникнуть в результате универбации словосочетания **posádešný chlieb* ‘связанный с «посадкой» (на почетное место) хлеб’ и т. п.; к предполагаемому семантическому изменению ср. случаи универбации типа словац. *bulvár* ‘бульвар’ > *bulvárna tlač* ‘бульварно-массовая печать, желтая пресса’ > разг. *bulvár* ‘то же’, рус. *декрет* ‘постановление и т. п.’ > *декретный отпуск* ‘отпуск по беременности и родам’ > разг. *декрет* ‘то же’ и т. п.

3. Хотя авторы упомянутых интерпретаций (Ш. Ондруш, А. В. Гурпа) указанного словацкого диалектизма пытаются объяснить его на более широком славянском фоне, — из чего, несомненно, следует естественное заключение о древности словацкой лексемы⁸ и ее реликтовом характере в словацком языке, — мы все-таки считаем целесообразным вернуться к немецкой этимологии слова, предложенной Р. Рудольфом (Rudolf 1991).

Согласно Р. Рудольфу, словац. диал. *pošajdes* — приводимое им только в значении ‘подарок гостю от убоя свиньи’⁹ — заимствовано

⁸ Ср. утверждения, вслед за Ш. Ондрушем, о том, что слово «следует отнести к древнейшим названиям подарков со свадьбы» (Nižnanský 2007a: 148), или о его «очень древнем (starobylý, starodávny)» характере («nazývali starobylym názvom pošajdes», там же: 145; «starodávne pošajdes, pošádes», Nižnanský 2007b: 243).

⁹ «Gastgeschenk vom Schweineschlachten». В качестве источника словацкого диалектизма Р. Рудольф ссылается на словарь Й. Орловского (Orlovský 1982: 255), содержащий статью *pošajd'es*. Близкая форма (*pošajdes*) исполь-

из н.-в.-нем. *Bescheidessen*, зафиксированного также в цитированных автором источниках по лексике немецких говоров региона Спиш в современной восточной Словакии (*ibid.*: 116).¹⁰

В словаре братьев Гримм (DWB, s. v. *bescheidessen*) значение немецкого слова определяется как 'что присылают соседям с застолья, особенно от убитой дома свиньи, и затем также то, что гости откладывают в сторону и в корзине или на тарелке присылают или приносят домой своим близким, чтобы они как будто разделили с ними компанию, поели после всех'¹¹. По данным DWB, нем. *Bescheidessen* зафиксировано уже в словаре «*Vocabularius teutonicus*» (1482 г.): «*beschaidessen, euxenia*». «Немецкий юридический словарь» (DRW, s. v. *Bescheidessen*) и «Ранненововерхненемецкий словарь» (FWB, s. v. *bescheidessen*) дают для слова более общую семантизацию, не указывая уже на конкретный повод для застолья или угощения: 'пища или дегустационная проба, доставляемая отсутствующим лицам, обладающим правом на потребление определенного блюда'¹² (DRW), 'часть еды, отдаваемая гостям для их друзей, соседей и родственников'¹³ (FWB).

Нем. *Bescheidessen* — в словообразовательном плане *Bescheid-essen*, т. е. сложное существительное, вторую часть которого составляет нем. *Essen* 'еда, пища; блюдо'. По данным «Немецкого юриди-

---

зована и в качестве «стандартизованного» заголовка соответствующей словарной статьи в академическом «Словаре словацких диалектов», где одновременно указывается и на существование формальных вариантов *posádeš, pošádes* (см. SSN 2: 1028).

¹⁰ В словаре С. М. Неверклы (Newerkla 2011) слово не объясняется.

¹¹ «*was man den nachbarn von einem schmause, namentlich von einem ins haus geschlachteten schweine zuschickt, dann auch was gäste bei seite legen und in einem korb, auf einem teller den ihrigen nach haus senden oder bringen, damit sie gleichsam bescheid thun, nachessen*».

¹² «*Essen bzw. Kostprobe, das den am Genuß einer Mahlzeit berechtigten Abwesenden geliefert wird*».

¹³ «*Teil der Mahlzeit, der Gästen für Freunde, Nachbarn, Angehörige mitgegeben wird*».

ческого словаря», первый компонент слова — нем. *Bescheid* в значении ‘IX. взвешенная по старинному обычаю порция мяса, которую призванный гость после торжественного застолья не должен забыть унести домой членам своей семьи, оставшимся дома’¹⁴ (см. DRW, s. v. *Bescheid* — со ссылкой на баварского этнографа XIX в. Хартвига Пеэтца (Hartwig Peetz)). «Ранненововерхненемецкий словарь» указывает в связи с нем. *Bescheidessen* на глагол *bescheiden* в значении ‘наделять, выделять, предоставлять, признавать, (судом) присуждать’¹⁵ (см. FWB, s. vv.). Оба выражения — *Bescheid* и *bescheiden* — принадлежат к словообразовательному гнезду нем. *scheiden* (др.-в.-нем. *sceidan*, ср.-в.-нем. *scheiden*) ‘разделять, отделять’.

4. В дальнейшем мы рассмотрим соотношение словац. диал. *pošajdes* и т. п. с предполагаемым немецким источником.

4.1. Семантический аспект. Судя по семантизации нем. *Bescheidessen* в словаре братьев Grimm (см. выше), можно, видимо, сделать заключение, что словац. *pošajdes* и т. п. было заимствовано из немецкого языка именно в значении ‘подарок с угощения после убоя свиньи’¹⁶, причем другие диалектные значения слова могли развиваться уже на словацкой почве. На фоне данных «Немецкого юридического словаря» и «Ранненововерхненемецкого словаря» (см. выше) такая гипотеза, однако, представляется слишком упрощающей; вполне возможно, что нем. *Bescheidessen* вошло в словацкий язык как более общее обозначение подарков с разного рода застолий, угощений и т. п. Собранный А. В. Гурой словацкий диалектный материал свидетельствует одновременно о том, что, вероятно, в словацком языке имел место инте-

¹⁴ «Den *bescheit* nennt man jene herkömmlich abgewogene Portion Rohfleisch, welche der Geladene nach vollendetem Ehrenmahle seinen zu Haus verbliebenen Familienmitgliedern mit heim zu tragen nicht verabsäumen darf».

¹⁵ «jm. etw. zuweisen, zuteilen, (gerichtlich) zusprechen, zuerkennen».

¹⁶ Именно такое значение дается и в «Словаре словацких диалектов» (SSN 2: 1028). В обзоре семантики слова, составленном А. В. Гурой (см. выше), оно соответствует значению № 11, при толковании которого, однако, автором использовано более общее понятие «скотина».

ресный семантический сдвиг — 'подарок, получаемый участниками застолья и т. п.' > *'подарок, связанный с застольем' > 'подарок, приносимый его гостями'.

4.2. Формальный аспект. Наличие в словацком языке формы *pošajdes* с глухим *p-* (т. е. не *bošajdes со звонким *b-*, как ожидалось бы, исходя из состояния в современном немецком литературном языке) можно объяснить тем, что источником словацкого диалектизма стали, несомненно, немецкие диалекты с глухой реализацией ненапряженных (в смысле фонологической оппозиции напряженный/ненапряженный, *fortis/lenis*) согласных *b, d, g, z, ʒ*¹⁷ — ср. в этом отношении варианты формы типа нем. литер. *bedienen* 'прислуживать, обслуживать': словацк. диал. *bedínovat'* и *pedínovat'* 'то же', нем. литер. *Bergmeister* 'magister montium': устар. словацк. *bergmajster* и *pergmajster* 'член муниципального совета, управляющий горными предприятиями' и т. п.

Р. Рудольф обращает внимание на то, что в немецких говорах зоны с. Нитрянске-Правно (нем. *Deutschproben*; район Прьевидза) и Нижнего Спиша префикс *be-* имеет фонетическую реализацию [po-], которая «перешла в словацкий язык» («*po-*, das ins Sl[owa]k[ische] überging», Rudolf 1991: 315), причем в качестве примера он приводит именно заимствование н.-в.-нем. *Bescheidessen* > словацк. *pošádes* (там же). Представляется, однако, возможным и предположение, что в других частях словацкой языковой территории начальное *po-* в диал. *pošajdes* и т. д. может быть рефлексом нем. *be-* с фонетической реализацией [рэ-], т. е. с неопределенным гласным *ə* в безударной позиции, причем здесь могли сыграть немаловажную роль и процессы так называемой народной этимологии — в данном случае нельзя исключить попытку этимологической реинтерпретации непрозрачного заимствования в словацком языке путем «выделения» в нем домашнего префикса *po-* (праслав. **po-*).

Вариантность *pošajdes/pošádes* объяснима в контексте фонетических особенностей немецких диалектов, послуживших источником

---

¹⁷ ʒ [ж] — запись по международному фонетическому алфавиту (IPA).

для заимствования. Как мы указали выше, нем. *Bescheidessen* восходит к нем. *scheiden* (др.-в.-нем. *sceidan*, ср.-в.-нем. *scheiden*) ‘разделять, отделять’; на основе этого можно сделать вывод, что *aj* и *á* в словац. диал. *pošajdes/pošádes* отражают разные немецкие диалектные рефлексy ср.-в.-нем. *ei*. *Pošajdes* заимствовано из диалектов с переходом ср.-в.-нем. *ei* > *ai* (так и в немецком литературном языке), в то время как источником для *pošádes* стали баварские диалекты с развитием ср.-в.-нем. *ei* > *ā* (см., с дальнейшей литературой, Rudolf 1991: 310), — ср. также старшее нем. литер. *reiten* (ср.-в.-нем. *reiten*) ‘платить, выплачивать, определять количество, считать’: словац. *rátat* ‘считать’, нем. литер. *Beize* (ср.-в.-нем. *beize*) ‘протрава, травильный раствор’: словац. разг. *pác* ‘рассол (для обработки мяса)’, нем. литер. *Teil* (ср.-в.-нем. *teil*) ‘часть, доля’: устар. словац. *tál* ‘часть; наследственная доля’ и т. п.

Конечное *-es* в словац. *pošajdes, pošádes* — по всей вероятности, результат упрощения **-esn* (сегмент чуждый словацкому языку) < нем. *-essen* [-esh]. В связи с этим можно сделать вывод, что на основе формы *pošádes* возникла — в результате нерегулярной метатезы сибиллянтов (*š-s* > *s-š*), происшедшей уже на словацкой почве, — и форма *posádeš*; таким образом, сегмент *-sád-* в словац. диал. *posádeš* не восходит к слав. **sad-iti*.

Об иноязычном происхождении указанного словацкого диалектизма свидетельствует, наконец, и твердый согласный *d* в словацких формах *pošajdes, pošádes, posádeš*. Мягкий консонант *d'* в вариантах *pošajd'es, posad'eš* — результат развития *de* > *d'e*, т. е. позиционного смягчения согласного *d* перед гласным переднего ряда, известного в части слов иноязычного происхождения (с твердым *d* в языках-источниках; см. Stanislav 1967: 593–594) и связанного с их формальной адаптацией в словацком языке, в той или иной мере соблюдающей закономерности словацкой фонетической комбинаторики.

5. Заключение. Наличие надежного иноязычного слова-источника в виде нем. *Bescheidessen*, к которому можно возвести отдельные фор-

мальные варианты указанного словацкого диалектизма [*pošajdes*¹⁸ (с вторичным смягчением *pošajd'es*) и *pošádes* как основа для возникновения секундарной формы *pošádeš (posad'eš)*], свидетельствует о лексическом заимствовании — видимо, относительно позднего времени. Поэтому поиски истоков этого словацкого германизма в сфере славянской свадебной обрядности (несмотря на употребление — как следует из вышесказанного, вторичное, а не изначальное, — данного слова в ее контексте), как и вытекающий из них вывод о древнем, реликтовом характере этой лексемы в словацком языке, не представляются убедительными. Одновременно подтверждается важность адекватной этимологической интерпретации слова для этнолингвистических и культурологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Гура 2012 — Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012.

Гура 2013 — Гура А. В. Посад в славянском свадебном обряде (ритуал и терминология) // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Н. И. Толстого / отв. ред. С. М. Толстая. М., 2013. С. 287–296.

РЭС — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–.

Фасмер I–IV — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2-ое, стереотипное. М., 1986–1987.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–.

DRW — Deutsches Rechtswörterbuch. URL: <http://www.deutsches-rechtswörterbuch.de/>.

DWB — Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm auf CD-ROM und im Internet. URL: <http://dwb.uni-trier.de/de>.

ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Sešity 1–19. Praha (Brno), 1989–2018.

---

¹⁸ Эта форма, видимо, заимствована и в венг. диал. *posajdesz* 'остаток сладкого печенья' (см. выше).

EWU — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Bd. 1–3. Budapest, 1993–1997.

FWB — Frühneuhochdeutsches Wörterbuch. URL: <https://fwb-online.de/>.

Kálal 1923 — *Kálal M.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. (Slovensko-český diferenciálny.) Banská Bystrica, 1923.

Kott — Česko-německý slovník Fr. Št. Kotta. URL: <http://kott.ujc.cas.cz/>.

Machek 1957 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Newerkla 2011 — *Newerkla S. M.* Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen. 2., durchgehend überarbeitete und aktualisierte Aufl. Frankfurt am Main etc., 2011.

Nižnanský 2007a — *Nižnanský J. R.* Ľudové názvy svadobných jedál a nápojov // *Tradícia v slove, slovo v tradícii* (Inšpiratívny J. R. Nižnanský) / zost. L. Dvornická, M. Smatana. Bratislava, 2007. S. 144–149.

Nižnanský 2007b — *Nižnanský J. R.* Výslužka v slove a v košíku // *Tradícia v slove, slovo v tradícii* (Inšpiratívny J. R. Nižnanský) / zost. L. Dvornická, M. Smatana. Bratislava, 2007. S. 242–245.

Ondruš 1976 — *Ondruš Š.* Slovenské nárečové slová *bosman, pošajdes* a staroslovienske *posagb* // *Slovenská reč*. Bratislava, 1976. Roč. 41. Č. 5. S. 262–269.

Orlovský 1982 — *Orlovský J.* Gemerský nárečový slovník. Martin, 1982.

Rudolf 1991 — *Rudolf R.* Die deutschen Lehn- und Fremdwörter in der slowakischen Sprache. Wien, 1991.

SP — Słownik prasłowiański. Kraków etc. T. 1–8. 1974–2001.

SS — Slovenské svadby. Z dotazníkovej akcie Matice slovenskej 1942 / zost. M. Leščák. Bratislava, 1996.

SSJ — Slovník slovenského jazyka. Zv. 1–6. Bratislava, 1959–1968.

SSN — Slovník slovenských nárečí. Zv. 1–2. Bratislava, 1994–2006.

SSVM — Sebrané spisy Václava Machka. D. 1–2. Praha, 2011.

Stanislav 1967 — *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie. 3., doplnené vyd. Bratislava, 1967.

ÚMT — Új magyar tájszótár. Kötetek 1–5. Budapest, 1979–2010.

Lubor Králik

Is Slovak dialectal *posádeš, pošádes, pošajdes* related etymologically to Russian *posad* ‘ritual of seating on an honorary place during the wedding feast’?

The article discusses Slovak dialectal *posádeš, pošádes, pošajdes* (denoting various gifts mostly in form of food, especially baked goods, related to traditional weddings and/or other festive occasions) which has been recently compared etymologically with Russian *posad* ‘ritual of seating on an honorary place during the wedding feast’ (deverbative of Slavonic *saditi*, perf. *po-saditi* ‘to seat down’; cf. Gura 2012, 2013). The author makes an attempt to develop the hypothesis, according to which the lexeme is autochthonous to Slovak; nevertheless, he prefers the explanation presented by Rudolf (1991: loanword from German *Bescheidessen* ‘food from a feast sent to neighbours, given to guests as a gift for their relatives who did not take part in the celebration, etc.’) which he elaborates and compares with the Slovak dialectal material.

Key-words: Traditional folk culture (wedding, feasts, gifts). Slovak language. Etymology. Loanwords from German. Slovak dialectal *posádeš, pošádes, pošajdes*. German *Bescheidessen*.

Е. Л. БЕРЕЗОВИЧ, О. Д. СУРИКОВА
(Уральский федеральный университет, Екатеринбург)

НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ В РУССКИХ ПРОКЛЯТИЯХ*

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.9

Проклятия — «словесные формулы, содержащие пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица» (Виноградова, Седакова 2009: 286), — как правило, имеют устойчивую смысловую структуру и содержат несколько типичных актантов. К ним относятся: объект негативного воздействия (проклинаемый); предикат — действие, несущее вред проклинаемому; топос — отдаленное или опасное место, куда должен отправиться проклинаемый; актор — существо, предмет, явление, которое, по мысли говорящего, должно причинить вред проклинаемому; время, в которое или на протяжении которого должно исполниться проклятие. Подробно о смысловой структуре проклятий (см. Березович, Сурикова 2018: 91–92). Отдельным компонентам этой структуры мы посвятили цикл статей, где подробно охарактеризованы предикат проклятий (Березович, Сурикова 2017а), пространственные и временные маркеры (Березович, Сурикова 2017б), актор проклятий (Березович, Сурикова 2018).

С точки зрения лексической реализации наиболее разнообразна категория актора. Семантические типы лексики, называющей исполнителей вредоносных действий в русских злопожеланиях, с большей или меньшей степенью подробности описывались в работах (Козельская 2004: 105–133; Чередник 2006: 19–73; Березович, Сурикова 2018: 93–94). Смысловую позицию актора могут занимать обозначения смерти и ее атрибутов, опасных животных, природных стихий, инородцев, агро-

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект № 17–18–01351).

жающих орудий, инструментов и др. При этом чаще всего в роли вредоносного актора проклятий выступают болезни и представители нечистой силы: об этом свидетельствуют не только наши собственные наблюдения, но и данные, полученные В. А. Чередник (2006), И. В. Козельской (2004), Л. Н. Виноградовой (2005).

В настоящей статье осуществляется семантико-мотивационная реконструкция **наименований** одного из этих самых востребованных акторов — **болезней**. Берутся только те наименования, которые закреплены в узусе (т. е. фиксируются помимо текстов проклятий)¹. Материалом для статьи послужили формулы злопожеланий (проклятий и отсылов), извлеченные из диалектных словарей русского языка (как сводных, в том числе (СРНГ), так и региональных) и неопубликованных полевых источников (в первую очередь из картотеки «Словаря говоров Русского Севера» (КСГРС) и лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета (ЛКТЭ)).

Помимо очевидных причин широкого использования названий болезней в текстах проклятий (страшные симптомы и последствия болезни, иррациональность ее природы для наивного сознания) есть и менее явные: болезни нередко подвергаются антропоморфизации, наделяются свойствами деятельного субъекта, что определяет их способность стать акторами проклятий; во многих случаях образы болезни «сливаются» с образами демонов — несомненно, первых претендентов на роль источника зла (об этом явлении будет кратко сказано ниже, а подробно — в нашей следующей работе); болезни оказываются адресатами различных жанров вербальной магии — не только проклятий, но и медицинских заговоров, а также кратких приговоров, которые произносятся с целью удаления болезни из человека (ср. укр. *Щоб покинула*

---

¹ Таким образом, не учитываются так называемые квазиакторы, не встречающиеся вне текстов проклятий как самостоятельные номинативные факты (о них см. Березович, Сурикова 2018: 95), хотя некоторые из них могут квалифицироваться как наименования симптомов болезней (ср., к примеру, яросл. *Шать те дери*, где *шать*, вероятно, — окказиональная номинация головокращения (там же: 97)).

мене *тётуха* — Усачева 2008: 278), что способствует накоплению арсенала магических формул и межжанровому обмену этими формулами.

Важно определить, наименования каких болезней оказываются востребованы в проклятиях. Можно предположить, что отбор наименований во многом отражает народную аксиологию (которая трактует болезнь как ценность отрицательного порядка), а логика такого отбора позволяет понять, какие недуги считаются наиболее «злостными», «постыдными» и пр. Кроме того, отбор наименований болезней должен согласовываться и с особенностями проклятий как речевого жанра.

Известно, что народные наименования недугов не подчиняются сколь бы то ни было строгим классификациям. Как указывает историк русской народной медицины Г. И. Попов, «группировка болезней и самые их названия получают в высшей степени неопределенный и общий характер, очень часто обнимая собой заболевания по своему существу совершенно разнородные» (Попов 2010: 193). Он приводит варианты таких классификаций, созданные «изнутри» — самими носителями традиции: скажем, болезни делятся на *смертные* и *несмертные*; те, которые бывают *с простуды*, *натуги* и *привязные*, *напускные* (далее подразделяемые на *простые* и *рассыпные*, *уездные* и *заграничные*); происходят *от притки* и зависят *от глаза* etc. (там же: 193–194). Разного рода группировки болезней осуществлялись теми исследователями, которые занимались лечебными заговорами и этнолингвистическими описаниями народной медицины², а также собственно диалектной лексикой, называющей болезни³.

---

² Ср., например, следующее подразделение, принятое составителями «Полесских заговоров»: детская бессонница; сухоты; знос; испуг; порча; кровотечение; кожные болезни; вывих и удар; болезни глаз; эпилепсия; зубная боль; лихорадка; грыжа; золотник и болезни живота; разное (ветер, колтун, икота и др.) (ПЗ: 44–357). Тематическая подача данных, связанных с отдельными болезнями, предпринята и в этнографическом описании народной медицины (на белорусском материале) (НМ).

³ Ср. различные группировки наименований недугов, составленные, к примеру, на основе лексики костромских, тамбовских, пермских говоров,

Мы не ставим перед собой цель дать исчерпывающую классификацию (пусть и нестрогую) тех обозначений недугов, которые встречаются в проклятиях. Наша задача, как уже говорилось, состоит в том, чтобы охарактеризовать логику расстановки акцентов, определяющих востребованность (частотность) одних наименований и раритетность (или вообще отсутствие) других.

Народная диагностика болезней опирается «почти исключительно на их симптомы и отчасти те причины, которыми, с точки зрения крестьян, обуславливается их происхождение» (Попов 2010: 193). Это обстоятельство дополняет и уточняет изложенные выше соображения относительно причин выбора болезней на роль самых востребованных акторов проклятий. С одной стороны, для проклинающего субъекта важно, чтоб его посыл имел мгновенное, а не отложенное следствие, вредоносное для адресата. На роль такого следствия хорошо подходят видимые симптомы болезней. С другой стороны, в текст проклятия с необходимостью вводится указание на причину, «инициатора» (и способ провоцирования) несчастий, поскольку такое указание способствует устрашению адресата (а причина часто выбирается сверхъестественная, иррациональная, что усиливает эффект устрашения). Потребность в подобном указании тоже хорошо удовлетворяется обозначениями болезненных симптомов (и действий, благодаря которым они появляются), ибо для них, как было сказано выше, народное сознание привыкло находить «анамнез».

Итак, какие недуги упоминаются в проклятиях?

а также Карелии и сопредельных областей, в: Ганцовская 1999; Дмитриева 2012; Лоскутова 2010; Поздеева 2005. Некоторые варианты группировки есть и в тематических словарях (см., например: Кошкарева 1997). Имеются и специализированные тематические словари по народной медицине: описаны, к примеру, полесские говоры (ПЛНМ). К сожалению, по русским говорам такого словаря, кажется, нет.

Любая болезнь, болезнь вообще

Поскольку болезни часто воспринимаются недифференцированно, выделяется группа текстов, где фигурирует **любая болезнь, болезнь вообще**, называемая словами с корнями *бол-*, *хвороб-*, *хил-*, например: вят. *Бóлесь бы его (тебя) взяла* (ОСВГ 1: 87), костр. *Подь ты на болесь* (ЛКТЭ), яросл. *Ну те к болятку́* (ЯОС 2: 14), волгогр. *Забодай кого-л. болячка* (СДГВО: 50), краснаяр. *Хвороба тебя бери (бодай, дери, забери, задери)* (СРГЦРКК 5: 56), сиб. *На те хиль!* (ФСРГС: 210), где диал. *хиль* — ‘хворь, болезнь, немочь, недуг’ (Даль IV: 564). Отмечаются также глаголы с генерализованной «болезненной» семантикой: арх., иркут., том. *Кабы (чтоб) тебя со́скало* (СРНГ 40: 45), где перм., арх., иркут., том. *со́скать* ‘одолеть, привести к смерти (недугом, болезнью)’ (там же); смол. *Чтоб тебе струпéхнуть* (СРНГ 42: 50), где *strupéхнуть* — ‘испортиться, сгнить’ (смол., новг.): *Он весь струпех: пролежни и язвы по всему телу* (смол.) (там же)⁴; смол. *Чтоб ты стрях!* (там же: 70), где *стряхнуть* ‘стать трухлявым; сгнить, истлеть’ (смол.) (там же). Наконец, сюда же можно условно отнести проклятие, где упоминается сильное и сто щ е н и е, могущее наступить вследствие самых разных заболеваний: смол. *Чтоб тебя так стень сухой сушил!* (СРНГ 41: 137), где *стень (стинь)* — ‘болезнь, проявляющаяся в сильном истощении, при остановке роста (обычно о детях)’ (смол., енис., иркут., новосиб.) (там же)⁵.

⁴ Вероятно, этот глагол происходит от *strupérxнуть* пск., твер. ‘стать трухлявым (о дереве)’, новг. ‘испортиться, сгнить (о продуктах)’, пск. *strupérxить* ‘сгнить’, ср. также пск., твер. *strupérxлый* ‘испортившийся, тухлый, разлагающийся’, которое, в свою очередь, можно рассматривать как результат контаминации продолжений **strupь* (ср. *strup*, а также *strupéть* ‘покрываться струпами’ (Фасмер III: 784), и **рѣх-/рѣх-/прох-* (ср. *парша, паршивый, перхоть* и др.)).

⁵ Как полагает А. Ф. Журавлев, слово *стень* ‘сухотка’ «не только “со-звучно” существительному *стень* ‘тень’, но, вероятно, этимологически тождественно ему» (Журавлев 2005: 408).

Раны, нарывы, кожные болезни

Если говорить о названиях с более конкретной семантикой, то количественно лидируют **обозначения внешних ран, повреждений и кожных болезней** (а также **внутренних болезней, сказывающихся на состоянии кожных покровов**). В той выборке, которой мы располагаем, они составляют чуть меньше половины всех «видовых» наименований недугов. Это соответствует той картине, которая наблюдается в системно-языковой диалектной номинации болезней. К примеру, в исследовании Л. А. Дмитриевой, которая выполнила идеографическую классификацию названий болезней, отмеченных в говорах Карелии и сопредельных областей (Дмитриева 2012: 120–124), обозначения болезней кожных покровов занимают лидирующие позиции. Как отмечает В. А. Меркулова, занимавшаяся народной терминологией болезней в русских говорах, «даже беглый взгляд на простой перечень наименований позволяет увидеть исключительное богатство и подробный характер описания всех внешних повреждений и заболеваний кожи, тогда как все внутренние болезни описываются очень общо и неопределенно» (Меркулова 1969: 161).

Среди названий таких болезней см. обозначения *чирей*, *нарывов*, *язв* и *опухолей*, ср.: перм. *Запихай чирей в ботаны́ < экспр. задница >* (СРГСПК 1: 133), влг. *Поддай тебе господи, сватушке лукавому, три чирья, три вѣреда < нарыв, гнойник >* (СРНГ 4: 127); яросл. *Провал тебя (тя) возьми* (ЯОС 8: 96), где *провáл* — ‘чирей’ (яросл.) (СРНГ 32: 90); курск. *Нор тебя изныряй!* (СРНГ 21: 278), арх. *Норі́ца тебя (тя) возьми* (там же: 280), где *норі́ца* < *нор* — ‘язвина на теле, особенно глубокая, подкожная’ (без указ. м.) (Даль II: 1440–1441)⁶; смол. *Обва́л тебя (вас) возьми (обвали)* (ССГ 7: 108), где смол. *обва́л* — ‘опухоль на шее’ (СРНГ 21: 355), и т. п. Чирьи, язвы и т. п. нередко фигурируют в проклятиях, которые произносятся в ответ на

⁶ Об этих проклятиях в связи с различными значениями слов с корнем *нор-/ныр-* (‘место провала — омут, яма, подземный ход, нора, ухаб, выбоина’, ‘болезнь’ и др.) см. в: Топоров 2010: 205.

негативное **вербальное** воздействие, при этом обычно упоминаются соматические органы-«мишени», связанные с речевым аппаратом, — горло, язык, рот и др. (самый частотный общенародный вариант таких проклятий — *Типун тебе на язык*): карел. *Завáл тебе в горло, Завáл тебе сядь, Завáл те съешь* (СРГК 2: 90; СРНГ 9: 291)⁷; олон. *Чирéй вам в рот* (Куликовский 1898: 133); сиб. *Язвина тебе в рот* (ФСРГС: 160); олон. *Желвák тебе в горло*, перм. *Желвák тебе в рот*, влг. *Жёлви тебе (те) в рот*, новг. *Жёлви сedy* (СРНГ 9: 102–103), арх. *Жёлви бы тебе сели* (СГРС 3: 348), влг. *Жёлви сели бы тебе на язык* (СВГ 2: 81), влг. *Жёлги бы тебе (ему) сели (село)*, влг. *Жёлги сedy*, влг. *Жёлги тебя*, влг. *Жёви тебя бы съели*⁸ и др. (СГРС 3: 347–349). Подробнее о формулах со значением *Типун тебе на язык* см. в: Березович 2007: 292–306. Собственно *типун* (и фонетические варианты) — тоже своеобразный «желвак» (первоначально на языке у куриц), ср. новг. *Кипу́н тебе на язык* (СРГК 2: 348), где новг. *кипу́н* ‘белый пузырь на языке’ (НОС 4: 42); омск., ср.-приирт. *Тип тебе, ему на язык* (СРНГ 44: 129), где *тип* ‘болезнь языка у птиц, гусей, кур в виде нароста на кончике языка, мешающая им клевать’ (яросл., твер., влг., олон., куйб.), ‘болезнь языка у лошадей’ (обл.), ‘прыщик на языке у человека’ (астрах., сарат., твер., смол., пск., олон.) (там же: 131) и др.

⁷ Ср. смол. *завáл* ‘желвак’, юж. *завáлка* ‘распухание подчелюстных железок’, ряз. ‘о болезнях горла, связанных с распуханием горла или железок’ (СРНГ 9: 291, 293).

⁸ Ср. *жёлви, жёлги* влг., вост. олон., север. ‘нарывы, волдыри, желваки’, влг., вост., новг., олон., север. ‘гипертрофированные железы на шее (обычно золотушного происхождения)’, влг. ‘распухшие железы’ и т. п. (СРНГ 9: 102–103; СГРС 3: 347–348). Базовой для форм типа *жёвьви, жёвви* и т. п. следует считать лексему *жёлви* с исходной семантикой ‘комок, бугорок, желвак’, восходящую к **žel-* (< и.-е. **ghel-*, который выступает в разных названиях шишек, желваков, камешков) с расширением *-й- >* у (Трубачев 1991: 116). Варьирование данной формы определяется как дестимологизацией, так и контаминационными процессами, например, аттракцией к *жевать*; подробнее см. в: Березович 2007: 296.

Значение «типун тебе на язык» имеют и проклятия, в которых фигурируют образования от слова *волос*: арх. *Волóсьи тебе в хайлó*, арх. *Волості (волосці) бы тебе* (СГРС 2: 156–159), арх. *Волоци бы тебе в рот* (АОС 5: 67) и др., ср. *вóлос* диал. шир. распр. ‘гнойное воспаление, язва, опухоль, нарыв’, олон. ‘болезнь волос, волость или волости, выражающаяся опухолью, краснотой или даже колотьем’, новг. ‘свищи, холодные нарывы с сильным отделением гноя’, диал. шир. распр. ‘гнойное воспаление тканей пальца около ногтя; ногтоед’ (СРНГ 5: 60). Эти повреждения вызываются, по поверьям, водяным червем *волосом (волосатиком)*, которое забирается под кожу людям и животным во время купания. Параллельно образованиям от слова *волос* выступают производные от *змея (змея)*, которые тоже обозначают вид нарыва — *к о с т о е д, н о г т о е д*: ср.-урал. *Змеёвцом бы вывертело в пасте-то* (СРГСУ 1: 194), пск. *Змееёд забери кого* (ПОС 13: 47), где *змееёд* — возможно, то же, что *змеевец* — ‘болезнь Pararitium, заболевание ногтей и конечных суставов ног и рук’ (томск., кемер., ср.-урал., енис., иркут., краснояр.) (СРНГ 11: 297), ср. в том же значении влг., ср.-урал., тобол., томск., иркут., читин., амур. *змеёвик*, томск. *змеёвица* и др. (там же: 298 и далее)⁹.

Встречаются также проклятия, в которых представлены обозначения *лишай, чесотки, сыпи*. Это весьма частые (в гигиенических условиях старой русской деревни) заболевания с наиболее выразительными внешними симптомами, которые оцениваются как «**низкие**», что тоже мотивирует появление их обозначений в проклятиях: новосиб. *Хвати кого лётна боль*¹⁰ (ФСРГС: 14); б. указ. м. *Чтоб те*

⁹ Лексемы *змеевец, змеевик* и др. называют также мифологического «провокатора» — водяного червя, который, по поверьям, забирается под кожу человеку или животному (аналогично *волосу*).

¹⁰ Ср. наименования недугов, производные от глагола *летать* (как правило, это обозначения инфекционных кожных болезней с сыпью): *летучий огонь* ‘гнойная сыпь на лице (обычно на губах, около носа)’ (арх., олон., ряз., казан., перм., тобол., иркут., амур.), ‘гангрена’ (калуж.), ‘чесотка’ (арх.), ‘лихорадка

восс села (СРНГ 5: 145), арх. *Васіха тебе на язык* (СГРС 2: 30)¹¹; орл. *О́гник на тебя* (СОГ 8: 78), где *о́гник* — ‘род сыпи (обычно на лице или губах)’ (орл., смол.), ‘сыпь на губах’ (смол., курск.), ‘гнойный нарыв, чирей’ (орл., смол., дон., краснодар.) ‘гнойные прыщи на подбородке и над верхней губой’ (дон., смол.) (СРНГ 22: 330). Образ огня фигурирует также в просторечном названии *гангрены* (заболевании внутреннем, но сопровождающемся **устрашающими** внешними проявлениями) — *антонов огонь*¹², которое отмечается в орловских проклятиях *Антонов огонь тебе в живот, Антонов огонь тебя съешь* (Козельская 2004: 209).

Проклятия не могли не коснуться недуга, который квалифицируется наивным сознанием как наиболее **унизительный**, — с и ф и л и с. Важно, что эта болезнь вела к разрыву социальных и имущественных связей (с сифилитиками нередко прекращали всяческие отношения — Попов 2010: 148–149), что можно квалифицировать как не менее страшное наказание, чем собственно болезнь. Постыдный статус болезни отражен в ее эвфемистических обозначениях — яросл., нижегор. *дурная боль, скорбь*, ряз., яросл., влад., дон. *дурная* ‘венерическая

с налетами на губах’ (свердл., ср.-урал.), *летуча оспа* ‘оспа-ветрянка’ (перм.), *летучка* ‘оспа-ветрянка’ (иван.), ‘оспа’ (забайк.), ‘сыпь, струнья’ (самар., нижегор.), ‘покраснения на коже’ (нижегор.), *летячка* ‘сыпь, прыщи на губах’ (влад.) (СРНГ 17: 26–27).

¹¹ Ср. арх., влад., ворон., иркут., калуж., курск. *воссá*, влг. *во́сса*, свердл. *васся́, вощя́* ‘болезнь кожи, сопровождающаяся зудом (лишай, экзема, чесотка)’ (СРНГ 5: 145–146; СГРС 2: 188; СРГСУ 1: 67), *вощá* ‘упорный, иногда гнойный лишай, накожная язва на людях и на скоте’ (Даль I: 252) и др. Формы такого рода восходят к *obsъca — от *obsъcati ‘обмочить’; с точки зрения мотивации следует учесть свойства реалии (мокнущий гнойный лишай) (Меркулова 1972: 156), подробнее см. в: Березович 2007: 294.

¹² В названии, представляющем собой кальку выражения в западноевропейских языках, отражено имя св. Антония, считавшегося покровителем жертв эрготизма (признаком которого является гангрена), поскольку лечением таких больных занимался орден антонитов.

болезнь, сифилис' (СРНГ 8: 270). Номинация такого рода отражена в проклятии: *Чтоб тебе дурная нос отъела* (орл.) (Козельская 2004: 238). В нескольких бранных формулах выступают номинации сифилиса, фиксирующие представления о его «французском» происхождении¹³: калуж. *Хранцуз тя огложи!* (СРНГ 22: 318), смол. *Прáнец (прáнцы) тебя заточи (ешь)*, смол. *Чтоб тебя (его) пранцы ели (съели)* (СРНГ 31: 67–68). Во всех приведенных «сифилитических» проклятиях отличительной чертой болезни выступает способность «пожирать» человека (это характерно не только для сифилиса, но для него в первую очередь). Специфична группа вологодских текстов, где представлена форма *хранчи́ (хранцы́)*, родственная приведенным выше: *Хранчи́ (бы) тебе в горло (в горло тебе)*: «Когда разругаются человек с человеком: “Хранчи бы тебе в горло!” Худое слово такое», «“Хранчи тебе в горло!” — сказал неладно», *Хранцы тебе в горло*: «Хранцы тебе в горло, чтоб ты подавился», *Хранчи́ (тебе) в рот* (КСГРС). Эти формулы имеют значение «типун тебе на язык» — и *хранчи* обозначают здесь скорее не сифилис, а нарывы, язвы, сыпь и т. п., что совершенно закономерно: поскольку сифилис приводит к образованию язв, его названия могут распространяться на фурункулез, паршу, золотуху и пр.¹⁴ По всей видимости, закреплению формы на *х* способствовала не только «нелюбовь» русских говоров к начальному *ф*, но и созвучные *хран-*

¹³ Ср.: «Сифилису приписывается “французское происхождение” <...> и это объясняется <...> стереотипом француза как любителя любовных приключений и “вояки” (ср. жарг. *гусарский насморк* ‘сифилис’); кроме того, присущий болезни симптом “гнусавости” сопоставляется с типичным французским “прононсом”» (Березович, Кабакова 2015: 54). Этот вывод основан на номинациях типа простореч. *французская болезнь* ‘сифилис’, жарг. *парижский, французский насморк* ‘гонорея, или триппер’, влг. *францы́, хранцы́* ‘венерические язвы’, влг., юж. *хранц(ы)и, фрáнец*, олон. *фрянка, фрянки*, смол. *прáнец* ‘сифилис’ и др. (подробнее см. там же: 53–54).

¹⁴ Ср., например, арх. *фрянка* ‘нарыв, фурункул’: «Никак сбуть не могу фрянки, от англичанов стали» (СРГК 6: 691), юж., зап., орл. *прáнец* ‘сыпь, парша’ (СРНГ 31: 67), влг. *хранчи* ‘золотуха’ (КСГРС) и др.

цам звукоподражательные диалектные глаголы с начальным *хр-*, обозначающие хрип, харканье и т. п. действия, ассоциируемые с горлом и мешающие ему нормально функционировать¹⁵ (и, соответственно, включаемые в проклятия, которые являются ответом на негативные вербальные действия адресата).

В ряде проклятий упоминается *сиби́рка*: тамб. *Сибирка тебе сядь, Чтоб тебя сибирка заела, Сибирка тебе б заела, Хоть тебе б язва, сибирка съела, Чтоб тебя сибирка забрала бы, Чтоб тебе какая-нибудь сибирка забрала* (Лоскутова 2010: 176), морд. *Чтоб тебя (его, их) сибирка подхватила* (СРГМ). Если в общерусском просторечии *сибирка* — это *сибирская язва*, то в говорах под этим словом понимается несколько иное. К примеру, в материалах Д. Н. Лоскутовой, собиравшей целенаправленно тексты о сибирской язве в Тамбовской области, выделяется описание следующих симптомов *сибирки*: изменения кожных покровов, образование карбункулов, боли в желудке, температура, особое психическое состояние (Лоскутова 2010: 175, 330), кожные симптомы являются первостепенными, ср. тамб. *сиби́рка* ‘всякий нарыв, гнойное воспаление кожи с высокой температурой; карбункул’ (СРНГ 37: 265). Описанные проявления болезни включают симптоматику сибирской язвы, однако они гораздо шире — и в связи с *сибиркой* человек упоминается не реже (даже, возможно, чаще), чем животные. *Сибирке* приписывается особая «этиология» — по народным верованиям, она появляется от сглаза. Подробнее о семантике и мотивации этого слова см. в: Березович, Кривошапова 2011: 140–143.

Обозначение такой страшной болезни, как *проказа*, тоже должно быть упомянуто в обсуждаемой группе названий, поскольку самое яркое проявление проказы — «перерождение» кожных покровов: дон.

---

¹⁵ В результате дестимологизации слова *хранчи* проклятия, в которых оно встречается, могут включать упоминания не только органов речевого аппарата, но и с других органов-«мишеней», ср. влг. *Хранчи тебе в руки (в ноги, в голову* и т. п.) (КСГРС).

И крѣмский тебя выломай (СРНГ 15: 348), ср. дон. *крѣмская болезнь* ‘проказа’ (там же). Это название является калькой лат. *Lepra taurica*, отражающего представление о месте обнаружения одной из разновидностей заболевания.

Лихорадка

Следующая по частотности группа наименований болезней, встречающихся в проклятиях, обозначает разные виды **лихорадки (малярии)**. Лихорадка часто упоминается в проклятиях по причине как своей распространенности, так и демонологического «анамнеза», ей приписываемого, ср.: «Но в особенности демонологическая этиология болезней разработана народной фантазией по отношению к лихорадке, которая при равнинном и часто болотистом характере местности, избытке растительности в прежнее время и неизвестности хинина была настоящим бичом населения» (Попов 2010: 36).

Лихорадки считаются «сезонными» болезнями (весенней и осенней): арх. *Чтоб тебя вѣшница трясла!* (СРНГ 4: 224), где *вѣшница* ‘весенняя лихорадка, лихорадка’ (яроsl., новг., арх., перм., иркут., забайк.) (там же); пск. *Листопáдник побери* (СПП: 49), ср. новг. *лиstopáдина*, влад. *лиstopáдица*, олон. *лиstopáдка*, смол. *лиstopáдница* и др. ‘лихорадка’ (СРНГ 17: 68).

Ярчайший и самый выразительный внешне признак лихорадки — **тремор**: тамб., яроsl. *Трясу́чка тебя забери (истряси)*, курск., пск. *Тря́ца твоей матери*, южн., азерб. *Тря́ца́ тебе (тобе)*, смол. *Тря́ца тебе в бок*, курск. *Тря́ца тебя ухвати*, кубан. *Хай тебе тря́ца* (СРНГ 45: 199), перм. *Тресь побери* (там же: 60), перм. *Тресь (трѣсья) в глотку (в руки, на язык)* (ФСПГ: 373), влг. *Трѣсья на тебя* (КСГРС), пск. *Тря́хановы твои ноги* (СПП: 56), ср. перм. *тресь* ‘болезнь малярия’ (СРНГ 45: 60), без указания места *тря́стье*, беломор., мурман., влг., новг., тобол., иркут., забайк. *трясу́ница*, влг., арх., яроsl. *трясу́нья* ‘лихорадка’, *трясу́ха* ‘лихорадка, озноб’ (сев.-рус., ср.-рус., сиб., урал., кирг.), ‘болезнь малярия’ (новг.) и т. д. (там же: 196–197).

Эвфемистические названия лихорадки либо указывают на ее злостную, враждебную природу: вят. *Ворогúша бы тебе* (ОСВГ 1: 191), ворон. *Ну ж тебе на ворогúши* (СРНГ 5: 108), где *ворогúша* ‘лихорадка’ (диал. шир. распр.) (там же); вят. *Лихора́д бы тебе сел* (ОСВГ 5: 197), дон. *Лиходе́йка тебя побери* (СРНГ 27: 195), где *лиходе́йка* ‘лихорадка, малярия’ (ворон., дон.) (СРНГ 17: 78), тамб. *Лихора́дка (лихомáнка) тебя забери, Чтоб тебе лихомáнка взяла* (Лоскутова 2010: 185), — либо являются за да б р и в а ю щ и м и, поскольку болезнь обозначается производными от слов *кума* и *тетка*: новосиб., томск. *Кумоха́ тебя (его и т. п.) возьми* (ФСРГС: 100), влг. *Кумоха́ в зубы* (СРНГ 16: 86); смол. *Чтоб тебя тетю́ха трясла (тетю́хой трясло)* (СРНГ 44: 107), где *тетю́ха* — ‘болезнь малярия’ (орл., смол., брян., симб.), ‘дрожь (от холода, болезни и т. п.’ (смол.): *Озябла я сильно, тетю́ха начинает трясти* (там же).

В одном из проклятий встречается название лихорадки *кулюха́*: томск. *Кулюха́ тебя (его и т. п.) возьми* (ФСРГС: 100; СРНГ 16: 76); оно, вероятно, имеет мотивацию «та, которая “с к р у ч и в а е т”» и является образованием от праслав. **kul-* ‘гнуть, сгибать, скручивать’ (ЭССЯ 13: 97–100), ср. олон. *Какая у тебя тут кулю́ха?* = «Что у тебя тут завязано, завернуто?» (СРНГ 16: 76).

К «лихорадочной» группе следует приписать и названия недугов, производные от слова *огонь*, которые обозначают прежде всего такой симптом, как ж а р: тамб. *Огне́ва те сядь*, олон. *Огне́ва тя (тебя) разжигай* (СРНГ 22: 323)¹⁶.

С некоторой степенью условности припишем сюда же проклятия, в которых упоминается ч а х о т к а (лихорадка является одним из важнейших признаков этого заболевания): тамб. *Чтоб тебе чахотка заела (сьела)* (Лоскутова 2010: 124).

¹⁶ Ср. *огне́ва, огне́ва* сев., ср.-урал., сиб., перм., вят. ‘горячка, лихорадка’, влг. ‘тиф’, арх. ‘корь’, арх. ‘оспа’, без указ. м. ‘злой чирей’ (СРНГ 22: 323). Тот же разброс значений характерен для *огне́вицы* (там же: 324).

Наконец, следует упомянуть проклятие, в котором фигурирует слово *хали́па*: ср.-приирт. *Хали́па тебя (его) (задави)* (СРСГСП 3: 266). К этому выражению дается такой контекст: *Халипа наподобие болезни. Скот ране вымирал. Так и чичас ругаются: Халипа тебя! Халипа тебя задави, окаянный бес!* (там же). В соседней словарной статье дается выражение *хали́пы захватить* ‘заболеть’: *Ходил по лесу, остыл, однако, халипы захватил* (там же). Здесь *халипа — ‘болезнь в результате переохлаждения’, что позволяет рассматривать ее вместе с другими наименованиями лихорадок. Возможно, слово *халипа* связано по происхождению с такими лексемами, как *xáléná* калуж., зап., пск., новг., юж., орл. ‘зимняя непогода — дождь со снегом, мокрый снег’, тамб. ‘ненастная осенняя погода’, курск., новг. ‘метель, выюга’, пск. ‘холодная, дождливая погода’ → брян. ‘большая неприятность, беда’, моск. ‘падёж, гибель, моровое поветрие’, алт. *xálipa* ‘горе, нужда’ (СРНГ 49: 257, 259). В этом случае реализуется модель ‘непогода, слякоть’ → ‘болезнь’, экспликацию которой можно усматривать и для слова *хижа* (Меркулова 1969: 162), а также (предположительно) для лексем *сиверá* (см. далее в настоящей статье). Само слово *халипа* считается темным (ЭССЯ 8: 14), однако хочется поддержать одну из этимологических версий, предлагаемых там же: сложение экспрессивной приставки *ха-* и глагольного корня **lěp-/lip-*. Аргументом «за» эту версию служит наличие параллельного образования с вариантной по отношению к *ха-* приставкой *ша-*: к такому примеру, как прибалт. *шáлепа* ‘сырая погода с дождем или мокрым снегом, слякоть’ (там же), следует добавить еще влг. *шаленúха* ‘чаще множ. *шаленúхи* — большая снежинка’, ‘мокрый снег’, ‘простуда’ (КСГРС).

Острый болевой синдром

Еще одна группа названий болезненных проявлений состоит из обозначений **острого болевого синдрома**. Здесь вообще не идет речь о болезнях как таковых, а только о симптомах — резкой, колющей, «стреляющей», «жмущей» боли. В первую очередь это боль в спине,

пояснице, которую особенно часто испытывали крестьяне, поскольку она была результатом длительной работы в поле в наклон (см. об этом: Попов 2010: 26), различные рези, колики, невралгии etc. В этой группе преобладают существительные с прозрачной внутренней формой, образованные от глаголов *колоть*, *сечь*, *щипать* и др.: ряз. *Колотá тебя возьми*, калуж. *Колóтик тебе под живот*, тул. *Колóтик тебя расшиби*, калуж. *Колóтики под бок*, ряз. *Колóтье кому, с ними (тобой, вами и т. п.), тебя (тя) заколи!* (СРНГ 14: 178, 179, 190), ср. *колотá* ‘недомогание, боль, колотье в боку’ (калин.), *кóлоті* ‘колики, резь’ (моск.), *колóтище* ‘колотье, колющая боль’ (курск.) и др. (там же: 178–181); ср.-урал. *Секун тебя засеки* (ДЭИС), ср. иркут. *секун* ‘боль в пояснице’ (СРНГ 37: 128); перм. *Щепотá (щепотіице) в глаза (в шары, в руки, на язык, в хайло)* (ФСПГ: 420), где перм. *щепота* ‘боль, щемота, ломота, костогрыз’ (Даль IV: 678), ср. также арх. *щипóта* ‘болезнь колика, напускаемая, по убеждению суеверов, волшебниками путем порчи’ (Подвысоцкий 1885: 166) и т. п.

Самые многочисленные проклятия этой группы включают в себя слова разных частей речи с корнем *стрел-*: кемер. *Стрель те возьми*, пенз. *Стрельный ты бы раскол* (СРНГ 41: 321, 323)¹⁷, елец. *Расстрел тебя расстреляй* (СРНГ 34: 231), забайк. *Чтоб тебя сухострел подхватил* (СРНГ 43: 24), р. Урал *Пострелить те в сердце-то* (СРНГ 37: 190), вят., влг., калуж., тамб., ворон., терск., кубан. *Пострел бы те взял*, оренб., уфим. *Пострел (его, тебя, тебе и т. п.) возьми, убей, пострели* и т. д., уфим., самар. *Пострелом положь, положило бы (его, вас и т. п.)*, моск. *Стрели (его, тебя и т. п.) пострелом* (СРНГ 30: 237), новосиб. *Стрели тебя в утробу* (ФСРГС: 192), тобол. *Чтоб те стрелило*, свердл. *О бы те стрелило*, урал. *Стрелить те в зенки-то*, перм. *Стреляй те в пятки* (СРНГ 41: 317, 323) и др., ср. беломор. *стрель* ‘колющая боль, прострел’, без указания места *стрельбá*

¹⁷ СРНГ (41: 323) содержит неверное толкование *стрельного*: ‘бес, дьявол’ — на основании единственного контекста (бранной формулы). Очевидно, речь должна идти только о семантике болезни.

‘резкая колющая боль в какой-л. части тела’, сев., вост., арх., тобол. *стрéлить* ‘об острой, стреляющей боли’ (там же: 317, 321), *пострél* ‘кровоизлияние в мозг, удар, паралич’ (влг., перм., р. Урал, дон.), ‘боль в пояснице, прострел’ (новг.) (СРНГ 30: 237), *расстрél* ‘острая боль, ломота’ (влад.), ‘хроническая невралгия, проявляющаяся в различных частях тела’ (новг.) (СРНГ 34: 231), забайк. *сухострél* ‘острые боли в животе’ (СРНГ 43: 24) и др. Здесь перед нами древнейший образ, который отражается в числе прочих во многих европейских языках, где насчитывается не менее 40 названий для болезни «выстрела» (Арнаутова 2004: 105); при этом «объяснение болезни “стрелами” альвов и других мифологических фигур можно рассматривать как фрагмент обширной группы архаических этиологических традиций, в основе которых лежит представление о “выстреле”, “стреле”, ударе, “уколе” и т. п., вызывающем внезапные заболевания и одновременно персонифицирующем болезнь» (там же)¹⁸.

Если разные наименования органов-«мишеней», упоминаемые в проклятиях этой группы, выступают обычно в предложной конструкции «в + сущ. вин. пад.» (реже «под + сущ. вин. пад.»), то слово *сердце*, помимо этого, может употребляться в любопытной грамматической позиции — в твор. пад. без предлога: олон. *Зажми ты сердцем* (СРНГ 10: 86), ср.-урал. *Изломай те сердцем* (БСРП: 603), влг. *Захвати ты сердцем* (КСГРС), ср. олон. *сердцем захватило* ‘о боли в груди; о расстройстве и катаре желудка; о боли под ложечкой’ (СРНГ 37: 190).

Единственное встретившееся нам заимствованное наименование из этой группы фигурирует в бурят. *Хойн бы на тебя напал* (СРГС 5: 224), где *хойн* ‘ломота в плечах’ (бурят.) (там же) < *хуйн* ‘то же’ (вост.-сиб.) < бурят. *хуян(г)* ‘онемение, одеревенение (рук или ног)’, ‘невралгия’ (Аникин 2000: 626).

---

¹⁸ При всей архаичности «стрельных» болезней образ стрелы остается неизменно живым и актуальным. Он связывается не только с самой болезнью, но и со способами ее лечения (по законам симпатической магии). К примеру, и поныне у русского населения Мордовии фиксируется такой способ лечения, как прикалывание больного места стрелкой (Медведь 2017: 228).

Психические расстройства, потеря сознания

Заметное место среди наименований болезней, выступающих в проклятиях, занимают обозначения **психических и нервных недугов, потери и помутнения сознания**. Многие такие заболевания относились к категории постыдных, вели к социальной изоляции (Попов 2010: 416), а неадекватность поведения больных вселяла уверенность в их «одержимости бесами», что мотивирует появление соответствующей лексики в составе проклятий. В наибольшей степени это характерно для представлений об эпилепсии: во время ее припадков, которые всецело приписываются воздействию нечистой силы, человек считается обитателем иного мира (Усачева 2004: 611). Эвфемистические названия эпилепсии, встречающиеся в составе проклятий, образованы по типичным моделям (о них см.: Усачева 2004; Меркулова 1993): «своя, родимая болезнь» (смол., орл., ворон. *Родімец тебя (его и т. п.) возьми, выкати, забей* и т. д. (СРНГ 35: 133), смол. *Запéтай тебе сто родимцев* (СРНГ 10: 313), твер. *Сто тебе родимцев, тысяча тебе чертей* (РКЖБН 2004: 580), томск., ср.-обск. *Родімица его (тебя, ее и т. п.) уходи (возьми)* (СРНГ 35: 133)), «детская болезнь»: воронеж. *Ах ты, млад тебя расшиби, Молоденский тебя забери, А как бы тебя молоденская перекосила* (СРНГ 18: 221), где *молодénская* и др., *молодéнец* ‘болезнь, сопровождающаяся припадками; родимчик (обычно у младенцев и беременных женщин)’ (пск., смол., ряз.) (там же), «плохая болезнь»: перм. *Худобá понеси!* (СПГ 2: 514), где *худобá*, а также *худáя* — ‘падучая болезнь, эпилепсия’ (перм.) (там же). Среди названий эпилепсии есть и польское заимствование: смол. *Коли б тебе кадúк побрал* (СРНГ 12: 301), где влад., смол. *кадúк* ‘падучая болезнь, эпилепсия’ (там же) < польск. *kaduk* ‘эпилепсия’, далее к лат. *cadūcus* ‘дряхлый’ (Фасмер II: 157).

Выделяются и обозначения сумасшествия: смол. *Зáкрут тебя возьми* (СРНГ 10: 168), где смол. *зáкрут* ‘умопомешательство, сумасшествие’ ← ‘болезнь овец, сопровождающаяся головокружением’

(там же)¹⁹; онеж. *Чтоб тебя стюшило!* (СРНГ 42: 121), ср. перм. *стюшить* ‘сойти с ума’, тамб., тул., пенз. *стюшиться* ‘сойти с ума, одуреть’ (там же).

В эту группу входят и названия состояний, связанных с потерей сознания. Они «мгновенны», внезапны и напоминают смерть, потому представляют собой интерес для проклятий: орл. *Óморок (тебя) возьми!* (СРНГ 23: 204), где *óморок* ‘потеря сознания, обморок’ (курск., ряз., смол., калуж., терск., орл.) (там же), дон. *Будь (провались) он (ты) áмором!* (БТДК: 26), ср. дон. *падать áмором* ‘падать без чувств’ (там же). По мнению А. Е. Аникина, *áмором* *‘повергнув в обморочное состояние’ — застывший рефлекс праслав. *obmorъ (ср. смол. *обмор* ‘болезнь, недуг’ и пр.) (Аникин РЭС 1: 202).

Здесь же можно упомянуть проклятия, включающие обозначения паралича: волгогр. *Паралик кого-л. забери!* (СДГВО: 50), смол. *Прáлик тебя разбей (забей, прибей, пробей)* (ССГ 9: 7).

Слепота

К болезням, связанным с потерей сознания, примыкает утрата каких-либо каналов восприятия — в первую очередь зрительного, т. е. **слепота**: воронеж. *Чтоб тебе вы́слепило!* (СРНГ 6: 83), без указания места *Бей его туском* (СРНГ 45: 288), где *туск* — том., тобол., кемер., алт. ‘бельмо, а также помутневшие слои роговицы глаза’, перм. ‘пленка на глазу’, омск. ‘глазная болезнь катаракта’, новг., свердл., якут., сиб. ‘ухудшение, помутнение зрения’, амур. ‘боль в глазах’ (там же) (ср. *тусклый, тускнеть*).

¹⁹ В рамках модели ‘бешенство скота’ → ‘сумасшествие человека’ ср. еще случаи типа р. Урал *джибурлак* ‘болезнь овец «вертячка»’ и ‘*перен.* сумасшедший’, *джудра* ‘овод и его личинки, откладываемые под кожу животного и причиняющие ему страдания, от которых животное буйствует, забирается в воду’ и ‘*перен.* шумный экстаз (о человеке)’ (Малеча 1: 407–408) и пр.

Кишечные и желудочные заболевания

Еще одна группа названий болезней, фигурирующих в проклятиях, обозначает **кишечные и желудочные заболевания** (или желудочно-кишечные симптомы, сопровождающие недуги иной природы), тоже воспринимающиеся как постыдные, поскольку связаны с телесным низом и сопровождаются последствиями, которые обычно трудно скрыть от окружающих. Это, например, *п о н о с* (смол. *Чтоб тебе мыт пал!*, где *мыт* — ‘понос’ (СРНГ 19: 63), орл. *Чтоб тебя каламытка затрепала* (Козельская 2004: 238), ср. ворон. *каламытка ‘понос’* (СРНГ 12: 335)), *геморрой* (калуж. *Почечуй²⁰ табе сядь туды* (СРНГ 31: 11)), *рвота* (арх. *Рви вас кровью и жолучью* (АОС 14: 259)). Сюда же условно можно включить и *к о т у* (о т р ы ж к у): *забайк. Тулай тебя забери, Чтоб тебя тулай подхватил, Тулай тебя с чертями забери*, где *тулай* ‘икота, отрыжка’: *Тебе, друг, в гости ходить нельзя, тулай твой шибко далеко слышать* (СРНГ 45: 230). Желудочные симптомы отличают и такую страшную болезнь, как *х о л е р а*: омск. *Расхолера²¹ тебя* (СРНГ 34: 303).

Надсада

Отдельно следует выделить проклятия, в состав которых входят обозначения различных недугов, связанных с **надсадой**. Указанная группа невелика, но очень характерна для народной речи, поскольку здесь представлены названия болезненных состояний, возникающих вследствие непосильного физического труда, поднятия тяжестей etc. Это *надсада* как таковая: курск. *Чтоб ему (ей) пересáдой вышло* (СРНГ 26: 212), где *пересáда* — курск., арх. ‘чрезмерное напряжение, усилие, надсада’, курск. ‘кровь из носа от напряжения’, олон.,

²⁰ Для *почечуй* ‘геморрой’ одинаково возможными признаются реконструкции **почесуй* (< *чесать*) или **потечуй* (< *теку*) (Фасмер III: 347).

²¹ О продуктивности экспрессивных префиксов (особенно *раз-/рас-*) в проклятиях см. Березович, Сурикова 2017а.

арх., мурм., курск. ‘сильная усталость, изнеможение’, арх. ‘опущение внутренних органов брюшной полости от перенапряжения’ (там же), влг. *Чтоб ты пуп сдёрнул* (КСГРС), ср. влг., вят., перм. *пуп сдёрнуть* ‘надорваться от натуги’ (КСГРС; СРНГ 33: 127), а также грыжа: смол. *Грызь тебя ешь лихая, Грызь тебе в печенку (кишки, мясо)*, где *грызь* — ‘грыжа’ (ССГ 3: 82), костр. *Будь ты кiловат*²² (ЛКТЭ), сев.-вост. *Ах, будь ты киловата* (Зотов 2010: 54).

«Насланные» болезни

В завершение обзора названий болезней, встречающихся в проклятиях, рассмотрим обозначения недугов, мотивировка которых указывает на **мифический источник**, причину их появления. Характер недуга здесь не играет определяющей роли, главное в том, что он «наслан», «причинен» кем-то или чем-то (дурным глазом, чьим-то прикосновением, ветром и пр.). При этом очень показателен такой момент: несмотря на значительный разброс значений слов, называющих одну и ту же «причиненную» болезнь, в этих смысловых полях сделаны именно те акценты, которые мы выделили в ходе анализа описанных ранее тематических групп, — номинируются прежде всего кожные болезни, лихорадка, эпилепсия, внезапная острая боль. Следует оговориться, что данная группа выделена с некоторым нарушением логики: те болезни, которые рассматривались ранее, тоже могут быть «насланными». Однако в данном случае источник болезни отражен (прямо или косвенно) во внутренней форме ее наименования.

Такие проклятия как нельзя лучше отвечают задаче иррационального устрашения, о которой говорилось выше. Так, в южнорусских говорах отмечены выражения со словом *причина*: курск. *Причина тебя побей*, дон. *Пусть причина возьмет*, дон. *Да пусть к причинам идет* (СРНГ 32: 61). Внутренняя форма этого эвфемизма предельно обща:

---

²² Ср. простореч. *килá* ‘грыжа’, ‘вообще об опухоли в виде шишки’ (ССРЛЯ 5: 940).

«то, что “причинилось”», ср. дон. *причіна бьет (напала)* ‘лихорадит, знобит’, ‘о состоянии нервозности’, азерб., курск., олон., дон. *причіна взяла (бьет)* ‘о припадках эпилепсии’, дон. *причіна* ‘болезнь столбняк’ (там же).

Широким распространением характеризуются проклятия, включающие слово *прітка* (*прытка*): новг., вят. *Прітка б тебя (его) взяла*, ворон., тамб., смол., нижегор., новг., влг., калуж., влад. *Притка (прытка) тебя возьми, побери, подхвати, расхватай, подстрели*, новг. *Прітка с тобой (с ним)*, тамб., калуж. *Прітка тебе (тя) сядь*, твер. *Кабы тебе притка схватила*, горьк. *Пріткой бы тебяхватило* (СРНГ 32: 17–18), сиб. *Чтоб тебя притка задавила* (ФСРС: 153), дон. *Прытка б тебя (ее, их) с немочью ухватила* (СРНГ 32: 18), яросл. *Чтоб прыток тя взял* (там же). Внутренняя форма слова *прітка* (от *pritykati, *prityknoṭi ‘прикастаться, прикоснуться, дотронуться’) — ‘болезнь в результате прикосновения’ (Меркулова 1969: 165). *Прітка, прытка, прыток* — обозначение самых разных недугов, которые, по поверьям, вызваны порчей, сглазом: петерб. ‘болезнь, преимущественно женщин, возникающая от их дурного слова’, яросл., новг. ‘длительно не заживающие раны, ушибы (случившиеся будто бы от дурного глаза)’, новг., р. Урал, куйб., груз., влад., казаки-некрас. ‘падучая болезнь, эпилепсия’, курск., яросл., нижегор., калин. ‘истерика, болезнь с истерикой’, пенз. ‘болезнь родимчик’, влад., нижегор., казан., ульян. ‘болезненная ломота (в спине и других частях тела), обычно внезапная’, тамб. ‘чирей’, яросл. ‘сыпь’, самар. ‘опухоль лица’ и т. д. (СРНГ 32: 16–17). Как говорилось выше, при всем разнообразии перечня он во многом предопределен тем, что именно этот набор болезней чаще всего упоминается в проклятиях. Заметна и внезапность (в ряде случаев) «приточных» болезней, характеризующихся приступами, припадками, ср. вят. *прітка* ‘боль, болезнь, проявившаяся внезапно, припадок’: *С ним в автобусе случилась притка* (ОСВГ 9: 17). Интересно и петерб. *прітка* ‘болезнь, преимущественно женщин, возникающая от их дурного слова’: здесь фиксируется представление о том, что говорящему может «вернуться» его собственное недоброе пожелание, за которое «типун» может пора-

зять не только его язык, но и другие органы (см. подробнее: Березович 2007: 292–305). Следует отметить, что семантика слов *прѣтка* и *прѣтка* затрагивает не только сферу болезней — и в проклятиях могло отразиться, к примеру, значение ‘непредвиденное обстоятельство, неприятный и странный случай, напасть, несчастье’ (смол., ряз., влг., пенз., нижегор., вят., казан., симб., перм., оренб., свердл., тобол., сиб., яросл., влад.) (СРНГ 32: 17). Однако отделить значение ‘болезнь’ от значения ‘беда’ очень сложно; в пользу «болезненной» семантики *прѣток* в составе проклятий (всех или большинства) говорит то обстоятельство, что партнерами *прѣтки* выступают предикаты, характерные для наименований болезней (*сесть*, *подстрелить*, *взять* и др.), а также другие указания на болезнь (*немочь*).

Сходным образом ведет себя в проклятиях слово *призѳр*: амур., енис., иркут. *Призѳр тебя возьми* (СРНГ 31: 228), где *призѳр* — арх., печор., мурман., олон., амур., кирг., перм., ленингр., сиб., енис., иркут. ‘болезнь от дурного взгляда, порча’, в том числе амур., енис., иркут. ‘сыпь, прыщи, красные пятна на лице’, перм. ‘короста на голове’, арх., сиб. ‘детская сухотка — болезнь, ведущая к истощению организма, иссушающая тело детей’ (там же: 228–229)²³.

В число проклятий, где фигурируют названия болезней, имеющих сверхъестественную этиологию, следует включить омск. *Иди ты к вѣтрѣне* (ФСРС: 85). *Вѣтрѣна*, а также *вѣтрѣнка*, *вѣтрѣница* и др. — болезни, передающиеся, по поверьям, по ветру, ср. *вѣтрѣна* томск. ‘сибирская язва’, влад., томск. ‘воспаление легких’, амур. *ветрѣник* ‘болезнь лошадей’, влад., арх., новг. *вѣтрѣница* ‘ветренная оспа’, калуж. ‘грипп’, арх. ‘болезнь лица и рук от весеннего воздуха’, яросл.

---

²³ Возможно, в том же ряду, что проклятия со словами *призѳр* и *прѣтка*, следует рассматривать выражение со словом *урок*: влг. *Уроки на него* (СРНГ 47: 331). Семантический спектр слова *урок* включает в себя значение ‘болезнь, вызванная порчей, сглазом’ (сев.-рус., сиб., урал., поволж., амур.) (там же: 330–331). Смущает, что СРНГ (47: 331) помещает выражение *Уроки на него* в статью к значению *урѳк* ‘заговор’ и дает к этому выражению неясный комментарий ‘заговор против зевоты и бессонницы’.

вѣтрѣнка ‘болезнь — подкожные нарывы, причину которых крестьяне не объясняют, — «просто с ветру»’ и пр. (СРНГ 4: 199–201).

«Ветреную» мотивировку можно предложить и для вятских проклятий, включающих слово *сѣверá*: *Сиверы́ тебе, ему* (СРНГ 17: 269), *Сиверá тебя возьми, Сиверá в ад* <рот>, *Сиверá (сиверы́) (бы) тебе на язык* (ОСВГ 10: 86). Это слово означает разные болезни: ‘болезнь, недомогание’, ‘фурункул, нарыв’, ‘сифилис’²⁴ (СРНГ 17: 269; ОСВГ 10: 86). *Сѣверá* в этих значениях, по всей видимости, производна от *сиверá* ‘северный ветер’, которое фиксируется, в частности, на костромской территории, контактной с вятской (ЛКТЭ), ср. также вят. *сѣвер* (*сѣвер*) и др. ‘северный ветер; холодный сильный ветер’, ‘холод, мороз’, ‘плохая пасмурная погода’ (ОСВГ 10: 55). Связь «ветровых» и «болезненных» значений эксплицируется в вят. *сѣвериться* ‘испытывать озноб, ощущение холода (при недомогании)’ (там же: 56); такая связь проявляется и в приведенных выше примерах (*халепа, шалепуха, хижá*).

* * *

Итак, в составе проклятий фигурируют наименования следующих групп болезней: ■ любая болезнь, болезнь вообще; ■ внешние раны, повреждения и кожные болезни (а также внутренние болезни, сказывающиеся на состоянии кожи и покровов); ■ лихорадка; ■ острый болевой синдром; ■ психические и нервные недуги, потеря и помутнение сознания; ■ слепота; ■ кишечные и желудочные заболевания; ■ надсада; ■ «насланные» болезни. Разумеется, этот список не является полным и окончательным, он лишь помогает обнаружить некоторые закономерности, которые определяют появление обозначений недугов в формулах проклятий.

²⁴ В ОСВГ (10: 85–86) выделяется также значение ‘бранное слово — черт, леший’. Думается, что упоминание черта и лешего здесь некорректно, поскольку ни один из контекстов (к примеру, *Тожно ле я тебе баяла, сивера поганая, пошто лопотину-ту не оболок*) не дает оснований предполагать, что за словом *сивера* стоит демонологический персонаж.

Анализируя материал, мы стремились как указать эти закономерности, так и выявить мотивацию отдельных наименований болезней. В ряде случаев для вскрытия мотивировки требовалось учесть спектр значений слова (например, *халипа, халена* ‘непогода, слякоть’ → ‘болезнь’). Наиболее регулярные связи обнаруживаются между обозначениями болезней и нечистой силы. В некоторых случаях первичным оказывается имя болезни: так, слово *кадук* ‘эпилепсия’, фигурирующее в смол. *Коли б тебе кадук побрал*, имеет также значение ‘дьявол, злой дух’ (смол.) (СРНГ 12: 301). Возможно и обратное движение: скажем, слово *игрѣц*, выступающее в проклятиях типа курск., орл., тамб., тул., ряз., ворон., дон. *Игрѣц тебя возьми (избей, изломай, разломай и т. д.)* (там же: 70), изначально означает ‘нечистый или злой дух, бес; домовый’ (орл., курск., ворон., тул., тамб., пенз., дон.) (там же), но затем приобретает значения ‘истерический припадок, сопровождающийся криком’ (курск.), ‘паралич (ног или крестца)’ (дон., ряз.) (там же). В ряде случаев вектор семантической зависимости определить невозможно: названия нечистой силы и болезней образуют своеобразные семантические регистры (термин Н. И. Толстого), ср. моск. *Стрѣшник кого-л. расколоти: Ах вы, стрѣшник вас расколоти, овин-то спалили* (СРНГ 41: 336), где *стрѣшник* (< *встречник, «тот, кто встречается») — ‘болезнь внезапный паралич’ (новг., моск.), но и ‘нечистый дух, черт, насылающий болезни’ (там же), ср. яросл. *стрѣшный* ‘черт’, смол. *стрѣшные суроцы* (из заговора) ‘болезни, вызванные колдовством, порчей’ (там же: 337). О связях такого рода — с использованием ряда примеров из русской диалектной лексики (и упоминанием литературы вопроса) — писал А. Ф. Журавлев (2005: 698–700); в духе «широкой этнолингвистики» их комментировали Л. Н. Виноградова и Е. Е. Левкиевская (2016: 525) и другие исследователи, однако вопрос еще не закрыт. Важно выявить возможно более полный инвентарь таких случаев, что поможет этимологической интерпретации языкового материала и позволит представить «генезис» текстов проклятий. Эта проблема требует отдельного освещения, ей будет посвящена следующая наша работа из цикла статей о русских проклятиях.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин 2000 — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.

Аникин РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М., 1980–. Вып. 1–

Арнаутова 2004 — *Арнаутова Ю. Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века. СПб., 2004.

Березович 2007 — *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура. М., 2007.

Березович, Кабакова 2015 — *Березович Е. Л., Кабакова Г. И.* Россия и Франция: диалог языковых стереотипов // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 9–69.

Березович, Кривошапова 2011 — *Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А.* Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // Пространство и время в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М., 2011. С. 110–157.

Березович, Сурикова 2017а — *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия // *Jezikoslovní zapiski*. 2017. № 2 (23). S. 67–81.

Березович, Сурикова 2017б — *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* Пространственные и временные маркеры в текстах русских проклятий (на материале лексики народных говоров) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Т. 12. Диалектология / гл. ред. А. М. Молдован. М., 2017. С. 137–158.

Березович, Сурикова 2018 — *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111.

БСРП — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М., 2013.

БТДК — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Виноградова 2005 — *Виноградова Л. Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура / отв. ред. Т. Н. Свешникова. М., 2005. С. 425–440.

Виноградова, Левкиевская 2016 — Народная демонология Полесья: публ. текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М., 2016.

Виноградова, Седакова 2009 — *Виноградова Л. Н., Седакова И. А.* Проклятие // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 286–294.

Ганцовская 1999 — *Ганцовская Н. С.* Лексика медицинской тематики в текстовых записях пограничных костромских окающих и акающих говоров // Экология языка и речи. Слово в диалектном тексте. Слово IV: мат-лы науч.-практич. межвуз. лингвистич. конф. Тамбов, 1999. С. 66–69.

Даль I–IV — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1989).

Дмитриева 2012 — *Дмитриева Л. А.* Семантическое поле «Боль, болезнь» в говорах Русского Севера: семантический и мотивационный аспект: выпускная работа / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2012.

ДЭИС — Традиционная культура Урала: диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала (Электронный ресурс) / авт.-сост. О. В. Востриков, В. В. Липина, Свердловский областной Дом фольклора, кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ. Екатеринбург, 2009.

Журавлев 2005 — *Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.

Зотов 2010 — *Зотов Г. В.* Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А. А. Соколянского. Магадан, 2010.

Козельская 2004 — *Козельская И. В.* Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров: дис. ... канд. филол. наук / Орл. гос. ун-т. Орел, 2004.

Кошкарева 1997 — *Кошкарева А. М.* Материалы для областного словаря. Специальная лексика северных районов Тюменской области: в 4 ч. Ч. 3: Лексика народной медицины. Лексика кедрового промысла. Лексика сбора ягод и грибов. Лексика сенокосения и сеноуборки. Лексика прядения и ткачества. Нижневартовск, 1997.

КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Куликовский 1898 — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Лоскутова 2010 — *Лоскутова Д. Н.* Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области: дис. ... канд. филол. наук / Тамбов. гос. ун-т. Тамбов, 2010.

Малеча 1–4 — *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002–2003. Т. 1–4.

Медведь 2017 — *Медведь А. Н.* Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиции исторической антропологии. СПб., 2017.

Меркулова 1969 — *Меркулова В. А.* Народные названия болезней, I (на материале русского языка) // *Этимология. 1967* / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1969. С. 158–172.

Меркулова 1972 — *Меркулова В. А.* Народные названия болезней, II (на материале русского языка) // *Этимология. 1970* / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1972. С. 143–205.

Меркулова 1993 — *Меркулова В. А.* Из материалов по терминологии народной медицины (названия эпилепсии в русских говорах) // *Общеславянский лингвистический атлас. Исследования и материалы. 1988–1990* / отв. ред. В. В. Иванов. М., 1993. С. 174–180.

НМ — Народная медицина: ритуальна-магічна практика / уклад. Т. В. Валодзінай. Мінск, 2007.

НОС — Новгородский областной словарь: в 12 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров, 2004–2012. Т. 1–8.

ПЗ — Полесские заговоры в записях 1970–1990-х гг. / сост. Т. А. Агапкина, Е. Е. Левкиевская, А. Л. Топорков. М., 2003.

ПЛНМ — *Никончук М. В., Никончук О. М., Мойсієнко В. М.* Поліська лексика народної медицини та лікувальної магії. Житомир, 2001.

Подвысоцкий 1885 — *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Поздеева 2005 — *Поздеева С. М.* Лингвосомиотические связи в диалектной лексической системе (на материале экзистенциальной лексики пермских народных говоров): автореф. дис... канд. филол. наук / ПермГУ. Пермь, 2005.

Попов 2010 — *Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. Рязань, 2010.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб., 1967–. Вып. 1–.

РКЖБН — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии / сост. И. И. Шангина, Е. Л. Мадлевская. СПб., 2004.

СВГ — Словарь вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровой. Вологда, 1983–2007.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.

СДГВО — *Кудряшова Р. И., Брысина Е. В., Супрун В. И.* Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой, 2-е изд, перераб. и доп. Волгоград, 2011.

СОГ — Словарь орловских говоров / под ред. Т. В. Бахваловой. Ярославль; Орел, 1989–. Вып. 1–.

СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.

СПП — Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина СПб., 2001.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.

СРГМ — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия) / под ред. Р. В. Семенковой. Саранск, 1978–2006. Т. 1–8.

СРГС — Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.

СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011—. Вып. 1–.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964–1987. Т. 1–7.

СРГЦРКК — Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск, 2003–2011. Т. 1–5.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб., 1965—. Вып. 1–

СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск, 1992–1993. Ч. 1–3.

ССГ — Словарь смоленских говоров / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. А. Шахматова. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.

Топоров 2010 — *Топоров В. Н.* Балтийские и славянские данные о бобре в мифологической перспективе // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 4: Балтийские и славянские языки. Кн. 1. М., 2010. С. 185–240.

Трубачев 1991 — *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.

Усачева 2004 — *Усачева В. В.* Падучая // *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 611–616.

Усачева 2008 — *Усачева В. В.* Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008.

Фасмер I–IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. I–IV.

ФСРПГ — Фразеологический словарь пермских говоров / сост. К. Н. Прокошева. Пермь, 2002.

ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983.

Чередник 2006 — *Чередник В. А.* Вербальные формулы проклятий в русском языке: дипл. работа / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2006.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М., 1974–. Вып. 1–.

ЯОС — Ярославский областной словарь / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.

E. L. Berezovich, O. D. Surikova

Names of diseases in Russian imprecations

This article presents an analysis of names of diseases that appear in Russian imprecations. The disease is one of the most sought-after malicious characters (actors) of the imprecations; the constant recourse to this character in order to harm somebody is clear: many diseases are characterized by terrible symptoms and consequences; the nature of diseases is irrational for the naive consciousness; the ailments are often anthropomorphous, endowed with the properties of an active subject; in many cases, the images of diseases “merge” with the images of demons — the main contenders for the role of a source of evil; diseases are recipients of various genres of verbal magic, which contributes to the accumulation of an arsenal of magical formulas and inter-genre exchange of these formulas. The authors set out to determine what disease names are the most popular in the texts of imprecations and why. The analysis showed that the names of the following groups of diseases can be seen in Russian imprecations: any sickness, disease in general; external wounds, injuries and skin diseases (as well as internal diseases, affecting the condition of the skin); fever; acute pain syndrome; mental and nervous ailments, loss and clouding of consciousness; blindness; intestinal and stomach diseases; strain; “inflicted” diseases. The choice of these types of diseases is due to: a) expressiveness and disruptiveness of their symptoms; b) appraisal of these diseases as “low”, impure,

humiliating, associated with the untidiness of the addressee; c) prevalence of these diseases among the people; g) connection of these diseases with the demons, etc. In the study, the authors establish the origin of a number of names of diseases with unclear semantics, as well as classify the names of ailments in accordance with their motivational characteristics.

Key-words: Russian dialect vocabulary, imprecations, semantic reconstruction, etymology, verbal magic, linguistic pragmatics, folk medicine, names of diseases.

ДАЙНЮС РАЗАУСКАС

(Институт литовской литературы и фольклора, Вильнюс)

**ВЕДИЙСКИЙ «СОКРУШИТЕЛЬ КРЕПОСТЕЙ»
И ЕГО БАЛТИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ:
В ПОДТВЕРЖДЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ
ПРИРОДЫ ОБРАЗА**

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.10

В «Ригведе» громовержец Индра часто проявляет себя в роли сокрушителя, разрушителя, «проломителя» крепостей или городов и имеет соответствующий характерный эпитет, вед. *purāmdarā-*. Так, в переводе Т. Я. Елизаренковой¹:

«Тебя, безмерного, возбудило великое вдохновение: / Тут ты и убиваешь врагов, о проламыватель крепости (*purāmdarāḥ*)!» (I.102.7.в–г).

Индра вместе с Агни: «О два проламывателя крепостей (*púramdarā*), одарите (нас), о вы с ваджрой в руках!» (I.109.8.а).

«Этот Индра, убийца Вритры, проламыватель крепостей, взорвал (крепости) / Дасов, черным чреватых (*sá vṛtrahéndraḥ kṛṣṇāyoṇīḥ purāmdaró dāsīr airayad vi*)» (II.20.7.а–б)².

«Индра, повелевающий всеми силами мужества, / Заполнил обе половины вселенной (своим) величием, / (Он,) проламыватель крепостей (*purāmdaró*), убийца Вритры, с отважным войском» (III.54.15.а–в).

«Проломитель крепостей (*purāmdarāḥ*) Индра, испив его [сому], / Вернул некоторых из красноватых коров» (V.30.11.в–г).

---

¹ Русский перевод «Ригведы» Т. Я. Елизаренковой цитируется по: Ригведа 1989; Ригведа 1995; Ригведа 1999; оригинал — по: Rigveda 2004 и Aufrecht I–II.

² Перевод автора данной статьи, немного отличающийся от перевода Т. Я. Елизаренковой.

«Проломителя крепостей (*purāṁdarām*) Индру мы склонили к помощи, / Воспевая вдохновенными словами» (VIII.61.8.в–г).

«(Бог) с грозной дланью, разрушитель (?), проломитель крепостей (*purāṁdaró*) / Пусть услышит мой зов» (VIII.61.10.а–б) (см. Елизаренкова 1999: 209–210).

Сложное имя *purāṁdará-* составлено из существительного *púr-* или *pura-* ‘крепость, укрепленный город’ (в вин. п. *puram*) и *dara-* от глагола *dṛṇāti* (3 л. ед. ч.) в значении ‘рвать, разбивать, ломать’³. Оба компонента используются также в отдельности. Например:

«...чтобы почтить героя, любящего одарять, / Взламывателя крепостей (*purām... darmāṇam*), чья слава воспета» (I.61.5.в–г).

«Ты в самом деле, о Индра, сражаясь, семь / Крепостей пробуравил (*saptá... púro... dardah*), о громовержец, для Пурукутсы» (I.63.7.а–б).

«Ты подавил, о Индра, злоречивые племена, / Когда разбил семь осенних крепостей (*saptá... púraḥ... dārt*)» (I.174.2.а–б)⁴.

«...проламыватель Валы, / Взрыватель крепостей (*valamrujāḥ purām darmó*) [...] Индра проломил (*ārujāḥ*) даже твердыни» (III.45.2.а–б, д).

Поэт обращается к Индре как к «проломителю всех крепостей (*viśvāsām... purām dartnám*)» (VI.20.3.г). «Прочные крепости (*púro*) Пипру, обладающего змеиной силой превращений, / Ты разнес (*dardah*) словно мощью (своей), о громовержец» (VI.20.7.а–б).

«...Ты разбил семь осенних крепостей (*saptá... púraḥ... dārd*)» (VI.20.10.в).

«В один день все их твердыни / Индра разрушил силой — семь крепостей (*indraḥ púraḥ... saptá dardah*)» (VII.18.13.а–б).

³ См. Monier-Williams 1899: 635–636, 470, 492; Кочергина 1996: 397, 260; Mayrhofer II: 327, 21, 59.

⁴ К эпитету крепостей «осенние», вызвавшему разногласия ведологов, см. комментарии Т. Я. Елизаренковой (Ригведа 1989: 625; Елизаренкова 1999: 216–217) и предположение А. Ф. Журавлева (2005: 599), о котором речь пойдет ниже.

«Ты ведь, Индра, / Проломитель всех крепостей (*śásvatīnām indra dartā purām āsi*)» (VIII.98.6.а–б) и т. п.

Многочисленны также комбинации с синонимичными глаголами и их производными:

«Ты проломил крепости (*prārujaḥ púraḥ*) Пипру, о мужественный духом» (I.51.5.в).

«Крепость за крепостью ты там разбиваешь (*purā púram... haṁsy*)» (I.53.7.б).

«Ты разбил сотню крепостей (*śatā... ābhinat púro...*) Вангриды» (I.53.8.в).

«Ты разрушил девяносто девять крепостей (*tvám púro navatīm dambhaya náva*)» (I.54.6.г).

«Он, по своей природе поддержка (для людей), с силой, в которую верят, / Бродил кругом, раскалывая крепости (*púro vibhindānn*) дасов» (I.103.3.а–б).

«Ты разбил девяносто крепостей (*bhinát púro navatīm*), о Индра, для Пуру Диводасы» (I.130.7.а–б).

«Пуру знают это твое героическое деяние, / Что ты, о Индра, разбил осенние крепости (*púro... avātiraḥ*)» (I.131.4.а–б).

«Расколи, словно крепости (*bhinát púro ná*), безбожные расщелины!» (I.174.8.в).

«Кто разбил сотню крепостей / Шамбары, словно камнем (*śatām śambarasya púro bibhédāśmane*)...» (II.14.6.а–б).

«...Индра разрушил / Девяносто девять крепостей Шамбары (*navatīm ca návéndraḥ púro vy arac chámbarasya*)» (II.19.6).

«Убив дасью, он низверг их железные крепости (*hatvī dásyūn púra āvasīr ní tārit*)» (II.20.8.д).

«О Индра-Агни, вы потрясли / Девяносто крепостей (*navatīm púro... adhūnutam*), подчиненных Дасе» (III.12.6.а–б).

В III.51.2 Индра наряду со многими другими эпитетами назван «раскалывающим крепости» (*pūrbhid*).

В IV.26.3 (а–в) Индра признается: «Я крепости разбил (*púro... vy aram*), опьяненный (сомой): / Сразу девяносто девять (крепостей) Шамбары, / (А) сотое поселение — полноты ради».

«Сотню каменных / Крепостей Индра разнес на куски (*satām aśman-táuyīnām purām indro vy syat*)» (IV.30.20.a).

«Мы хотим провозгласить твои героические подвиги: / Какие крепости дасов ты проломил (*púro dāsor abhīṭya*), напав (на них), опьяненный сомой» (IV.32.10).

«...ты разбил / Валу (*valám... hánn*) наслаждающегося, о удивительный сотрясатель несотрясаемого. / Ты раскрыл (его) крепости, все его врата (*ṛṇóḥ púro ví dúro asya víśvāḥ*)» (VI.18.5.6–г);

«Ты низверг сотни крепостей (*tvám śatāny... púro jaghantha*) / Дасы Шамбары — неприступных» (VI.31.4.a–б).

«Сокрушитель крепостей (*purohā*), он проломил твердые крепости (*púraḥ... ruroja*)» (VI.32.3.в).

«Раздраженный Индра сотряс крепости (*púro... ví dūdhod*). / С дубиной в руке он мощно разгромил (*jaghāna*) (их)» (VII.21.4.в–г).

«О Индра-Вишну, вы разрушили девяносто девять / Прочных крепостей (*dṛmhitāḥ... náva púro navatīm ca śnathīṣam*) Шамбары» (VII.99.5.a–б).

«Ты возбуждаешься, о воин, вызывающий пыл битвы, о проломитель крепостей (*puramdarā*), — / Напевы зазвучали. // Пропойте ему песню, / (Тому,) кто для приверженца — проломитель крепостей (*puramdarāḥ*), / (Гимны), благодаря которым громовержец придет, / Чтобы сесть на жертвенную солому Канвы, (и) проломит крепости (*bhinát púraḥ*)!» (VIII.1.7.в–г, 8.).

«Индра, который действует как арья, проломитель крепостей (*pūrbhīd*)» (VIII.33.5.г).

«Он (тот), кто силой разбивает крепости (*púro vibhináty*)» (VIII.33.7.в).

«Кто девяносто девять крепостей / Проломил (*náva yó navatīm púro bibhēda*) силой рук» (VIII.93.2.a–б).

«Мчась со скоростью мысли, / Он прорвался сквозь железную крепость (*āyasīm atarāt púram*)» (VIII.100.8).

Индра «Разбил девяносто девять // Крепостей (*avāhan navatīr nāva pūrah*) за один день для Диводасы» (IX.61.1.в–2.а).

«Он убил Вритру, как топор (рубит) деревья, / Он проломил крепость (*rurōja pūro*), так же, как пробуравил русла рек. / Он расколол гору, совсем как новый горшок» (X.89.7.а–в).

Индра «Проломил крепости (*pūro 'bhīnad*) при убийстве дасью» (X.99.7.г).

«...О Индра, проломитель крепостей (*pūrbhit*)» (X.104.8.б); тот же эпитет Индры еще в X.111.10.б. (см. Елизаренкова 1999: 201–206, 210–212).

* * *

Согласно Т. Я. Елизаренковой, «в 1947 г. М. Уилер высказал мнение, что города долины Инда были разрушены ведийскими ариями. Мнение это было основано на том, что в “Ригведе” глава пантеона — бог грозы и войны Индра славился разрушением крепостей (*pūr-*) врагов (*dāsa-* / *dasyu-* — термины, под которыми подразумевались как враждебные племена местного населения, так и демоны). Эпитет *puramdará-* “разрушитель крепостей” определял прежде всего Индру, который своей дубиной грома пробивал вражеские крепости [...]. В Пенджабе не было обнаружено других укрепленных городов, кроме Харалпы. Из этого делали вывод, что эти описания дасов/дасью, которые встречаются в “Ригведе”, [...] нужно относить к населению Харалпы и других индских городов. Мнение Уилера было поддержано рядом ученых», например, «гипотеза о разрушении Индских городов племенами ариев получила поддержку в ряде работ Т. Барроу»; тем не менее «гипотеза об ариях-разрушителях Харалпы имеет и многих противников. Изменение даты гибели городов долины Инда приблизительно до 1200–1000 гг. до н. э. или предельное их сближение со временем вступления ариев в Индию не могло не вызвать возражений. Сомнения вызывает и то, что эти города погибли внезапно от мощного нападения военных орд “варваров”, и то, что нападающими были именно ведийские арии, и то, насколько можно здесь полагаться на данные

археологии, и то, как правильно трактовать отдельные слова и контексты “Ригведы”. [...] Сторонники гипотезы об ариях-разрушителях Хараппы толкуют слово *púr-* в “Ригведе” как каменную крепость, считая, что этим словом обозначались укрепленные города долины Инда, сделанные из обожженного кирпича. Более убедительным выглядит интерпретация этого слова в работах В. Рау, сильно продвинувшего вперед своими исследованиями современные представления о материальной культуре ведийского периода. Как предполагает В. Рау, слово *púr-* в “Ригведе” обозначало маленькое временное укрепленное сооружение, состоявшее из концентрически расположенных каменных или земляных валов с палисадами и деревянными воротами, куда в случае опасности прежде всего загоняли скот — самое ценное имущество, и лишь в крайних случаях прятались люди» (Елизаренкова 1989: 433–435)⁵. На то, что слово *púr-* в ведийское время означало не город как таковой, а только укрепление из валов или же просто вал из камня и глины, указывал также О. Шрадер. П. Тиме также отрицал возможность того, что такие укрепления могли означать города типа Хараппы (Mayrhofer II: 327).

Таким образом, возникает важный вопрос: подразумевает ли термин *purandará-* историческое явление (столкновения завоевателей арийцев с местными жителями долины Инда и т. п.) или же это явление совершенно иного плана — мифологическое, отражающее соответствующие мифологические представления? При этом следует иметь в виду, что исторические явления в донаучных традициях обычно мифологизируются, а мифологические представления при первой возможности проецируются на происходящее во внешнем мире, т. е. на исторические события. Вопрос о первичности в таком случае принимает форму отношения между яйцом и курицей. Тем не менее существование соответствующих мифологических представлений в разных, тем более отдаленных во времени и пространстве, традициях позволяет однозначно высказаться в пользу мифологии («яйца»)

---

⁵ См. Елизаренкова 1999: 196–197, 208, 210, 223–224, 227.

по меньшей мере в отношении одной конкретной традиции, в данном случае — ведийской. Иными словами, если за мифологическими представлениями данного рода и стоят некие исторические явления (скорее всего, многочисленные и ставшие заурядными), то они, во всяком случае, не относятся исключительно к завоеванию арийцами местных жителей Северозападной Индии, не указывают исключительно на них, не обязаны им своим существованием. Именно это мы здесь и собираемся окончательно доказать.

* * *

Во-первых, образ бога, громовержца, разрушающего крепости или города, действительно не является исключительно ведийским. Так, в Откровении св. Иоанна Богослова (16.18–19) о разрушении Вавилона мы читаем: «И произошли молнии и громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле [...]. И город великий распался на три части, и города языческие пали». До этого подобным образом уже были разрушены города Содомы и Гоморры (Быт 19.24–25): «И пролил Господь на Содому и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг город асси», где выражение «огонь от Господа с неба» естественно вызывает образ молнии.

Согласно Р. Грейвсу и Р. Патай, «Страбон приводит легенду, повествующую о том, что возле Массады, большой крепости на юго-западном берегу Мертвого моря, тринадцать процветающих городов были разрушены в одночасье землетрясением, извержением смолы и серы и неожиданным наступлением моря, которое унесло с собой пытавшихся бежать жителей. Иосиф пишет: “Озеро Асфалит [Мертвое море] граничит с территорией Содомы, когда-то богатой, а теперь превратившейся в скучную пустыню. Господь молнией разрушил все города [...]”»; в пояснении авторы добавляют: «Города, разрушенные божественным повелением в наказание за негостеприимство, часто встречаются в мифах» (Грейвс, Патай 2005: 264). Миф наготове, случись только подходящее событие. Показательна

и общая установка библейских традиций на историзацию иногда даже сугубо мифологических мотивов.

К нашей теме относится и древнеегипетское изображение царя «в виде сокола, птицы бога Гора, разрушающего несколько укрепленных городов» (Оппенхейм 1990: 99). С одной стороны, налицо мифологичность образа. С другой, он получает историческую интерпретацию. Согласно А. Л. Оппенхейму, «с III тысячелетия до н. э. отличительной особенностью ближневосточного города (за исключением, пожалуй, Египта) становится наличие укреплений. В обязанности царя входило поддержание городских стен в хорошем состоянии и соответственно их разрушение в завоевываемых городах. [...] В тех случаях, когда незнакомые с городской жизнью племена завоевывали городскую цивилизацию, существовало явное предубеждение против укрепленных городов; мы видим, например, что царь, изображаемый на египетских шиферных плитках периода объединения страны в виде быка или сокола, рушит укрепленные города в дельте Нила. Подобным же примером может служить уничтожение городов долины Инда ведийскими индийцами под предводительством бога Индры, которому они дали эпитет *purandará-* — ‘разрушитель крепостей’, термин, соответствующий греческому *poli-orkētés*» (там же: 101). Последнего эпитета, означающего дословно ‘осаждающий города’, был удостоен, например, сын Антигона Деметрий, 337–283 гг. до н. э. (ДГРС: 1340). Как мы видим, историк древнего Ближнего Востока без сомнений принимает историческую интерпретацию образа «разрушителя городов». Тем не менее в «Илиаде» заслуга в разрушении города Трои приписывается громовержцу Зевсу: например, Посейдон обсуждает возможность того, что Зевс «будет щадить Илион крепостенный, когда не захочет г р а д а р а з р у ш и т ь и дать знаменитой победы ахейцам» (Ил. XV.216)⁶. Как Одиссей (например, «царь Одиссей, городов сокрушитель» в Од. IX.505) (см. Грейвс II: 375) и другие греческие

---

⁶ Перевод Н. И. Гнедича, цит. по: Бенвенист 1995: 287.

герои, так и бог войны Арес получают эпитет *ptoli-porthos* ‘разрушающий города’⁷.

Наконец, М. Л. Уэст непосредственно сопоставил вопросительную строку «Ригведы» II.14.6.а–б «Кто разбил сотню крепостей / Шамбары, словно камнем?» (см. выше) с предсмертными словами отца короля Артура, главного героя артурианского цикла, Утера Пендрагона: «Это я разбил сотню укрепленных крепостей» (West 2007: 453). Можно ли ответ легендарного британского короля на вопрос ведийского риши понимать в прямолинейном историческом смысле? Видимо, скорее это все-таки аргумент в пользу первичности религиозной, мифологической, эпической традиции по отношению к историческим событиям внешнего, материального мира.

* * *

Особого внимания заслуживают только что упомянутые древнегреческие составные эпитеты *πολι-ορκητής* ‘осаждающий города’ и *πολί-πορθος* ‘разрушающий города’, поскольку их первый член др.-гр. *πόλις* / *τόλις* ‘город, акрополь, цитадель’ этимологически совпадает с первым членом ведийского составного эпитета *puram-darā-*: как давно и хорошо известно, древнеиндийское *pūr-*, *púr-*, также *púra-*, *purī-*, *purī* в общем значении ‘крепость, укрепленный город’ и древнегреческое *πόλις* восходят к одному и тому же индоевропейскому слову, отражениями которого в балтийских языках, в свою очередь, являются лит. *pilis* и лтш. *pils* ‘городище, крепость, замок’⁸.

Поэтому весьма интересно обнаружить и балтийского громовержца, как литовского Перкунаса, так и латышского Перкуонса, за этим же

---

⁷ ДГРС: 1438; Frisk II: 576; West 2007: 452; также устное указание Н. Н. Казанского.

⁸ См. Бенвенист 1995: 239–240; Елизаренкова 1999: 198; Buck 1949: 1308, 1404; Fraenkel: 591; Frisk II: 576–577; Karulis II: 49–50; Mayrhofer II: 309, 327; Pokorný 1959: 799; Sabaliauskas 1990: 97; West 2007: 452–453; и др.; также см. Monier-Williams 1899: 635–636; Кочергина 1996: 397, 398.

занятием — разрушением, разбиванием крепостей, именуемых тем же словом *pilis* или *pils*.

Так, среди поверий о Перкунасе и грозе, записанных в начале XX в. Й. Балисом, имеются следующие (зафиксированные в разных местах Литвы — в селении Арёгала близ Кедайняй и в селении Середжюс близ Каунаса):

Viena kartą v e l n i a s norėjo pasistatyti iš akmenų pilį. Ir pradėjo nešti akmenis iš upelio. Bet tai pastebėjo P e r k ū n a s ir t r e n k ė į v e l n i o p i l į. Tai ir dabar Perkūnas, pamatęs akmenį, trenkia į jį ‘Однажды черт хотел построить себе из камней крепость. И стал он носить камни из ручья. Но Перкунас заметил это и ударил в чертову крепость. Так и теперь Перкунас, как увидит камень, так бьет в него’;

Pasakojama, kad v e l n i a s iš akmenų statęs pilį. P e r k ū n a s pastebėjęs, t r e n k ė s ir s u d a u ž ė s p i l į. Ir dabar kai Perkūnas pamato akmenį, tai mano, kad vėl velnias stato pilį, todėl ir trenkia ‘Рассказывают, что черт из камней строил крепость. Перкунас заметил это, ударил и разбил крепость. И теперь, как только Перкунас увидит камень, он думает, что черт опять строит крепость, поэтому и бьет’ (Balys 1998: 41, № 157, 158).

Поскольку Перкунас здесь разбивает крепость, или замок, Вяльняса, существенным является предположение о непосредственной этимологической связи между лит. *velnias*, лтш. *velns* ‘черт’ и именем одного из главных противников ведийского противника громовержца Индры вед. *vala-*, высказанное Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым и поддержанное целым рядом исследователей⁹. В таком случае данные литовские примеры заслуживают особого сопоставления со следующими строками «Ригведы»: «проламыватель» или же «сокрушитель, уничтожитель Валы», или даже «сломитель Валы (*valamrujāh*), / Взрыватель крепостей (*purām darmó*) [...] Индра проломил даже твер-

⁹ Ivanov, Toporov 1973: 15; Иванов, Топоров 1974: 66; см. Hamp 1976: 63; Vėlius 1987: 63, 83, 268; Laurinkienė 1996: 143, 145, 150 и др.

дыни» (III.45.2.а–б, д)¹⁰; «...ты разбил», точнее именно «убил / Валу (*valám... hánn*) наслаждающегося, о удивительный сотрясатель несотрясаемого. / Ты раскрыл (его) крепости, все его врата (*ṛṇóh píro ví dúro asya víśvāḥ*)» (VI.18.5.б–г).

Данное сопоставление открывает возможность для отождествления *valasya puriḥ* ‘крепость Валы’ и лит. *velnio pilis*, лтш. *velna pils* ‘крепость, замок Вяльняся, Вялнса’, предполагающего общиндоевропейскую древность. При этом в обеих традициях формула актуализируется в сходном контексте основного мифа: Громовержец поражает своего противника и разрушает его строение.

* * *

Отметим, что литовский черт строит свою крепость, или замок, из камней, с которыми он вообще тесно связан, чем в приведенных поверьях и объясняется известный в литовской мифологии обычай Перкунаса бить в каменные груды и отдельные камни¹¹. Выделяющиеся на местности камни и каменные груды в народных легендах, в свою очередь, иногда связываются с мифической крепостью Вяльняся. Например: *Švendurbės akmenį v e l n i a s nešė. Jis norėjo par Nemunų parnešt, in tą pusį. Norėj užbaigt tos p i l i e s, ką Liškiavoį* ‘Камень

¹⁰ Г. Грассманн для вед. *ruj-* указывает значение ‘сокрушить, уничтожить (*zerschmettern, vernichtern*)’ в отношении персонифицированного врага, демона (Grassmann 1872: 1173). Этимологически вед. *ruj-* связывается с лит. *laužti* ‘ломить’, но ср. *pa-laužti* ‘сломить’ в психологическом смысле, на который в отношении вед. *ruj-* также указывает М. Майрхофер (Mayrhofer III: 64). В более поздних текстах скр. *ruj-* непосредственно получает значение ‘ранить, убить’, относящееся к живому существу (Monier-Williams 1899: 882).

¹¹ В первую очередь см. Vēlius 1987: 66–68; Balys 1998: 40–41 (и далее везде); Laurinkienė 1996: 147–150 и др. В латышской традиции см. LTT 1991: 67–137, 168–179, 201–203, 278, 290 и др. Интересно, что в одной латышской быличке от удара Перкуонса сам «черт превратился в камень» (Balys 1998: 196). Ср. также западноукраинские названия черта *скаменяшник, з камня* (СД II: 450).

Швендубрес Вяльняс нес. Он хотел перенести его через Неман, на ту сторону. Хотел закончить ту крепость / замок, что в Лишкявё' (Vaitkevičius 2001: 118). В северной Литве, в утесе у реки Нямунелис (Биржанский р.) имеется пещера под названием *Velniapilis*, буквально 'Чертова крепость' или 'Чертов замок' (Vaitkevičius 2003: 179).

Латышские сказки и легенды рассказывают о чертовой крепости, или чертовом замке (*velna pils*), иногда с железными воротами, находящемся обычно в глубине леса, посреди болота, за водой, под водой, в море или в другом диком месте, или под землей, и тогда вход в него обычно скрыт под большим камнем (Straubergs 1939–1941: 558, 637–638). Например:

Senos laikos Velnis esot gribējis sev lepnu pili celt Balteņu ezerā, senāk sauktajā Vīķī. Kur ņēmis, kur neņēmis ļoti lielu, lielu akmeni — nesis pilij par pamatu 'В давние времена Черт захотел выстроить себе на озере Балтеню, которое ранее называлось Вики, великолепный замок. Взял он от куда-то большущий-пребольшущий камень и потащил для основания замка';

Kad celta Vandzenes pils, barons salīdzis ar Velnu, ka tas piegādās akmeņus 'Когда строился замок Вандзене, барон договорился с Чертом, что тот будет поставлять камни' (ЛТТ 1991: 82, 92).

Легенда о городище Валлес Пилверу (*Valles Pilveru pilskalns*) начинается так:

Šis pilskalns atrodoties Misas purvā. Senāk šis purvs bijis ļoti slapjš un tagadējā kalniņa vietā atradies bezdibens. Bezdibenī bijusi Velnām pils 'Это городище находилось в болоте Мису. Раньше это болото было очень мокрым, и на месте бывшего холма появилась пропасть. В пропасти у Черта был замок' (ЛТТ 1988: 70). И т. п.

А. Ф. Журавлев указал также на русский «народный географический термин *чертова каменка*, применяемый к горным каменным россыпям в Южной Сибири, уральские топонимы *Чертово городище* ('название многих урочищ на Урале, обычно это нагромождения скал

или старинные развалины [...]» и под. (Журавлев 2005: 632). Однако русское *Чертово городище* этимологически не связано с вед. *valasya puriḥ*.

* * *

Итак, с одной стороны, мы имеем самостоятельный образ «чертовой крепости», или «чертового замка», вне связи с сюжетом о его разрушении Громовержцем; с другой стороны, как и в «Ригведе», громовержец (или его заместитель) нередко разрушает крепость, или замок (лит. *pilis*, лтш. *pils*). Черт не упоминается в качестве его владельца, он может лишь угадываться в более или менее явно заменяющем его персонаже.

Особенно это свойственно некоторым легендам (записанным и литературно обработанным известным писателем первой половины XX в. В. Креве-Мицкявичюсом), где данный мотив естественно получает квазиисторический оттенок. Например, в легендах о наказании злого барина, непомерно угнетавшего народ:

Bet Dievulis Aukščiausias išgirdo žmonių balsą, trenkė per kūrą ir dvaran ir nugramzdino visą pilį žemėn ‘Однако Всевышний Бог услышал голос народа, ударил перуном во дворец и погрузил весь замок в землю’;

...iš giedro dangaus trenkė per kūrą su pili ir nugramzdino ją giliai žemėn su visais, kurie ten buvo ‘...гром с чистого неба ударил в замок и погрузил его глубоко в землю со всеми, кто там был’;

Pašaukė Ponas Dievulis šventą Elijošių ir paliepė to žiauraus pono dvarą perkūnais trenkti ir su visais rūmais žemėn nugramzdinti, kad nė pėdsakų neliktų. Kaip Dievulis paliepė, taip ir atsitiko. Kilo ant žemės didžiausia audra, žaibai nesiliovė raižę padanges, per kūrą i mušė vienas po kito — ir vis to pono pilin, vis giliau ir giliau į grimą žemėn su visais tais, kurie joje gyveno

‘Позвал Господь Бог святого Илью и повелел ударить в поместье того жестокого барина громом и со всеми дворцами погрузить его в зем-

лю, чтобы и следа не осталось. Как Бог приказал, так и случилось. Поднялась на земле большущая буря, молнии не переставали сечь небеса, гром бил один за другим — и всё в замок того барина, погружая его всё глубже и глубже в землю вместе со всеми, кто в нем жил’ (МТ II: 99, № 7, 8; VII: 28, № VI).

В легендах о древних городищах Лишкява и Меркине (имеющих явные следы литературной обработки того же писателя) исторический оттенок еще более выражен:

Kaip tik karalius apleido pilį, tuo trenkė perkūnas, ir visa pilis žemėn įgriuvo ‘Как только король покинул замок, сразу же ударил гром, и весь замок провалился под землю’;

...perkūnas trenkė į pilį ir nugramzdino ją giliai žemėn ‘...Перкунас (или гром) ударил в его замок и погрузил его глубоко в землю’ (TŽ III: 325–326, № III, IV).

Также в легенде о городище Винкшниню, записанной тем же писателем: после того, как владелец замка был проклят, *į pilį trenkė perkūnas* ‘в его замок ударил гром’ (TŽ IV: 447, № V).

Те же образы представлены и в подлинных легендах, не подвергшихся литературной обработке, как, например, в легенде о древнем Утенском двойном городище: в ответ на мольбу погибающего князя *švystelėjo žaibai, sugriaudė perkūnas, ir pilies vietoj liko du piliakalniai* ‘блеснула молния, загремел гром, и на месте замка остались лишь два городища’ (УКР: 128, № 268).

В другой легенде злая королева своим подчиненным

liepė pastatyti tokią aukštą pilį, kad jos kuorai skrostų debesis. Tokios pilies jie negalėjo pastatyti. Daug akmenų, molio privežė, vergai plušo per dienas naktis. Jie buvo plakami rykštėmis, žabojami, visaip baudžiami. Pritrūko kantrybės vergams, pabėgo jie tankion girion, meldė Perkūną gelbėti. Perkūnas išklausė malda, sviedė savo žaibus karalienės pal-

ociun, ir dvaro lyg nebūta. Grįžę iš miško vergai dvaro vietoje rado didžiulį juodą liūną, kurį ėmė vadinti Karalienės liūnu

‘велела построить такой высокий замок, чтобы его башни скребли небеса. Такой замок построить они не могли. Много камней, глины привезли, рабы трудились день и ночь. Их секли розгами, взнуздывали, всячески наказывали. Кончилось терпение у рабов, сбежали они в лесную чащу, молили Перкунаса о помощи. Перкунас выслушал (их) молитву, метнул свои молнии во дворец королевы, и дворца как не бывало. Рабы по возвращении из леса на месте дворца нашли большую черную трясины, которую стали называть трясиной Королевы’ (УКР: 76, № 148).

Латышский Перкуонс также охотно разрушает крепости и замки злых бар, тем более что несколько столетий этими замками управляли чужеземцы. Один такой барин к тому же не верил в Бога и постоянно пировал:

Kādreiz pērkona negaisā kungs atkal dzīrojīs pilī, un, kad zibeņi spoži laistījušies un pērkons dārdējīs, sulaiņi rāvušies kaktos, pils kungs smējies un zaimojīs Dievu, tad pils nogrimusi ‘Однажды во время грозы барин опять пировал в замке, блистали молнии, гремел гром, слуги прятались по углам, а барин смеялся и поносил Бога, и тогда замок провалился’;

в легенде о городище близ усадьбы Сакайню:

Kādreiz pils īpašnieks apbraukājis savus laukus. Ceļā uznākusi liela vētra un pērkoņa negaiss. Līdz ar kādu pērkoņa grāvienu pils nogrimusi ‘Однажды хозяин замка объезжал свои поля. По пути поднялась сильная буря и гроза. При очередном ударе грома замок провалился’;

в легенде о городище Серенес (*Sērenes pilskalns*) барин-безбожник с гостями весело пировал:

Tad piepieši nozibējīs zibens, bijīs liels pērkona grāviens un lietus sācis kā ar spaiņiem gāzt. Viesi tam visam nekādu vērtību nepiegrīežuši un līks-

mojušies tālāk. Pēc trešā p ē r k o n a grāviena p i l s n o g r i m u s e zemē ar visiem viesiem

‘Тогда внезапно блеснула молния, прогремел гром, и дождь хлынул как из ведра. Гости на всё это не обращали никакого внимания и продолжали веселиться. После третьего удара грома замок провалился под землю со всеми гостями’ (ЛТТ 1988: 60, 76, 79).

Веселящихся гостей в данной легенде и пирующего, смеющегося владельца замка в первой, кстати, сто́ит сопоставить с ведийским «наслаждающимся» Вало́й, крепость которого разбил Индра.

В легенде об озере Скривермуйжос рассказывается, что раньше на его месте стоял красивый замок, но однажды в студёный осенний вечер в замок постучался седой старик, а королева отказалась его впустить. Старик только вздохнул и ушел:

Tanī pašā vakarā sākusi plosīties liela vētra. Vējš aurojis tā, ka visi pils logi dārdējuši. Beidzot atskanējis ārkārtīgs r ī b i e n s, un p i l s l ī d z ar p i l s k a l n u n o g r i m u s i ‘В тот же вечер поднялась сильная буря. Ветер выл так, что все окна замка дрожали. Наконец, прогремел необыкновенно сильный гром, и замок вместе с замковой горой провалился’ (ЛТТ 1991: 276–277).

* * *

Наряду с лит. *pilis*, лтш. *pils* ‘крепость, замок’ балтийский Громовержец разрушает и некоторые другие строения, такие, как дворец, поместье, город, башня, дом и т. п., что мы уже имели возможность наблюдать. Приведем еще несколько характерных примеров.

В быличке известного типа о попытке избежать предсказанной судьбы отец (король или барин) пытается спасти своего сына, обреченного на смерть от удара грома, следующим способом:

Daugiau tas pons pamūrijęs tokį tvirtą mūro bokštą, kad galėtų tas jo sūnus tame mūre nuo perkūno pasislėpti. Bet, atėjus tai dienai, tas vaiks ir prapuolęs. Tas karalius ieškąs ieškąs, o čia jau kyl kyl toks juods debesis

baisus su žaibais ir perkūnais. To vaiko nēr ir nēr. Kai užėjęs tas debesis, davęs p e r k ū n s į tą jo m ū r ą, kad išsiaižęs į visas puses, ir gana ‘Взял тот барин да выстроил из камня такую крепкую башню, чтобы его сын мог в этой каменной башне от грома спрятаться. Но пришел тот день, а ребенок пропал. Король ищет, ищет, а тут уже поднимается, поднимается такая черная туча страшная, с молниями и громом. А ребенка как нет, так и нет. Нашла туча, как ударил гром в ту его каменную башню, что она растрескалась во все стороны, и все’ (сын спасся как раз благодаря своему отсутствию) (Basanavičius 2004: 201, № X.8).

В другом варианте *perkūns spyręs į tą jo mūrą ir sutrupinęs, o tas vaikelis gyvs palikęs* ‘гром ударил в его каменное строение и разбил его вдребезги, а ребенок остался в живых’ (Basanavičius 2003: 343, № IX.7). В еще одном варианте отец построил железный дом, а в назначенный день *pakilo juodas debesėlis, sužaibau, trenkė in tą geležinį namelį, kad tas namelis pusiau trūko* ‘поднялась черная туча, блеснула молния, ударила в этот железный дом, да так, что дом тот треснул пополам’ (Basanavičius 1998: 231, № 118).

В легенде о Райгороде, перед тем как он провалился под землю, *kap užaj griausmas, viduri nakčiu, kap užajo griausmas, sako, tokias baisus, sudrabėjo visa an to svieto* ‘как загремел гром, среди ночи, как загремел гром, говорят, такой страшный, сотряслось все на этом свете’ (Vaitkevičius 2001: 126).

Уместно здесь вспомнить и романтическую сказку «Юрате и Каститис», объясняющую происхождение янтаря, впервые пересказанную на польском (с отдельными литовскими вставками) Л. А. Юцевичем в 1842 г. и впоследствии получившую в Литве широкую популярность. В конце сказки Перкунас (*p i o r u n*), разгневанный любовными отношениями между морской королевой и смертным, *uderzył w mieszkanie królowej, samą zabil, i bursztynowy p ł a c na drobne r o z t r z a s k a ł cząstki* ‘ударил в жилище королевы, саму ее убил и янтарный дворец разбил вдребезги’ (Jucewicz 1842: 108–109).

В отношении связи мифологии и истории особенно показательна известная в Литве легенда о злом барине Чичинскасе, имеющем исторический прототип — боярина Владислава Сицинского, своим вето распустившего сейм 1652 г. Гибель Чичинскаса непременно связана с ударом грома в него и его дворец, например: *Joiant jam bažnyčion, Perkūnas jį ir užmušė. Tuo tarpu dvaras ėmė skęsti ir skendo per septynerius metus* ‘Когда он ехал верхом в костел, Перкунас его и убил. В то время дворец [его] стал погружаться под землю и погружался семь лет’ (Balys 1949: 29–30, № 21)¹². При этом сам Чичинскас во многих вариантах легенды получает разные характерные черты Вяльняса (одна дырка в носу и т. п.) (см. Laurinkienė 1996: 126–127).

В одной из легенд, опубликованных в литературной обработке В. Креве-Мицкявичюсом, отрывки которых приводились выше, сходным образом *perkūnas trenkė dvaran ir įgrūdo jį giliai žemėn, o visi, kurie ten buvo, akmenimis pavirto* ‘Перкунас (гром) ударил во дворец и втокнул его глубоко в землю, а все, кто там был, превратились в камни’ (TŽ IV: 444, № I).

В легенде о Виленском «Барбакане»¹³, включенной в собрание «Виленских легенд», составленное в начале XX в. В. Захорским, говорится:

Niegdyś na Bakszcie mieszkał we wspaniałym pałacu magnat tak bogaty,
że sam nie wiedział dobrze, ile skarbów posiada

‘Когда-то на Башенной горе в прекрасном дворце жил такой богатый вельможа, что богатства свои он и сосчитать не мог’,

¹² Варианты см. LT IV: 652–653; Kerbelytė 1983: 49–50; Kerbelytė 1999: 117–119; Vėlius 1995: 111 и др. О соотношении с историческим прототипом см., например, Jurginis 1976: 112–113.

¹³ Артиллерийский бастион, построенный в 1640 г. на месте древнего замка. Польское название его *Bakszta* происходит от лит. *Bokštas*, несмотря на то, что апеллятив *bokštas* ‘башня’ ранее заимствован из польск. *baszta* ‘башня’.

но однажды он был проклят нищим за бессердечность — отказ ему в гостеприимстве:

Tejże nocy nad Wilnem szalała burza; czarne chmury skłębiły się nad miastem, lejąc potoki wody, wichry łamał drzewa i zrywał dachy, ogniste błyskawice co chwilę przerzynały chmury. Jeden z p i o r u n ó w uderzył w p a ł a c, który z a p a d ł s i ę pod ziemię, że ani śladu po nim nie zostało

‘В ту же ночь в Вильнюсе бушевала буря; черные тучи закрубились над городом, дождь лил как из ведра, вихрь ломал деревья, сносил крыши, а молнии ежесекундно разрезали тучи. Одна из молний ударила в замок, тот провалился под землю так, что и следа от него не осталось’ (Zahorski 1925: 109–110)¹⁴.

Сходные легенды известны в Латвии. Например, легенда о г о - р о д е Елгаве, нем. *Mitau*:

Liela p ē r k o n a negaisa laikā viens spēriens iespēris Jelgavā, tā n o g r i m u s i un apaugusi ar zāli. Reiz netālu no tās vietas ganījās viens ganuzēns. Piegājās kāds vīrs un jautājās, kur viņa cūkas aizskrējušas? Puika teicis, ka uz mītavu. Pie šiem vārdiem uzcēlusies nogrimusī Jelgava

‘Во время сильной грозы один удар грома ударил (spēriens iespēris) в Елгаву, она провалилась и обросла травой. Как-то раз вблизи того места один пастушок пас (стадо). Подошел какой-то мужчина и спросил, куда убежали его свиньи. Паренек сказал, что туда, где растоптано (*mītava*, от *mīt* ‘топтать, растаптывать’, созвучие с нем. *Mitau*). При этих словах провалившаяся Елгава поднялась на поверхность’ (LTT 1988: 386).

В белорусской легенде о провалившемся замке князя Слуцкого:

У адну ноч пачалі біць шалёныя маланкі, грывець п е р у н ы, аж калацілася цвердзь, а з а м а к і ўсё наваколле пачалі п р а в а л ь - в а ц ц а ў воды возера (ЛП: 247, № 297).

¹⁴ Перевод на русский язык см.: Вильнюсские предания 2015.

О Перуновой горе:

Ёсьць за Нясвіжам, калі ісці на захад ад горада, старое замчышча — вялікае ўзвышша сярод долу. Людзі завуць яго Перуноваю гарою. Расказваюць, што некалі на тым месцы стаяў княжаскі замак, там, дзе дол, было прыгожае возера; [однако из-за грехов владельцев замка] аднойчы ў купальскую ноч на возеры ўсчалася моцная бура, вада ўзнялася і заліла ўсё кругом, а ў з а м а к стрэліў п я р у н і р а з б і ў яго ўшчэнт (ЛП: 360, № 603).

Данные белорусские легенды, может быть, следовало привести вместе с балтийскими о провалившихся от грома замках, только блр. *замак* этимологически отличается от лит. *pilis*, лтш. *pils* и ведийских соответствий.

В украинской народной легенде фольклорный мотив разрушенной Громовержцем чертовой крепости, или замка, приурочен к библейскому преданию о Вавилонской башне (которому оно, в конце концов, видимо, и обязано своим происхождением):

Однажды самый старый черт вздумал сравниться с Богом. Для этого он велел чертям выстроить высокую башню. Когда была окончена башня, все черти взобрались туда, чтобы полюбоваться своей работой, но Бог разрушил это здание, и черти летели оттуда сорок дней и сорок ночей... (НБ: 289).

* * *

Воспользуемся случаем и подметим одно частное сходство. Как мы уже видели, крепости, которые рушит Индра, иногда могут быть железными. Например:

«Убив дасью, он низверг их железные крепости (*púra āyasīr*)» (II.20.8.д); «Мчась со скоростью мысли, / Он прорвался сквозь железную крепость (*āyasīm atarat pūram*)» (VIII.100.8).

По словам Т. Я. Елизаренковой, «существительное *pūr-* в “Ригведе” определяется рядом эпитетов-прилагательных, среди которых самым

распространенным является *āyāsī-* ‘железная’ [...]. Этот эпитет крепости встречается 8 раз: I.58.8; II.20.8; IV.27.1; VII.3.7; 15.14; 95.1; VIII.100.8; X.101.8), хотя «*āyasa-* как ‘железный’ является условным переводом (точнее было бы ‘металлический’, ‘медный’, ‘бронзовый’), поскольку в русском языке это прилагательное достаточно широко употребляется и в переносном смысле: ‘очень твердый’, ‘несгибаемый’» (Елизаренкова 1999: 212 и 199).

Тем не менее именно «железными» иногда являются постройки, которые разрушает литовский Перкунас. Как, например, в приведенной выше быличке о попытке избежать предсказанной судьбы, в одном из вариантов которой отец для сына построил железный дом, но в назначенный день *pakilo juodas debesėlis, sužaibau, trenkė in tą geležinį namelį, kad tas namelis pusiau trūko* ‘поднялась черная туча, блеснула молния, ударила в этот железный дом, да так, что дом треснул пополам’ (Basanavičius 1998: 231, № 118).

Вообще, согласно распространенным поверьям, во время грозы *geriau stovėti vietoje, nelaikyti rankose geležinio daikto arba bent geležimi kaustyto* ‘лучше стоять на месте, не иметь в руках ничего железного или хотя бы окованного в железо’, поскольку в железо бьет гром, и это имеет объяснение: *Jei griaudžia — negalima prie savęs laikyti geležį, nes vėlnias glaudžias* ‘Если гремит гром, нельзя при себе держать железо, ибо черт (к нему) прижимается’ (Balys 1998: 64, 66, № 645, 670, см. 637, 671 и др.).

То же в Латвии: *Kad ir pērkona negaiss, dzelzs lietās nevar turēt sev klāt, jo tad var zibens iespert* ‘Во время грозы нельзя при себе иметь железные вещи, ибо тогда может ударить молния’ (LTT 1940–1941: 1417, № 23405).

Замок латышского черта, в свою очередь, иногда имеет железные ворота, например, в сказке:

Kāda meita iet ezerā mazgāties. Vēlnis iznāk no ūdens apakšas, sgrābi meitu ap vidu un norauj sev līdz dibinā līdz lieliem dzelzvērtiem. Vēlns atslēdz vārtus, ievēd meitu savā pilī un apprec to

‘Одна девушка пошла на озеро стирать. Из глубины воды вышел черт, обнял девушку за талию и поволок на дно к большим железным воротам. Черт открыл ворота, провел девушку в свой замок и взял ее в жены’ (LPT IV: 432, № 45.3)¹⁵.

Таким образом, эпитет разрушаемой Индрой крепости «железная» также может считаться указанием на мифологическую природу образа.

* * *

В любом случае балтийский громовержец лит. *Perkūnas*, лтш. *Perkons*, как и славянский *Перун*, также справедливо могут быть названы «разрушителями крепостей» или «громителями замков», естественно вне какой-либо связи с завоеванием арийцами Северо-Западной Индии около четырех тысячелетий тому назад.

При этом литовский глагол *griáuti* (*griauna*, *griovė*) ‘разрушать’ имеет также значение ‘гремять (о громе)’, как и глагол с тем же корнем *griáusti* (*griaudžia*, *griaudė*), от которого образовано литовское название грома *griaustinis* (пример из живой речи: *Šįmet anksti g r i o v ė perkūnas* ‘В этом году рано гремел гром’ и т. п.) (см. LKŽ III: 574, 578, 580; Fraenkel: 168). Оба значения в традиции постоянно обыгрываются, ср. загадку: *Juoda karvė subliovė, daug trobesių s u g r i o v ė* ‘Черная корова заревела, много построек разрушила’ = *Perkūnija* ‘Гроза’ (Lau-rinkienė 2016: 19), где глагол *sugriovė* играет роль подсказки.

В связи с деятельностью Громовержца также часто используется интранзитивная форма того же глагола — *griūti* ‘валиться, рухнуть, рушиться’, как мы уже имели возможность заметить: *Kaip tik karalius apleido pilį, tuo trenkė perkūnas, ir visa pilis žemèn į g r i o v o* ‘Как только король покинул замок, сразу же ударил гром, и весь замок провалился под землю’.

Показательно также следующее поверье, в котором грохот грома непосредственно связывается с разрушением: *Griaustinio trenksmas kyla*

¹⁵ См. Straubergs 1939–1941: 637.

iš danguje esančiū uolų, kurios pradeda g r i ū t i ir sukelia tokį bildesį ‘удар грома происходит от скал, находящихся на небе, которые начинают рушиться и вызывают такой грохот’ (Balys 1998: 55, № 473).

Несомненно, здесь следует иметь в виду сходное соотношение между рус. *греметь, гром* и, с другой стороны, *разгром, (раз)громить*.

В том же духе древнегреческий Аполлон (*Ἀπόλλων*) самими греками интерпретировался как ‘сокрушитель, разрушитель’, его имя связывалось с глаголами *ἀπόλλυμι, ὀλλυμι* ‘губить, уничтожать, разрушать’ (West 2007: 129, 324–325).

Так что действие «разрушать, разбивать, сокрушать, громить» (в частности, крепости, замки и дворцы, но не только) и соответствующая характеристика «разрушитель, сокрушитель, громитель» свойственны не исключительно ведийскому Индре, а скорее Громовержцу как таковому, по сути архетипическому.

* * *

А. Н. Афанасьев, следуя популярному в его время учению М. Мюллера, обращает внимание на известную метафору «небесных замков», относящуюся к облакам и тучам: «В гимнах “Ригведы” облака и тучи называются городами и крепостями Вритры, стены которых разрушает могучий Индра, чтобы открыть дождевым потокам свободный путь на землю; поэтому Индре давалось прозвание *purāmdarā-* ‘разоритель городов’. Немецкий язык допускает выражение *getürmte Wolken* [букв. “сбашенные” облака, т. е. ‘облака, сплоченные в башни’]; в Тюрингии *der weiße Turm* [‘белая башня’] — ‘гряда белых облаков’; в Вестфалии, при виде черных туч, говорят: *der Grummelturm (Donnerturm) steigt auf* [‘громовая башня высится’]; на шведских островах то же явление обозначается словом *bisaborg* ‘Gewitterburg [грозовая крепость, грозовой замок]’. Подобно тому в Архангельской губ. густые облака, скученные по краям горизонта, называются стеною: *солнце садится в стену*, т. е. в тучи. Народные

загадки, уподобляя громовый грохот реву быка и ржанию коня, выражаются: *ревун вол на сто гор, на тысячу городов; ржет жеребец на крутой горе* или *сивый жеребец на все царство ржет*. Эти горы и города, потрясаемые громовыми ударами, должны быть горы-тучи» (Афанасьев II: 223). А. Ф. Журавлев, признавая правомерность образа «крепости-тучи», предложил его в качестве объяснения ведийских эпитетов крепости «движущаяся» (VIII.1.28) и «осенняя» (I.131.4; 174.2; VI.20.10) (Журавлев 2005: 599)¹⁶. Действительно, хотя ученые давно не считают атмосферные явления источником мифологических представлений, тем не менее «атмосферный код» в мифологии, как один из многих, вполне уместен и, что для нас в данном случае важно, решительно неисторичен.

К нему примыкает и мотив освобождения небесных светил, иногда упоминаемый наряду с разрушением «крепости» и «твердыни», например, в обращении к Индре: «...солнце (и) утреннюю зарю / Ты зажег, взрывая твердыни (*ḍṛḍhāni dārdrat*)» (VI.17.5.a–b). (*Твердыня, от твердый*, здесь может восприниматься как синоним *крепости*, от *крепкий*.)

В другом случае схожий подвиг совершается богом священных песнопений Брихаспати: «Разбив крепость (*vibhidyā pūram*) — лежище навзничь, / Брихаспати вырубил тем самым три из водоема — // Утреннюю зарю, солнце, корову (и) / Нашел напев, гремя, как небо» (X.67.5)¹⁷. Характеристика «гремя, как небо» (*stanáyann iva dyáúh*) придает Брихаспати при совершении данного подвига несомненные признаки громовержца.

Здесь можно вспомнить сообщение Иеронима Пражского, принявшего участие в миссиях во время крещения Литвы на стыке XIV–

¹⁶ Образ «осенней крепости» уже упоминался выше.

¹⁷ Перевод автора данной статьи, отличающийся от перевода Т. Я. Елизаренковой и от перевода Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова (Иванов, Топоров 1974: 43).

XV вв., в пересказе Энея Сильвия Пикколомини (1477), в котором упоминается некое литовское «племя» (*gens*),

quae Solem colebat, et malleum ferreum rare magnitudinis singulari cultu uenerbatur. Interrogati sacerdotes, quid ea sibi ueneratio uellet, responderunt olim pluribus mensibus non fuisse uisum Solem, quem rex potentissimus captum reclusisset in carcere munitissimae turris. Signa zodiaci deinde opem tulisse Soli, ingentique malleo per fregisse turrim, Solemque liberatum hominibus restituisse. Dignum itaque ueneratu instrumentum esse, quo mortales lucem recepissent

‘которое поклоняется Солнцу и в особом почтении имеет железный молот необыкновенной величины. На вопрос, что это почитание означает, жрецы ответили, что однажды в течение многих месяцев не было видно Солнца, которое могучий король заточил в неволе в крепкой башне. Тогда солнцу на помощь пришли знаки Зодиака, огромным молотом они разбили [или проломили] башню, освободили солнце и вернули его людям. Поэтому и то орудие, с помощью которого смертные вновь обрели свет, заслуживает почитания’ (BRMŠ I: 591).

Громовержец Перкунас здесь не принимает непосредственного участия, но подвиг всё же был совершен его характерным орудием — молотом, при этом необычайно больших размеров, указывающих на то, что это атрибут божества. Во всяком случае, имеет место разрушение башни (замка) и освобождение Солнца — те же мотивы в той же связи, что и в «Ригведе».

* * *

В связи с разрушением Громовержцем крепостей демонов стоит обратить внимание еще на одно сходжение. Среди врагов Индры в данном контексте несколько раз упоминается некий Шушна, например:

«Он взорвал твердые крепости Шушны (*vi śuṣṇasya... airayat pūrah*)» (I.51.11.г).

«Также дерзко ты приложил руку / К владению Шушны (*śuṣṇasya*), / Когда разбил его крепости (*pūro yād asya sampiṇāk*)» (IV.30.13).

«Движущуюся крепость Шушны / Ты разбил смертельным оружием (*tvám púram cariṣṇvām vadhaiḥ śúṣṇasya sām piṇak*)» (VIII.1.28.a–б).

И еще один красноречивый пример, не оставляющий сомнений в демонической и тем самым мифологической природе Шушны:

«Индра разгромил твердыни Илибиши, / Индра рассек р о г а т о г о Шушну (*vī śrgīnam abhinac chūṣṇam indrah*). [...] Успешно нападал он на врагов. / Острым быком рассекал он крепости (*vī tigména vṛṣabhéṇā pūro 'bhet*)» (I.12.a–б, 13.a–б).

По определению Т. Я. Елизаренковой, Шушна (*śúṣṇa-*) представляет собой «Nom. рг. демона засухи (*śuṣ-* ‘сохнуть’)» (Ригведа 1989: 563)¹⁸. Ср. прилагательное от того же корня вед. *śúṣka-* ‘сухой, иссохший, бесплодный, сморщившийся, заостренный’ (Monier-Williams 1899: 1084)¹⁹; также санскр. *śoṣa-* ‘иссушенный’, ‘иссушение, сухость’ (Monier-Williams 1899: 1092)²⁰ и др. Слова продолжают и.-е. корень **saus-* / **sus-* ‘сушить’, ‘сухой’, к которому восходят также рус. *сухой*, лит. *sausas* ‘сухой’ и др. (Фасмер III: 813; Fraenkel: 766; Mayrhofer III: 362–363; Pokorný 1959: 880–881 и др.).

В литовском к тому же корню относятся также глагол *sùsti* ‘сохнуть, чахнуть, хиреть’ и его производные, в частности *sùskis* ‘некто иссохший, чахлый, захиревший, неряшливый, обнищавший’, ‘мерзавец, негодяй’ и *susnà* ‘то же’, а также ‘скупец, скряга’ (LKŽ XIV: 228–230). Первое из них (вместе с лтш. *sušķis* ‘то же’) формально соотносится с вед. *śúṣka-* (Mayrhofer III: 361; Pokorný 1959: 880–881; Fraenkel: 946; Karulis II: 327 и др.), а второе, хотя в этимологических словарях оно почему-то обычно опускается, — с вед. *śúṣṇa-*, в то время как именно последнее соотношение проливает свет на сущ-

¹⁸ См. Grassmann 1872: 1048. М. Майрхофер пытается отделить Шушну от корня *śuṣ-* ‘сохнуть’ (Mayrhofer III: 361–362, 363), но недостаточно обоснованно.

¹⁹ См. Grassmann 1872: 1048; Mayrhofer III: 361; ср. Кочергина 1996: 651.

²⁰ См. Mayrhofer III: 362; ср. Кочергина 1996: 655.

ность образа Шушны: Шушна — это мифический Сухарь (Скупец, Скряга), мифопоэтическое олицетворение сухости, иссушения, чаклости и скупости, сродни русскому Кощею, имя которого, произведенное от слова *кость* (Фасмер II: 362), схожим образом подразумевает заостренность.

* * *

Во всяком случае, балтийские соответствия ведийского *purāt-darā-* выносятся, как представляется, окончательный приговор гипотезе об историческом происхождении образа. Это, естественно, не отрицает возможности его актуализации в жанре квазиисторической легенды и тем самым своего рода «историзации». Показательны примеры такой вторичной «историзации» в балтийской и отчасти славянской фольклорной традиции. Но это лишь подчеркивает изначально мифологическую природу мотива.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Афанасьев I–III — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. I–III. М., 1995.

Бенвенист 1995 — *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Вильнюсские предания 2015 — Вильнюсские предания и легенды / пер. с лит. и польск. и комментарии М. В. Завьяловой. М., 2015.

Грейвс I–II — *Грейвс Р.* Мифы древней Греции / под ред. и с предисл. А. Тахо-Годи. Т. I–II. М., 1999.

Грейвс, Патай 2005 — *Грейвс Р., Патай Р.* Иудейские мифы. Екатеринбург, 2005.

ДГРС — Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий. Т. 1–2. М., 1958.

Елизаренкова 1989 — *Елизаренкова Т. Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа: Мандалы I–IV / изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. М., 1989. С. 426–543.

Елизаренкова 1999 — *Елизаренкова Т. Я.* Слова и вещи в Ригведе. М., 1999.

Журавлев 2005 — *Журавлев А. Ф.* Язык и миф: лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.

Иванов, Топоров 1974 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Кочергина 1996 — *Кочергина В. А.* Санскритско–русский словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1996.

ЛП — Легенды і паданні / склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. 2-е выд., дап. і дапрац. Мінск, 2005.

НБ — «Народная Библия»: восточнославянские этимологические легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004.

Оппенгейм 1990 — *Оппенгейм А. Л.* Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации. Москва, 1990.

Ригведа 1989 — Ригведа: Мандалы I–IV / изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. М., 1989.

Ригведа 1995 — Ригведа: Мандалы V–VIII / изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. М., 1995.

Ригведа 1999 — Ригведа: Мандалы IX–X / изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. М., 1999.

СД II — Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999.

Фасмер I–IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. СПб., 1996.

Aufrecht I–II — *Aufrecht T.* Die Hymen des Rigveda. Bd. I–II. Berlin, 1955.

Balys 1949 — *Istoriniai padavimai / spaudai paruošė Dr. J. Balys.* Chicago, 1949.

Balys 1998 — *Balys J.* Raštai. [T.] 1. Vilnius, 1998.

Basanavičius 1998 — *Lietuviškos pasakos įvairios / surinko J. Basanavičius.* T. 4. Vilnius, 1998.

Basanavičius 2003 — *Lietuviškos pasakos / surinko J. Basanavičius.* T. 2. Vilnius, 2003.

Basanavičius 2004 — Juodoji knyga / surinko J. Basanavičius. Vilnius, 2004.

BRMŠ — Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai. T. 1: XVII amžius / sudarė Norbertas Vėlius. Vilnius, 1996.

Buck 1949 — *Buck C. D.* A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949.

Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg–Göttingen, 1962–1965.

Frisk I–II — *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, 1960–1970.

Grassmann 1872 — *Grassmann H.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Delhi, 1999 (¹1872).

Hamp 1976 — *Hamp E. P.* **uel-* and **uelH.* // *Baltistica*. 1976. Vol. 12 (1). P. 63–64.

Ivanov, Toporov 1973 — *Ivanov V. V., Toporov V. N.* A Comparative Study of the Group of Baltic Mythological Terms from the Root **vel-*. // *Baltistica*. 1973. Vol. 9 (1). P. 15–27.

Jucewicz 1842 — Wspomnienia Żmudzi przez X. Ludwika Adama Jucewicza. Wilno, 1842.

Jurginis 1976 — *Jurginis J.* Pagonybės ir krikščionybės santykiai Lietuvoje. Vilnius, 1976.

Karulis I–II — *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca. [T.] I–II. Rīga, 1992.

Kerbelytė 1983 — Kai milžinai gyveno: Padavimai apie miestus, ežerus, kalnus, akmenis / parengė B. Kerbelytė. Vilnius, 1983.

Kerbelytė 1999 — Žemės atmintis: Lietuvių liaudies padavimai / parengė B. Kerbelytė. Vilnius, 1999.

Laurinkėnė 2016 — *Laurinkienė N.* Dangus senojoje baltų pasaulėvokoje // *Tautosakos darbai*. T. 52. 2016. P. 13–35.

Laurinkienė 1996 — *Laurinkienė N.* Senovės lietuvių dievas Perkūnas: kalboje, tautosakoje, istoriniuose šaltiniuose. Vilnius, 1996.

LKŽ I–XX — Lietuvių kalbos žodynas. T. I–XX. Vilnius, 1956–2002.

LPT IV — Latviešu pasakas un teikas / pēc A. Lercha-Puškaiša un citiem avotiem sakopjis un rediģējis prof. P. Šmits. T. IV. Rīgā, 1927.

LT IV — Lietuvių tautosaka. IV: Pasakos, sakmės, pasakojimai, oracijos / medžiagą paruošė L. Sauka, A. Seselskytė, N. Vėlius, K. Viščinis. Vilnius, 1967.

LTT 1940–1941 — Latviešu tautas ticējumi / sakrājis un sakārtojis prof. P. Šmits. Rīgā, 1940–1941.

LTT 1988 — Latviešu tautas teikas: vēsturiskās teikas: Izlase / sast. A. Ancelāne. Rīga, 1988.

LTT 1991 — Latviešu tautas teikas: izcelšanās teikas: izlase / sast. A. Ancelāne. Rīga, 1991.

Mayrhofer I–III — *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I–III. Heidelberg, 1956–1976.

Monier-Williams 1899 — A Sanskrit-English dictionary, etymologically and philologically arranged, with special reference to cognate Indo-European languages by Sir. Monier Monier-Williams / New edition, greatly enlarged and improved with the collaboration of professor E. Leumann, professor C. Cappeller, and other scholars. Delhi, 1999 (Oxford University Press, 1899).

MT II, VII — Mūsų tautosaka / red. prof. Krėvė-Mickevičius. T. 2, 7. Kaunas, 1930, 1933.

Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Bern; München, 1959.

Rigveda 2004 — Rig Veda, a metrically restored text / edited by B. A. van Nooten and G. B. Holland, Harvard Oriental Series. Vol. 50. URL: Rigveda. PDF edition by K. Briggs, 2004. URL: www.keithbriggs.info/documents/rv.pdf.

Sabaliauskas 1990 — *Sabaliauskas A.* Lietuvių kalbos leksika. Vilnius, 1990.

Straubergs 1939–1941 — *Straubergs K.* Latviešu buņamie vārdi. T. 1–2. Rīga, 1939–1941 (сплошная пагинация).

TŽ — Tauta ir žodis / red. V. Krėvė-Mickevičius. T. III. Kaunas, 1925; T. IV. Kaunas, 1926.

UKP — Utenos krašto padavimai / parengė L. Buičėnkienė, konsultavo B. Kerbelytė. Utena, 1996.

Vaitkevičius 2001 — Pasakojamoji tautosaka apie Raigardą ir apylinkes / [parengė] V. Vaitkevičius // Ar tikrai Raigardas prasmego? Kompleksinių tyrimų duomenys. Vilnius, 2001. P. 117–132.

Vaitkevičius 2003 — *Vaitkevičius V.* Alkai: baltų šventviečių studija. Vilnius, 2003.

Vėlius 1995 — Ežeras and milžino delno: Lietuvių liaudies padavimai / parengė N. Vėlius. Vilnius, 1995.

Vėlius 1987 — *Vėlius N.* Chtoniskasis lietuvių mitologijos pasaulis: folklorinio velnio analizė. Vilnius, 1987.

West 2007 — *West M. L.* Indo-European poetry and myth. Oxford, 2007.

Zahorski 1925 — *Zahorski W.* Podania i legendy Wileńskie. Wilno, 1925.

Dainius Razauskas

The Vedic “Breaker-Down of Forts” and his Baltic Analogues: Confirming the Mythological Origin of the Image

The article is an attempt to present the final proof of the mythological origin, instead of the historical one, of the image of the Vedic Thunderer Indra as *puramdará* “breaker-down of forts” (Ralph T. H. Griffith), or “stronghold-splitter” (Stephanie W. Jamison and Joel P. Brereton). The proof can be found in the Baltic (Lithuanian, Latvian and partly Byelorussian) analogues of the image. One Lithuanian example: *Pasakojama, kad velnias iš akmenų statęs pilį. Perkūnas pastebėjęs, trenkęs ir sudaužęs pilį* “They say that the devil had been building a fort (or stronghold, castle) of stones. (The thunder-god) Perkūnas beheld that, smote, and destroyed the fort,” etc. Moreover, Lith. *pilis* and Lat. *pils* are exact linguistic equivalents to Vedic *pur*, *pura*, *puri*, etc. It is also probable that there is a connection between the Baltic devil Lith. *velnias*, Lat. *velns* and the Vedic stronghold-demon *vala*. As the Baltic devil is a purely mythological being that usually hides from the Thunderer under big stones, stone piles, and stone constructions, it is unlikely that there is even a slightest hint of any historical event behind the plot. The same applies to his ‘forts’ destroyed by the Thunder-god (cf. Lith. *griauti* “to thunder” and at the same time “to destroy”). Mythology can serve and has often served as an explanation of common life events, hence the quasi-historical legends, as the following Latvian one about the mound near the homestead Sakaiņu: *Kādreiz pils īpašnieks apbraukājis savus lau-*

kus. Ceļā uznākusi liela vētra un pērkoņa negaiss. Līdz ar kādu pērkoņa grāvieniu pils nogrimusi “Once the landlord of the castle was taking a tour around his fields, when a heavy thunderstorm started. One of the thunderbolts made the castle collapse” The origin of the plot (particularly when the owner of the castle or manor is equated to devil) is apparently mythological, not historical. A similar parallel can be drawn with the case of the Vedic “breaker-down of forts” Indra: even if it reflected a real event of warfare, the image itself sheerly originates in mythology, not in history.

Key-words: Vedic Indra as *puramdará* “breaker-down of forts”, Baltic thunder-god in the same role, mythology instead of history

Л. Н. ВИНОГРАДОВА
(Институт славяноведения РАН, Москва)

**«ОДУХОТВОРЕННЫЙ ТОПОС»:
МЕСТА ПРИРОДНОГО ПРОСТРАНСТВА,
ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ ДУХАМ-ХОЗЯЕВАМ**

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.11

Кроме универсального для самых разных (и природоведческих, и гуманитарных) наук термина *пространство* все мы пользуемся набором более или менее терминологизированных слов и выражений: «локус», «место», «топос», «ландшафт», «географическое пространство», «природная среда», «территория», «среда обитания» и др. И интуитивно понимаем, что все обозначенные этими терминами понятия входят в ряд пространственных категорий, но что они не тождественны друг другу, так как каждый из них обладает еще какими-то дополнительными оттенками значений и своей собственной, индивидуальной семантикой. Благодаря работам В. Н. Топорова и его последователей в настоящее время удалось в какой-то степени упорядочить систему отношений между этими понятиями и прояснить характер их различий.

Если в естественных научных дисциплинах пространство определяется как форма существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом, и осмысливается как геометризованное, бесконечное, гомогенное (однородное по составу), непрерывное и равноценное в каждой своей части, то для носителей традиционной культуры важными являются принципиально иные характеристики восприятия этой важнейшей категории мироустройства. В мифопоэтической картине мира пространство, как об этом пишет В. Н. Топоров, «одушевляется» присутствием человека, оно как бы «прочитывается» человеком, находящимся в некой центральной точке этого мирового пространства. Оно изначально «вещно» и вне ве-

щей не существует (Топоров 1983: 228). Но главными его свойствами в этой мифологической системе координат оказываются следующие признаки: пространство мыслится как дискретное, ибо представлено множеством материальных объектов или отдельных участков; гетерогенное (неоднородное по составу); ценностно-разнокачественное (хорошее и плохое); как конечное, структурированное определенными внешними и внутренними границами; оно может существовать в формах реального (физического) и ментального измерения, т. е. это и среда обитания людей в земном мире, и воображаемый потусторонний мир. Само слово *пространство* в русском языке «обладает исключительной мифопоэтической выразительностью». Его внутренняя форма **pro-stor-* восходит к таким смыслам, как ‘вперед, вширь, расширение, развертывание изнутри вовне, выход в свободный, открытый мир’ (Топоров 1982: 340–342).

Что касается соотношения категорий пространства и места, то первое из них может условно мыслиться как неопределенно протяженное, безличное и «ничье», тогда как второе, т. е. место, предполагает обязательное наличие своего субъекта, оно всегда чем-то занято или для чего-то предназначено, это всегда «чье-то место» (Толстая 2011: 324). В этом смысле ведущий признак понятия «места» — быть «вместилищем» чего-то, а знаками выделенности места из ряда прочих подобных участков пространства являются: 1. наличие в нем «вещей» (и антропогенных, и природных объектов) и 2. наделение этого участка особыми характерными для него признаками, в том числе — собственным именем/названием. Место не могло мыслиться пустым, беспризнаковым и безымянным. Оно всегда заполнено (или предназначено для заполнения), «вещно» и поименовано (Топоров 2004: 14).

Таким образом, при попытках дать понятию места более или менее строгую дефиницию в современных гуманитарных науках обнаруживается тенденция к выделению трех важнейших (конституирующих) признаков. Во-первых, это свойство места быть вместилищем чего-либо (ср. словарное определение русской лексики *место* —

«часть пространства, которое занято или может быть занято кем-либо, чем-либо»); во-вторых, это признак практической или ментальной освоенности места человеком и, в-третьих, как самое очевидное свойство места — наличие границ, т. е. место — это ограниченный в своей протяженности участок пространства, отличающийся по каким-то признакам от других подобных же участков (Топоров 2004: 12–29).

Под «освоенностью» места обычно понимается утилитарно-практическая сторона овладения пространством, т. е. та или иная степень хозяйственной обустроенности ландшафта, его окультуривания, оживления, одомашнивания. Между тем — как показывают топонимические исследования — дикая, не освоенная и малопригодная для хозяйственно-промысловой деятельности часть природного пространства привлекает самое пристальное внимание человека традиционной культуры, который воспринимает эти ландшафтные объекты как «чужие», «нечистые», опасные, принадлежащие сверхъестественным силам. Они маркируются в сознании местных жителей и способами именования, и правилами ритуального поведения людей, вступающих в это место.

Результатом утилитарно-практического освоения территории проживания этноса является, как известно, создававшийся на протяжении длительного времени культурный ландшафт, который формируется прежде всего за счет комплекса антропогенных объектов: имеются в виду типы жилых и хозяйственных построек, культовые сооружения (храмы, часовни, обетные кресты, памятники), коммуникации (дороги, тропы, настилы, переправы, мосты), разного рода ограждения (заборы и ограды дворов, ограждения прицерковных участков, всего села, кладбища). К числу освоенных относятся также некоторые природные, но включенные в культурный ландшафт особо почитаемые локусы и объекты (ближайшие к селу «святые» ключи и источники, культовые деревья и камни, т. е. особым образом обустроенные места паломнических поклонений и жертвоприношений). Наконец, как результат практического освоения выступают (и тоже

включаются в культурный ландшафт) общесельские возделанные угодья: разделенные оградами, межами, пограничными знаками, тропами земельные наделы, пашни, огороды, сенокосы, пастбища. Они хоть и удалены от жилой зоны, но считаются «своим» пространством, отвоеванным у дикой природы (Лобач 2013: 39–45). А весь остальной неосвоенный природный ландшафт принадлежит сфере отдаленного «чужого» мира; относительная степень его освоенности определяется лишь проложенными тропами и дорогами либо визуально отмеченными знаками принадлежности миру людей (например, участки леса и прибрежной зоны, используемые для заготовки дров, бортничества, сбора грибов и ягод, охотничьего промысла, ловли рыбы и т. п.).

Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые участки дикой природы, расположенные вблизи жилья, могли различаться и по практическому применению (освоенные/неосвоенные места), и по терминологическому их обозначению. Так, для населения Русского Севера было свойственно различать две стороны ближайшего от села леса. Одна из них называлась *своя сторона, наша сторона, правая, домашняя*, тогда как труднопроходимые участки глухого леса (либо те, что находятся за рекой, за болотом, за оврагом) именовались *не тая сторона, обратная сторона, другая, левая, лесная* и т. п. (Криничная 2011: 50–51). Родители начинали особенно тревожиться, если дети убегали играть *не в тую сторону леса*. При этом выражения *правая / левая сторона* носят не прямой, а условный характер, который раскрывает оценочный подход в восприятии ландшафта: *плохое / хорошее, свое / чужое* пространство.

Под ментальным освоением пространства понимается семиотическая или символическая интерпретация окружающих локусов, связанная с мифопоэтическим осмыслением мира. К числу способов такого ментального освоения конкретного локуса относятся прежде всего такие акты, как: именованье (т. е. наделение конкретного участка собственным названием/топонимом) и аксиологическая разметка (т. е. экспликация оценочных характеристик места: *хоро-*

шее / плохое место, чистое / нечистое, домашнее / дикое, свое / чужое, опасное / безопасное). Кроме того, признаками культурного освоения пространства может служить своя особая, местная «сакральная топография», включающая и «святые» места, и топосы, которым приписываются свойства «чудесного», «потустороннего», «демонического», либо локусы, наделенные свойствами сохранять память о каких-либо знаковых (исторических или бытовых) событиях, а также о мифологически значимых (легендарных) прецедентах: место мифического зарытого клада; место, где когда-то провалился под землю храм или случилось чудесное явление, место захоронения культурных героев, «нечистых» покойников.

Если говорить о способах именовании места, то наглядным примером могут служить севернорусские демонические топонимы, свидетельствующие о принадлежности природного локуса персонажам нечистой силы (*Лешева тропа, Ведьмина горка*) либо о плохой репутации места: *нечистое, поганое, проклятое место, страшное место* (Березович 2000: 211–239). Они относятся, во-первых, к таким ландшафтным реалиям, которые характеризуются как непроходимые, трудные для освоения, отличающиеся неудобной формой рельефа (болота, ямы, овраги, каменные завалы, буреломы), ср.: *Лешеево болото, Лешева зыбка, Бесова гора, Дьяволово место, Чертов овраг, Букин угол*. И во-вторых, к опасным, с точки зрения сельских жителей («страшным», «пугающим», «нечистым»), относятся места гибели людей (*убиенные места*), участки, где якобы постоянно что-то чудится, кто-то мерещится, пугает, сбивает с пути и т. п., ср.: *Нечистый поворот, Поганая лужа, Дикий мыс, Страшный лог, Шальной овражек, Лихое место* (там же: 289–292). Таким образом, с одной стороны, недоступные для практического освоения, а с другой — «страшные», «демонические» места служат главными объектами мифологизации пространственных элементов. Не освоенные (в практическом смысле) людьми ландшафтные участки позволяют предполагать, что они уже освоены некими локативными демонами, духами-«хозяевами».

И человек признаёт за ними право на владение частью земного пространства, поэтому старается вести себя по отношению к ним в соответствии с правилами добрососедства.

Согласно массовым сербским поверьям, *земята не е празна, тя си има стопани* ‘земля не пустует, у нее есть свои духи-хозяева’ (Плотникова 2004: 233); по многочисленным болгарским свидетельствам, *всяко място си има стопан, нивата има стопан* ‘каждое место имеет духа-хозяина; каждая нива имеет духа-хозяина’ (Лулева 2002: 24); по севернорусским народным представлениям, *водяной в воде живет, леший — в лесу, домовый — в подполе, банник — в бане. Везде свой хозяин. На том мир стоит* (Власова 1989: 515). Когда тот или иной участок природного ландшафта оказывается в сфере интересов человека, он считает себя обязанным вступать в диалог с «истинным (мифическим) хозяином» места. Эти отношения, по наблюдениям этнографов, имеют ту же форму, что и отношения между людьми: необходимо соблюдать правила этикета и выполнять условия заключенного тем или иным способом договора (Адоньева 2004: 171).

В качестве основных идентифицирующих признаков, по которым можно распознать духов-«хозяев» локусов (категория мифологических персонажей типа *genius loci*), выступают следующие характеристики: 1. устойчивый тип связи мифологического персонажа с конкретным местом обитания; 2. владение этим участком на правах «хозяина», опекуна-покровителя своего локуса; 3. преимущественная модель номинации духа по названию локуса (ср., например, восточнославянские термины: *лесовик / леший, водяник / водяной, полевик / полевой, болотник, подкустовник, межевик, моховик, боровик, подъяльник, оржавенник* и т. п.) либо по статусу «хозяина» (*лесной хозяин, полевой хозяин, хозяйка Медной горы, уж-господарь*). В белорусской мифологической традиции различались — в зависимости от типологии топких мест (верховые или глубокие болота, грязевые или торфяные, железистые или заросшие лозой и т. п.) — особые разновидности «болотников»: *балóтнік* ‘дух, обитающий в глубоком болоте; *ба́гнік*

‘дух, обитающий в торфяном болоте’; *аржавэнь* ‘дух, обитающий в болотистой воде, покрытой ржавчиной’; *лазавік* ‘дух, обитающий в топких местах, заросших лозой’ (МБ 2011: 24, 38, 40, 269).

Подобные названия локативных духов обычно мотивируются конкретными ландшафтными объектами (лес, вода, поле, гора, болото и т. п.), но на территории Кадуйского р-на Вологодской обл. впервые был зафиксирован термин, напрямую связанный с понятием «места» как такового: *местовóй* ‘мифическое существо, обитающее в определенном месте’. Он является как бы родовым названием для всех духов типа *genii loci* и отражает представление о том, что у каждого участка земли есть свой хозяин: *Может, в земле живёт какой человек, нечистая сила, плохим не должен быть; место-то, где стоишь, там и местовóй* (Атрошенко, Кривошапова 2006: 26).

По степени вредоносности и враждебности к людям различаются локативные духи-«хозяева» дикой природы и мифические «хозяева» одомашненного жилого пространства и строительных объектов, для которых характерен тот же способ номинации по месту обитания (*домовой, дворовой, гуменник, банник, овинник, хлевник, колодечник*). Поскольку вездесущие локативные духи, по народным представлениям, изначально владеют всеми земными участками, первым актом практического освоения природного пространства является ритуал символического разграничения сферы «своего» от сферы «чужого» и заключение договора с мифическими «хозяевами» о мирном сосуществовании. Речь идет о ритуалах задабривания духа-«хозяина», приношения ему жертвы, символического «выкупа» земли, обещания соблюдать правила поведения и т. п. Не случайно в строительных обрядах наиболее ответственным и значимым считается выбор места и начальный этап закладки дома или хозяйственной постройки (когда земля символически выкупается у локативного духа). И строителям, и людям-хозяевам строящегося дома запрещалось убивать обнаруженную на месте строительства змею. По карпатоукраинским поверьям, *коло каждой хаты гад їе. Но ёго убивати не мож, бо кажут,*

то місцевий гад; если его убить, падет домашний скот (ВСЭС 2001: 492).

Отношения между человеком и духами локусов строятся на почтении людьми мифического «хозяина» и определяются целым рядом запретов, предписанных для людей, которые стараются их соблюдать ради своего благополучия: человек должен уважать «хозяйский» статус локативного духа, спрашивать у него разрешения на пребывание в его локусе и на промысловую деятельность в этом месте. Например, для восточнославянской традиции характерно большое число правил и запретов, которые касаются пребывания людей в лесу. Человеку, вступившему в этот локус, следовало поздороваться с лешим и попросить у него разрешения на вход в лес; находясь в лесу, запрещалось громко петь, кричать, смеяться, свистеть, откликаться на чужой голос; если приходилось заночевать в лесу, надо было проявлять осторожность, чтобы случайно не лечь на «лешей тропе»; прежде чем устроиться на ночлег, нужно было испросить на то позволения «хозяина»; за удачу в охоте или собирательстве лесных плодов следовало его отблагодарить. Большая часть суеверных рассказов о лешем построена либо на сюжетах о нарушителях правил поведения в лесу и о способах их наказания мифическим хозяином, либо на сюжетах о договоре, который заключают с лешим пастухи (о помощи в выпасе скота) и охотники (об удаче на охоте). Считалось, что того, кто правильно ведет себя в лесу, мифический «хозяин» оберегает от диких зверей, способствует удачному промыслу, выводит на нужные тропы, спасает от падающего дерева, т. е. непреложность правила выполнять условия договора распространяется на обе стороны.

На Русском Севере при необходимости переночевать в лесной избушке путники непременно соблюдали ритуал «проситься на ночлег», т. е. первый входящий в избу произносил вслух особую магическую формулу. В Архангельской области, например, зафиксированы следующие ее варианты: *Пуста хоромина, пусти меня ночевать*; *Дедушко-хозяюшко, пусти в избушку ночевать, чтобы всё было хорошо, гладко!*; *Дедушко-корминець, пусти ночевать — я тебе не потрону, и ты*

не тронь; Хозяин лесной и хозяин домовый, пусти нас ночевать, чтобы тебе было не тесно, и нам дай место! (Щепанская 2003: 344–345). По своей прагматической направленности подобные формулы содержат не только просьбу разрешить переночевать, но и признаки двустороннего договора: «я не трону, и ты не тронь», «и тебе не тесно, и нам дай место».

Причиной неудач и бедствий в хозяйстве, по народным представлениям, могли служить конфликты не только между человеком и локативным духом, но и между разными мифическими «хозяевами», соседствующими на одной территории. Так, одна из жительниц Пошехонского р-на Ярославской обл. рассказала, что у ее дедушки — после того, как он поселился в новом доме, построенном на месте бывшей дороги, — стали гибнуть телята; когда хозяева обратились к знахарке за разъяснениями, та спросила: *Дом-то у вас поставлен на дороге?* — и, получив утвердительный ответ, заключила: *С одной стороны дороги хозяин [т. е. домовый] и с другой — хозяин [т. е. дух дороги]. Один корм дает, а другой отымает. Может и убить...* (там же: 29).

Попытка описать место действия севернорусских суеверных рассказов как особый персонажированный образ (или как своеобразный мифологический персонаж) была предпринята Н. А. Криничной в исследовании «Крестьянин и природная среда в свете мифологии» (Криничная 2011). В нем разные участки лесного пространства предстают не только как общий фон происходящих событий, но и как активно действующие одухотворенные сверхъестественные силы, с которыми люди, оказавшиеся в лесу, вынуждены взаимодействовать. Так, заночевавший в лесу человек, соблюдая этикетные правила, попросил разрешения устроиться на ночлег под старой сосной: *Сосенка-матушка, пусти ночевать*; ночью он слышит, как кто-то зовет сосну перейти на другое место, а она отвечает: *Нельзя, у меня ночлежник запущен* (там же: 167). В комментариях к этой быличке автор пишет: «Как носитель традиционных воззрений крестьянин видит в природе зеркальное отражение человеческих отношений,

проявляющихся, в частности, в неукоснительном соблюдении закона гостеприимства» (там же: 485).

Одни персонифицированные места лесного пространства — в зависимости от правильного или неправильного поведения человека — изгоняют его из своих пределов, пугают, преследуют криками, посылают страшные видения; другие, наоборот, «держат» путника, не выпускают его за пределы своего локуса, заставляют заблудившихся людей ходить по кругу, возвращаясь в исходный пункт. Например, во многих севернорусских рассказах упоминается локус с признаками особой мифологической отмеченности, который именуется *такó место, э́ко место, тóе место*. Его координаты в реальном пространстве обозначаются как зона отдаленности, трудной проходимости или опасности: *спуск вниз, далеко от села, бурелом страшный, какá-то гора, какй-то болота, место опасно, даже птица там не пролётывала* (там же: 548). Считалось, что мифические хозяева «такого места» не любят, когда человек ведет себя беспечно, бахвалится перед друзьями (*Я-то уж не заблужусь!; Да мы сейчас и вспетки на дорогу выйдем!*). У таких самонадеянных людей мгновенно пропадает дорога, исчезают знакомые тропки, на пути возникают лесные завалы, выбраться из которых помогают только особые магические действия (выворачивание одежды наизнанку, молитвы и заговоры).

Но знаковая (мифологическая) функция того или иного природного локуса может и не быть напрямую связана с общеизвестным персонифицированным образом нечистой силы (с лешим, водяным, полевиком и т. п.). Часто сверхъестественные свойства приписывались местам, с которыми были связаны некие негативные ассоциации: место, куда часто бьет молния; места, где случились несчастные случаи, преступления или самоубийства; локусы внекладбищенских захоронений; участки, где работающие люди часто ранят себя, проливая кровь на землю; где случались драки людей и животных; где совершался ритуал общесельского проклятия (анафема) и т. п.

Одним из свидетельств одухотворенности и персонификации места выступают такие варианты проклятий, в которых в качестве эв-

фемистической замены имени нечистой силы выступают «демонические» локусы. Например, вместо типичного выражения «Черт тебя побери!» используются формулы: рус. *Болото бы тебя побрало!*, *Омут тебя возьми!*, рус. ярослав. *Ляд бы тебя побрал!* (где *ляд* — ‘непригодное для пахоты болотистое место’ и одновременно ‘злой дух, черт’); ср. также белорусские проклятия: *Пропасць цябе вазьмі!*; *Каб цябе агіба взяла!*, где *агіба* — название болота, топкого места (Виноградова 2013: 166).

Как опасные, пугающие и требующие особых мер предосторожности воспринимались в народной культуре все участки природного ландшафта, связанные с водой: места возле источников, болот, топкие участки суши, места возле мостов, настилов и речных переправ. Определенных правил поведения придерживались люди, переправлявшиеся через ручей или реку, переходившие водный рубеж по мосту, преодолевающие кладку через ров или канаву с водой (например, соблюдалось правило сохранять молчание, либо проносились особые молитвы и заговоры, исполнялись ритуалы жертвоприношения воде, использовались специальные обереги). И такое поведение определялось не только реальной опасностью утонуть или увязнуть в трясине, но и чисто мистическими причинами.

В этнологических науках общепризнанной является трактовка популярного фольклорно-мифологического мотива переправы через воду как способа связи с потусторонним миром, лежащим за водной преградой. Представления о переходе душ умерших на тот свет через реку/море — общемировая мифологическая универсалия. У белорусов и сербов эта мифологема реализуется, например, в особом (весьма редком для обрядовой практики славян) поминальном ритуале настилать мостки в память по умершим. Так, по свидетельству Ю. Ф. Крачковского, поминки 40-го дня по умершей женщине у белорусов совершались следующим образом: в лесу срубали сосну, обтесывали ее и везли к ручью или на какое-либо топкое место, делая переправу вроде мостика; вырезали на дереве дату смерти, а затем садились, пили и закусывали, поминая умершую (Крачковский 1874: 159). Такие же

данные приводятся В. П. Шейном для Гродненской губ.: в один из поминальных дней родственники умершего сооружали в болотистых местах мощные переходы, чтобы каждый проходящий по ним помянул бы покойника (Шейн 1902: 491). Подобный обряд зафиксирован также в селах восточной Сербии: для того чтобы душа смогла перейти на тот свет, родственники умершего перебрасывали через ручей бревно или доски. Особенно часто это делалось в память о людях, умерших вдали от дома (ГЕМБ 1975/38: 151).

Известно, что Н. М. Гальковский в своем знаменитом труде «Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси» называл труднообъяснимым («темным местом» в тексте) встретившееся в древнерусских источниках выражение: *мосты чинят по мертвых* и высказывал предположение, что речь, по-видимому, идет о поминальной хлебной выпечке: «...такие наименования могли быть даваемы печеньям, поставленным на трапезах в честь мертвых» (Гальковский 1916: 202–203). Мне же представляется, что это выражение могло иметь отношение именно к уцелевшему в некоторых местах Славии поминальному обряду «стелить мосты» для облегчения перехода в иной мир душе умершего. Показательно, что этот же мотив «строительства моста» для встречи колядников, осмысляемых как потусторонние пришельцы, широко представлен в карпатоукраинских колядных песнях, ср. призывы рубить сосну, сколачивать доски, мостить мостки для пришедших издалека гостей-колядников (Виноградова 1982: 158–159).

Все эти исторические и фольклорно-этнографические свидетельства об обычае «стелить мостки» в топких местах по душам умерших людей приведены нами для того, чтобы подчеркнуть исключительную ценность заново полученной в недавнее время информации на эту же тему. В 2008 г. белорусскому этнографу В. А. Лобачу удалось записать в Борисовском р-не Минской обл. уникальное (и, по-моему, оставшееся не замеченным специалистами) сообщение: *на помін души памерлых людзей* родственники перекидывали через ручей или топкое место легкие мостки, настилы (*кладки*). При этом они вырезали на досках изображения таких частей тела (рисунок руки, ноги, уха, глаза), об

исцелении которых просили у своих родовых предков. Таким образом, ритуал мощения мостков в данном случае исполнялся, во-первых, как обязательство со стороны людей обеспечить душам доступный переход с того света и обратно в поминальные дни, а во-вторых, как адресованная предкам просьба об исцелении больных частей тела (Лобач 2013: 181). Этот замечательный пример демонстрирует один из механизмов ритуального (и одновременно утилитарно-практического) освоения места. Главным признаком, на основе которого осуществлялась в данном случае концептуализация и аксиологическая интерпретация природных локусов, является наличие воды или болота.

Таким образом, мифологически значимыми в народной культуре являются не только места, обозначенные собственным именем-названием (топонимом), но и участки природного ландшафта, наделенные специфической «признаковостью», т. е. особыми знаковыми приметами. К ним могут быть причислены все так называемые хтонические локусы, приближенные к сфере потустороннего (ямы, овраги, низменности, заболоченные места, участки суши, соседствующие с водой, труднодоступные заросли и т. п.), а также многообразные пограничные зоны (пороги жилища; границы своего двора, села; ограда кладбищ; межевые полосы, разделяющие соседние участки поля; развилки и перекрестки дорог; пограничья между лесом и полем). Что же касается способов ментального освоения места, то среди них принципиально важными оказываются: языковая (терминологическая) форма; семиотическая выделенность, связанная с комплексом мифологических представлений о локусе; а кроме того, ритуальная форма, предполагающая особый тип поведения человека в конкретном месте.

Идеальный образ «своего», «хорошего», освоенного человеком, безопасного места можно реконструировать на основе фольклорного мотива (широко известного в восточно- и южнославянских лечебных заговорах), в котором болезни изгоняются в пустой, безжизненный, потусторонний мир, где ничего не происходит. Этот мир небытия описывается в заговорах как темный, безвучный и неподвижный: там не

светит солнце, не блестит месяц, не веет ветер, не растет трава, не поют птицы, не квакают жабы, не лают собаки, не поют петухи, не гочут гуси, не ступает нога человека, не стучат топоры, не плачут дети, не звучат песни, не слышен человеческий голос, не вьется лоза, не роят злаки, не пасется скот, там парень не машет косой, девушка не плетет косу, а казак не ездит верхом и т. п. (Агапкина 2008: 16–17). Если убрать все отрицания в этих стереотипных формулах-характеристиках того света, мы получим оптимальную картину того, как должен выглядеть обжитой, благоустроенный, одомашненный мир, пригодный для проживания людей.

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина 2008 — *Агапкина Т. А.* ...Где птицы не залетают, где звери не забегают (Об одном мотиве восточнославянских заговоров) // *Этнолингвистика* проучавања српског и других словенских језика. У част академика Светлане Толстој. Београд, 2008. С. 15–23.

Адоньева 2004 — *Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора. СПб., 2004.

Атрошенко, Кривошапова 2006 — *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А.* Мифологические сюжеты в Вологодской традиции // *Живая старина*. 2006. № 4. С. 26–29.

Березович 2000 — *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Виноградова 1982 — *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: генезис и типология колядования. М., 1982.

Виноградова 2013 — *Виноградова Л. Н.* Демонологические образы и мотивы в жанре славянских проклятий // *In Umbra: демонология как семиотическая система*. Альманах. Вып. 2. М., 2013. С. 159–176.

Власова 1989 — *Власова М. Н.* Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб., 1998.

ВСЭС 2001 — *Восточнославянский этнолингвистический сборник*. М., 2001.

Гальковский 1916 — *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Репринт. изд. М., 2000. Т. 1.

ГЕМБ 1975/38 — Гласник Етнографског Музеја у Београду. Књ. 38. Београд, 1975.

Крачковский 1874 — *Крачковский Ю. Ф.* Быт западнорусского селянина. М., 1874.

Криничная 2011 — *Криничная Н. А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М., 2011.

Лобач 2013 — *Лобач У. А.* Міф. Прастора. Чалавек: Традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве. Мінск, 2013.

Лулева 2002 — *Лулева А.* Светът на вещите в традиционния български дом. София, 2002.

МБ 2011 — Міфалогія беларусаў: энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2011.

Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Толстая 2011 — *Толстая С. М.* Семантика места и времени в севернорусской свадебной причете // Пространство и время в языке и культуре. М., 2011. С. 323–344.

Топоров 1982 — *Топоров В. Н.* Пространство // Мифы народов мира: энциклопедия. М., 1982. Т. 2. С. 340–342.

Топоров 1983 — *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М., 1983. С. 227–285.

Топоров 2004 — *Топоров В. Н.* О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения Н. И. Толстого. М., 2004. С. 12–106.

Шейн 1902 — *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902. Т. 3: Описание жилища, одежды, пищи, занятий; препровождение времени, игры, верования, обычное право; чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы и т. д.

Щепанская 2003 — *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

L. N. Vinogradova

**Inspired topos:
places of natural space belonging to the *genii loci***

The article is devoted to the locative code of folk culture. It examines the specific loci of natural space, seen as demonic ones, which belong to the *genii loci*. Signs of spirituality and personalization of natural places are: naming of the locus by demonic terms; axiological interpretation of the space (bad-good places); behavior of a person who has entered into a “not himself” locus: keeping a number of prohibitions, use of etiquette forms of treatment, greetings, requests, thanks, which are addressed to the spirits.

Key-words: Slavic mythology, locative code of culture, the category of space, folk demonology, mythological *genii loci*.

М. М. ВАЛЕНЦОВА
(Институт славяноведения РАН, Москва)

ОБ ОДНОЙ АРХАИЧЕСКОЙ МИФОЛОГЕМЕ ГРАДА

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.12

Импульсом для размышления о возможном влиянии архаических мифологических представлений на номинацию града послужило редкое название этого вида осадков с корнем ⁺*kamen-*, известное, кажется, только в словацких и русинских (на территории Восточной Словакии) диалектах. Это вошедшее в литературный язык словац. *kamenec* ‘кусочки льда, падающие как дождевые капли, град (krúpy)’, син. *ľadovec* (SSSJ: 511), ‘град’ (Kott 6: 556), диал. *kamenec* ‘град (= ľadovec, krúpy)’ (Ломна, окр. Наместово; Бобровец, окр. Липтовски Микулаш, — ср.-словац.; Нижни-Грушов, окр. Михаловец; Свидник, окр. Сабинов, — в.-словац. — SSN: 740), *kameňec* ‘град (ľadovec)’, в то время как термин *krúpy* обозначает более мелкий град (‘ľahší ľadovec’) (Ondrejka, Cifra 1998: 234); когда *kamenec padať* (‘град идет’), сжигали освященные в Вербное воскресенье «барашки» вербы ради оберега (Руска-Быстра, окр. Собранце, — ПМ); *kamenec*: когда выпадал град, женщины бросали градины себе за пазуху (ПМ, Руски-Грабовец, окр. Собранце), *каменець — град. Мало хто гварить грат, ту такой слово небыло в Убли* (Убля, окр. Снина, — ПМ), аналогично в других русинских селах: *каменець* (Улич, Уличске-Криве, Стриговце, Руска-Волова, окр. Снина; Руски-Грабовец, окр. Собранце, в.-словац. — ПМ) или даже *камень* (Уличске-Криве, ПМ)¹.

---

¹ Русинские (в том числе лемковские) словари этого значения не фиксируют (см. Керча 2007, Hnát 2003; Дуда 2011; Šisková 2009; Турчин 2011; Пиртей 2004).

В то время как среди славянских названий града преобладают слова с корнем **grad-*: др.-рус., ц.-слав. *градъ*, рус., укр., блр. *град*, чеш. *hrad*, диал. *hrád*, польск. *grad*, словац. *hrad*, *hrád*, диал. *hrat*, *hrát*, н.-луж. *hrad*, полаб. *grad*, болг. *град*, диал. *grat*, макед., серб.-хорв. *град*, продолжающих, по-видимому, и.-е. **grōdo-* (ЭССЯ 7: 101), также ст.-словен. *grād* (Pleteršnik 1894: 243), *grād* (только в словаре И. Мегисера в XVI в.) и хорв. кайк. *graja* (Pleteršnik 1894: 168), серб.-хорв. *grād* (RHSJ: 362), *grad* (практически неизвестно на северо-западе), серб., болг. *градушка* (Skok 1971: 604).

Также распространены названия с корнем **led-*: серб.-хорв. *led* (Skok 1971: 604), серб.-хорв. *léd* ‘лед, град’, диал. *лед* ‘град’ (Фрушка-Гора), словац. диал. *ľad* ‘лед, град’, русин. *лед* ‘град’ (Керча 2007: 469), рус. диал. *лѣд* ‘град’ (свердл.), чеш. *ledovec*, словац. диал. *ľadovec* (ЭССЯ 14: 91–92, 90), *ľadové krúpy* (Michálek 2011: 266).

Другие названия града мотивированы величиной падающих льдинок (обозначают разные виды града): чаще всего крупные градины называются *градом*, более мелкие и мягкие — *крупой* (укр. *крупн*, серб.-хорв. *krupa*; словац. *krúpy*, *krupanec* — EŁKS 1: 283), русин. *крупá*, ф, *крупы́*, pl. tant. ‘мелкий град, крупа’ (Керча 2007: 450), ср.-чеш. *kroupy*, в.-луж. *kruru*, н.-луж. *kšuru* — Kupiszewski 1969: 81), еще более мелкие — *хмелем* или *солю*: *град* — большие, *хміль* — маленькие кусочки льда... (укр. гуцул. — Хобзей и др. 2013: 622); «не говори *град* — иначе он будет больше бить, скажи *крупн*» (Ричка — Хобзей и др. 2013: 353); серб.-хорв. *солика*, *соља*, *цигани*, *циганчићи* (РСХКJ: 791). В серб.-хорв. также *тища* (Skok 1971: 604).

Этимология термина *каменес* прозрачна: *каменьсь < *камен-* + суфф. *-сь* (ЭССЯ 9: 134–135), семантика которого — ‘маленький камень, камешек’², а словообразовательная модель более близка модели в украинском языке, чем в словацком, ср.: словац. *kaменček*, *kamienok*

² «Краткий этимологический словарь словацкого языка» в качестве возможной версии выдвигает метафорическое подобие по форме града и камешков (Králik 2015: 251).

‘камушек’ (при наличии лексемы в топонимах: *Horný a Dolný Kamenec*, окр. Прьевидза, з.-словац., *Malý a Veľký Kamenec*, окр. Требишов, в.-словац.); укр. *ка́менец* ‘щебень’, *кам’янец* ‘косточка вишни и др. ягод’ (ЕСУМ: 359) и в топонимах *Каменец-Подольский* и др.; русин. *каменец* ‘маленький камешек’ (Убля, окр. Снина; Руски-Грабовец, окр. Собранце, в.-словац. — ПМ)³.

Камень имеет множество мифологических связей и коннотаций. Камню, скале отводится значительное место в Основном мифе, реконструированном В. Н. Топоровым и Вяч. Вс. Ивановым, в том числе отмечается «роль камней в мифе о Боге Грозы» (Иванов, Топоров 1974: 13). В последние годы тема камня активно разрабатывалась на международных конференциях, проводившихся на базе Института мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, материалы которых вышли отдельными сборниками⁴.

Камень играет немаловажную роль в метеорологических представлениях и метеорологической магии славян. В этом смысле упомянутые выше «каменные» названия града следует рассматривать в одном контексте с поверьями о буре, грозе, громе и молнии, которые чрезвычайно нагружены символически и мифологически.

Прежде всего в славянских (как и в других европейских) традициях камень мифологически связан с громом и молнией: в поверьях о каменных стрелах — оружии бога-громовника, Перуна, о «перуновом камне (скале)», «перуновой стреле» и под.: бел. *p' éran, skalá* ‘удар молнии’ (букв. «перун = гром», «камень») (Судник 1979: 75); полес. о громе: *Скалá лэты́ць, стрилá лэты́ць; Скалá — тó, шо грим бье* (Березичи, волын. — ПА); польск. *kamień (kamyszek) piorunowy (od pioruna, z pioruna, pioruński, grzmotowy, gromowy), kamuj pierunów* (букв. ‘перунов (от перуна, громовой) камень’) ‘громовая стрела; бе-

³ Ср. еще рус. диал. воронеж. *каменец* ‘камешек’, ‘груда камней’ (СРНГ 13: 17).

⁴ См. Живой камень 2015; Диалог с камнем 2016, а также другие публикации названного Института.

лемнит'; ср. в польских исторических материалах XVII в.: *Powiadają, że kamień piorunowy z chmur wypadła z piorunem* 'Говорят, что перунов камень из туч выпадает с громом' (Kupiszewski 1969: 69) и др.

В связи с громом камень в качестве оберега используется и в обрядовых действиях славян с различной мотивировкой: чтобы не бояться грома, чтобы не болела голова, спина, чтобы не болеть вообще, надо, услышав гром в первый раз весной, слегка постучать себя по голове камнем или перебросить камень (три камня) через голову. Такие действия многочисленны в Полесье, в разных регионах Словакии, известны в Польше, Чехии, Моравии, Болгарии. При этом произносили ритуальные формулы: *Зализна голова, ни бийся гримоту* (Бельск, брест. — ПА), з.-укр. *Камінь голова, камінь голова*, а пожилые добавляли: «Пусть у меня тогда голова заболит, когда я буду ребенка рожать!», что делалось не только для профилактики головной боли, но и для того, чтобы молния не ударила в человека (Раховщина — Красиков 2017: 144). Русины Восточной Словакии приговаривали: *Гремить, гремить, в мене голова не болить, бодай ня тоди заболіла, як каменец згорить* 'Гремит, гремит, у меня голова не болит, Пусть она тогда заболит, когда камешек сгорит' (Руски-Грабовец, окр. Собранце — ПМ); словац. *Moja hlava kamenná, nebojí sa hrmenia* 'У меня голова каменная, не боится грома' (EĽKS 1: 52), словац. *Hermi dudni v kovaľovej studni, nebojim še hermeňa, moja hlava s kameňa* 'Гремит, грохочет в колодце кузнеца, не боюсь грома, моя голова из камня' — и верили, что эти слова охраняют от удара молнии (*od Perúna*) (татранские села — Olejník 1978: 140), на юге Словакии, в регионе Гемер-Малогонт тот, кто боится бури, при первом весеннем громе должен три раза потрясти забор и сказать: *Moje serdco z kameňa, nebojí se hermeňa* 'Мое сердце из камня, не боится грома' (с. Гочов); чтобы не болели зубы, трижды грызли камень (с. Кобельярово) (Michálek 2011: 366). Один из болгарских сюжетов с мотивом «каменной головы», которая не боится грома, вплетен в миф о великанах: великаны росли из земли, как грибы, не боялись грома и во время грозы били себя камнем по голове, говоря: *Камена ми гла-*

вица! Какво ще ми сторииш? ‘У меня каменная голова! Что ты мне, [гром,] сделаешь?’ (Белова 1995: 301)⁵.

Камень, в том числе «громовой», выполняет функцию защиты сельских угодий от грома, молнии и града, ср. полесс. *Слúхають, ў якóм бóце пéриший гром. С тёплага — грóзно лéто будет. Кáмни тудá нáда кúдать* (Золотуха, гомел. — ПА), чехи зарывали «громовой камень» (*hromovú kámen*) на засеянном поле (LK 2: 20). У словаков камень вносят перед Рождеством в дом во время обряда *ocel'ovanie*. Так, в Лишове в день св. Люции мальчики совершали этот обряд, обходя дома с цепью, а кроме того, в каждый дом притаскивали с реки камень и бросали его у двери, перед тем как войти в дом и произнести благопожелание (окр. Крупина, ср.-словац.). В канун дня св. Люции парни «ходили со сталью/кресалом» (*chodili s ocel'ou*): к дверям дома, где живет девушка, приносили большой камень — *ocel'* — за что их угощали. А утром ходили «с кресалом» мальчики, они приносили камни поменьше, которые вносили в комнаты и произносили: *Doniesol som vám oceli, aby sa vám hrnce, misky nebili, re'aze netrhali, sekery nelámali...* ‘Принес я вам сталь, чтобы у вас горшки и миски не бились, цепи не рвались, топоры не ломались...’, за это получали деньги (Дольни-Прандорф и Горни-Прандорф, Гурша, окр. Левице, з.-словац.) (Валенцова 2016: 314–315). Исходная семантика описываемого обряда, скорее всего, заключалась в обереге от небесного огня, молнии⁶, а значит, и камень вносили в дом или прикатывали к дому как оберег от бури, в том числе от бури с градом, аналогичные действия, в основе которых лежит парциальная

⁵ Подробнее эти обрядовые и магические действия в разных славянских традициях описаны в статье: Валенцова 2018.

⁶ Наиболее явно с защитой от грома и молнии связан этот обычай (*ocel'ovanie*), исполняемый в день св. Яна (24.VI): парни ходили по домам с кресалом и кремнем; кресало бросали на землю так, чтобы оно перевернулось, и говорили: *Prinášam vám ocel' a ubil som vám oheň* ‘Принес я вам кресало и убил у вас огонь’, после чего считалось, что дом был защищен от пожара и от молнии (ELKS 2: 224).

магия, отмечались в Полесье: *Як стрелá у хáте, то ўрóде другáя стрела у дом не попадé* (Замошье, гомел. — ПА).

Символика камня-грома, камня-молнии в славянской традиционной культуре пересекается с символикой камня-града. Архаическим традициям, как известно, вообще свойственен синкретизм, нечеткость понятийных границ (как, например, объединение понятий грома и молнии, называемые *перуном*; название молнии словом *hrom* в народном языке чехов и мораван (LK 2: 59); в обрядовых действиях: *Як град идэ, збыраюць ся зэрнетка и даюць розкúшуваты* [последнему ребенку в семье], *шоб грóму нэ боялася* (Грабово, волын. — ПА); в старом словацком поверье о том, что *Paromova, Pierunova strela* ('молния'), если она сопровождается градом, падает на землю в виде громового камня и выходит на поверхность через 7 лет — ELKS 1: 52).

Если в Полесье камень в основном связывается с ударами грома и лишь опосредованно — с градом, то в украинских Карпатах камень явственно предстает как мифологема града. Например, на Гуцульщине верили, что дождь и град приходят из Черногоры⁷. Там есть озеро, и если кто-нибудь бросит в него камень, то сразу будет ливень с градом (Тюдив — Шухевич V: 224) (Хобзей и др. 2013: 644), или в других вариантах: если бросить в озеро камень, из озера выбегает конь со всадником, вода в озере замерзает, и конь скачет по льду и ломает его копытами; в озере, где толкут град, живет *пленета*, предводитель градовых туч, — в это озеро овчары бросают камни и дразнят его, иногда бросают в озеро помеченный камень, а на другой день *планетник* выбрасывает этот камень на берег, и др. (Хобзей и др. 2013: 104–105, 249, 353, 368, 470).

Ср. еще русинское поверье о *хмарнике* (облакопрогоннике) — верили, что он должен был поедать живых птенцов, жаб и... камни: *Кедь пригнав худобу ид водí, та дрібно́й ка́мíня на́метав до себе, як*

---

⁷ Область Карпатских гор на Гуцульщине протяженностью примерно 20 км с вершинами около 2000 м.

волосы орехи ‘Когда пригонит скот к воде, то мелкие камушки наметет в себя, как грецкие орехи’ (Вархол 1985: 231). «Поедание» камней сопоставимо с практикой раскусывать первую градину в магических действиях для прекращения града, известные в Полесье, однако она была возможна лишь при условии ментального тождества «град = камешек».

На глубинном уровне град и камень отождествляются в верованиях о неблагоприятном и даже катастрофическом воздействии человеческого греха на природный порядок и гармонию. У русин записано поверье: «если покрывка ходила простоволосою, то *товды град да-який прийшов, буря, каменец, же поля нищило...*» ‘Если «покрывка» [т. е. девушка, родившая вне брака. — *М. В.*], ходила с непокрытой головой, то тогда град приходил, буря, град, так что поля уничтожало...’ (Вархол 1982: 296). В Полесье (редкое свидетельство): «Если девушка беременной идет к венцу, то в нее должны бросать камни, а то будет град» (Толстые 1982: 72). Мотивация этого действия основывается на вере в то, что «грех» незамужней девушки или «нечестность» невесты навлекают стихийные бедствия — градобитие, засуху, проливные дожди — на всё село. Особенно явственны эти мотивы в болгарской свадебной обрядности: во время града невенчанных супругов выгоняли из дома (болг. *благоевгр.*); родопские болгары видели причину града во внебрачной связи супругов; невеста, скрывшая свой «грех» (нецеломудренность), накликала на семью и всё село градобитие, засуху или неурожай хлеба в течение семи лет (болг. — *Родопы, Бургасский окр.; полес. — Гомельская обл.*); девушку, потерявшую девственность, побивали камнями (ю.-слав.) или изгоняли из дома (черногор.) (Гура 2012: 24, 41, 623, 618).

Бросание в этой обрядовой ситуации камней в «нечестную» девушку / невесту можно считать реализацией ментальной и мифологической связи «камень — град», вербализированной в диалектах Словакии. Ритуальный град камней должен был заменить реальный ледяной град и воспрепятствовать ему нанести ущерб урожаю.

Лексико-семантическая связь града и камня опосредованно представлена также в румынской традиции, где облакопрогонник⁸ — *grindinar* (букв. ‘градовник’) также называется *pietrar* (букв. ‘каменщик’) и *cărămidar* (‘кирпичник’) (Мойсей 2006: 260), что можно считать наиболее близкой параллелью к русинскому и словацкому названию града *kamenec*.

Концептуальная и семантическая связь «камень — град», характерная преимущественно для карпатского ареала и болгарской традиции, лексикализована также в немецких диалектах южной Германии (пограничье с Австрией): *Stein* ‘камень; кирпич; косточка’ — *steinern* ‘hageln’ (‘идти’ [о граде]) (район Гармиш-Партенкирхена — Миттенвальд — Hoheneicher 1996: 61); бавар. *steinern* ‘hageln’; *steineln*, *steindeln* ‘hageln, rieseln’ (‘идет, сыплет град’) (Zehetner 2005: 327)⁹, а также в английском: *hailstone*, *stone* ‘градина’.

«Неожиданный» параллелизм в ряде славянских (словацких и русинских) и германских диалектов наименований града с семей ‘камень’ требует отдельного рассмотрения.

Для общеславянского названия града < и.-е. **grōdo-*, родственного лат. *grandō-*, литов. *grūodas* ‘замерзшие комья земли, грязи’, первоначально, видимо, значение ‘наледь, лед’ из выпавшего града, а также ст.-инд. *hrādūni-* ‘град’ (Machek 2010: 182), семантика камня не прослеживается. Скорее здесь надо видеть метафорическую связь со льдом и в других случаях с крупой как носителем семы ‘бить, дробить’ (ср. также этимологию литовского *grūodas* в: Smoczyński 2007: 206).

В германских языках название града и градин этимологически связано со словами с семантикой ‘камень, галька’: **hagla-* m., n. ‘град’,

⁸ Облакопрогонник — человек, наделенный магическими способностями отводить грозовые и градовые тучи.

⁹ За предоставленный материал диалектных словарей искренне благодарю доцента Ярославского государственного педагогического университета, к. ф. н. М. М. Кондратенко.

др.-исл. *hagl* n. ‘град’; др.-англ. *hagol*, *baegel* m., англ. *hail*, ср.-н.-нем. *hagel*; ст.-в.-нем. *hagal* m., ср.-в.-нем., соврем. в.-нем. *Hagel*. Ср. греч. *κάκληξ* m. ‘камень, галька’ (Fick, Falk, Torp 2003: 53); *kisila* m. ‘песок, маленький камень’, др.-англ. *cisel* m. ‘песок’, ст.-в.-нем. *kisil* m. ‘камешек, крупная градина’, соврем. в.-нем. *Kiesel* ‘галька, кремнь’ (Fick, Falk, Torp 2003: 37), соврем. нем. *hagelstein* ‘крупная градина’. В английских диалектах: *haggle*, ‘to hail’ (‘идти — о граде’) и ‘hail, a hailstone’ (‘град, градина’); также в композитах: *haggle-stone*, *hag-stone* (Wright 1905: 17).

Реальное сходство градин с мелкими камешками, галькой в мифологическом сознании могла соединиться с мотивом «каменного неба», известного в мировой мифологии, в том числе и в индоевропейской. Ср. индоевропейское выражение «порождает огонь с помощью двух камней», описывающее «мифологический мотив высечения огня — молнии с помощью каменного неба и скалы...» (Иванов, Топоров 1997: 530).

В «Словаре избранных синонимов основных индоевропейских языков» отмечается, что лексически «слово для “неба” часто отражает примитивное понимание неба как “покрывала” или “свода”, позже понимаемого в том числе как “каменный” свод. Другой частый источник [наименования] — “туча, облако”». Далее приводятся названия для «неба», среди которых: «авест., др.-перс. *asman*- ‘небо’ наряду с авест. *asan*- ‘камень’ и ‘небо’, санскр. *aśan-aśtan*- ‘камень’ (санскр. *aśtan*- также ‘облако, туча’, значение ‘небо’ редкое и дискуссионное), все первоначально — ‘камень’, таким образом, ‘небо’ как свод из ‘каменя’...» (Buck 1988: 52, 53).

Каменное небо соответствует мифологии Каменного века, тогда как Железному веку — небо железное, например, выкованное верховным богом Гмерти в грузинской мифологии (Сургуладзе 1997: 307). Поэтому «каменные» названия града можно считать реликтами представлений о каменном небе, сохранившимися у индоевропейцев. В. Н. Топоров указывал для сравнения на «миф о космическом яйце

(каменном), из которого возникают небо и земля», «мотив превращения верхней половинки мирового яйца в каменное небо» (Топоров 2010, 1: 74–75, 253)¹⁰. И далее: «Связь культа гор и культа камней (ср. нередкий случай передачи значений ‘камень’, ‘скала’, ‘гора’ одним и тем же корнем) снова возвращает нас к мифологеме о каменном небе, отмеченном у ряда индоевропейских и неиндоевропейских народов (ср. малайское представление о небосводе как камне, скале, *бату хампар*)» (Топоров 2010, 2: 312).

Мифы о «каменном небе» зафиксированы, согласно постоянно дополняемому Указателю Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина, в Полинезии и Микронезии, на Филиппинах, в бантуязычной Африке, Парагвае (Чако), у нанайцев, индейцев чироки — о небе, поднятом над землей богами (или культурными героями), упавшем на землю, подвешенном на веревках или ремнях и т. п. (Березкин, Дувакин).

Причиной повторной мотивации названия града словом ‘камень’ в южногерманских диалектах могли бы быть семантические сдвиги в словах *Stein* ‘камень, кирпич, косточка’ (этимологически восходящее к и.-е. основе **stāi*, **stei*, **stī* ‘твердеть; камень’ — Klein 1966–1967: 1518), *Kies(el)* ‘галька, гольш, кремь’, *Hagel* (предположительно от и.-е. **kaghlo-* ‘галька, камень’ — Klein 1966–1967: 696). Современные значения *Stein* более близки к значениям русинского *каменец*.

Этот факт заставляет искать импульс для именованя града *kamenec* именно в карпатском ареале, где славянские племена в разное

---

¹⁰ В. Н. Топоров привел также соответствующую литературу по данному вопросу: «Н. Reichelt. Der steinere Himmel // Indogermanische Forschungen. Bd. 32. 1913: 23 ff.; F. Ramovs. Der steinere Himmel bei den Slaven // Archiv für slavische Philologie. Bd. 36. 1916: 457 ff.; В. Gutmann. Dichtungen und Denken der Dschagganeger. Leipzig, 1909: 179 и др. О каменном небе и о развитии алтаря из камня см. И. Г. Франк-Каменецкий. К космической семантике «каменя» и «металла» // Академия наук — Н. Я. Марру. М.; Л., 1935: 573 и сл. (там же литература вопроса)» (Топоров 2010, 1: 253, сн. 90).

время находились в тесном контакте со средневековыми германскими племенами герулов, лангобардов, гепидов.

Вероятно, для обмена мифологическими идеями имеют также значение завоевания гуннов и аваров в данном регионе¹¹, аналогичное влиянию на земли к югу от Дуная, оказанному протоболгарами, тюркоязычными племенами кочевников, объединенными общим этнонимом «булгары». Они входили в племенной союз гуннов и вместе с ними совершали нападения на римские придунайские владения. Успешные действия хана Аспаруха, завоевание территорий в современной Болгарии, распространение его власти на славянские племена привели в конце концов к созданию Болгарского государства и последующей интеграции в него пограничных славянских племен (Тышкова-Заимова 1991).

Не вдаваясь в исторические подробности, можно полагать, что тюрко-монгольское влияние в Паннонии, Моравии, Фракии, Македонии, Мезии и др. областях карпато-балканского региона в V–IX вв. было значительным и достаточно длительным, что дает возможность говорить и о влиянии в культурной сфере, включая мифологические представления.

Для нашей темы важно, что мотив «каменного града» представлен, как показывает электронный указатель Ю. Е. Березкина, у бурят, казахов и у ряда кавказских народов, что вписывается в контекст древних миграций гуннов, авар, протоболгар, увлекавших по пути на запад и другие народы, включенные позже в возникшие империи¹².

---

¹¹ Вот лишь несколько цитат: «Данные археологии показывают, что в течение VII в. происходит стирание различий в материальной культуре романизованного населения, гепидов и реликтового германского субстрата»; при этом «гепиды сохраняли свои обычаи, не участвовали в походах аваров и существовали как особый этнос вплоть до VIII–IX вв.». Можно говорить «о глубоком этническом симбиозе аваров со славянами в Паннонии» уже к началу VII в. (Авенариус 1991: 28, 29). См. также: Кланица, Тржештик 1991.

¹² Например, гунны создали к середине V в. огромное объединение от Волги и Кавказа до Рейна с центром в Паннонии.

Мотив «каменного града», согласно Ю. Е. Березкину, представлен в сюжете М90 («Змей угадывает материал», АТУ 857): в бурятском мифе красавица *Тэбэк-ногон-абаха* посылает на 58-головое чудовище *мангатхай* каменный град, пробивающий ему все головы.

В сюжете К139 («Подгоревший фазан») бурятский герой путешествует к сыну Солнца, где встречает старика, который «пытается обратно вдунуть каменный град и ливень, которые пропускает через небесные двери»; в другом сюжете выступает «железный град», убивающий нойона и воинов.

У казахов рассказывают о птице Самрук, с прилетом которой «поднялся ветер, пошел каменный град» (в сюжете П3А «Рогатый змей»).

Сюжет К27L1 («Вмерзнуть в лед») имеет черты, напоминающие болгарские легенды о великанах, бьющих себя по голове камнями, и карпатоукраинские поверья о замерзающем от брошенного в него камня озере, из которого нечистые души добывают град: у карачаевцев и балкарцев *эмеген* (великан), не дающий нартам добыть огонь с неба, легко отбивает головой камни; входит в озеро, где герой Сосурук его замораживает; у абхазов в аналогичном сюжете о добывании героем огня великан разбивает головой камни, выпивает кипящий отвар; дает себе вмерзнуть в лед; у сванов *дэв* «без ущерба для себя подставляет под камни голову, глотает раскаленные плуги; входит по горло в реку, которую герой Шавай замораживает...

В мифах Внутренней Монголии дракону, отвечавшему за облака и дождь, «скормили камни — пошел град; тогда скормили железную цепь, налепив сверху теста, будто пирожки; дракон стал просить пощады, с тех пор посылает дождь» (сюжет П3А «Рогатый змей»).

Образ змея и дракона в монгольском мифе составляет, кажется, еще одну параллель к славянским сюжетам о (каменном) граде. В карпато-балканских славянских традициях известен сюжет о *змеином камне*, или о камне (иногда — алмазе), *выдуваемом змеями*, как и другие сюжеты о змее и камне (см., например: Гура 1997: 321–322). В них, как кажется, сохранилась, хоть и видоизмененная, древняя

связь змея как погодного демона¹³ и камня как символа града и молнии — связи, описываемой теперь словами, потерявшими свое мифопоэтическое значение и ставшими обозначением обычной змеи и почти обычного камня, появляющегося, правда, необычным образом из змеиной слюны. В этом смысле показательно употребление русинской информанткой слова *каменец*, известного в значениях ‘град’ и ‘камешек’ в рассказе о «змеином камне» (ср. словац. *hadí kameň*; *hadý kameň dijú*): [Рассказывали ли, что змеи собираются и «выдувают камень»?] *Йой, то вони як ся парують, то там є ай дваццять, ай триццять доведна, люди утікавуть от тога... То є схуза ‘Ой, это когда они паруются, то там их двадцать-тридцать собирается вместе, люди убегают оттуда. Это сходка? [Как называлась эта сходка?] Но то так, же каменец дувуть, дують камень, за то, же так споду, бьють ся на фрайраках... то лем у ярі, як коцури, у юни ‘Ну так, что они камешек дуют, дуют камень, потому что они там вместе, бьются за самок, это только весной, как коты, в июне’ [Ну, так как же — камень или каменец?] Не, лем так са кличе... чи камень не дус?.. буває, гей, надус такой паранный, беямантовей, не знав, вуткі ме надуло. Из сліны? ‘Ну, это только так называется... или камень не дуют?.. бывает, правда, надуют такой красивый, бриллиантовый, неизвестно, откуда его надули? Из слюны?’ (Руски-Грабовец, окр. Снина — ПМ).*

Затронутая тема, безусловно, не исчерпана, скорее только намечена, потому что она продолжается в других сюжетах, связанных с нею или ее отдельными сюжетами и лексемами. Но уже сейчас на основе приведенного материала можно говорить о том, что в славянских представлениях о соотношенности града и камня, т. е. о граде как камешках, сыплющихся с (каменного) неба, представлениях, лексикализованных

---

¹³ Согласно славянским нарративам, дракон получается из змеи (или из полоза, произошедшего, в свою очередь, из змеи), которую определенное количество лет не видел человеческий глаз (или она столько лет не слышала колокольного звона и т. п.).

в русинской и словацкой традициях в названии града словом *katenes*, возможно, сохранилась индоевропейская архаика (реализованная также в украинских поверьях о наказании за «нечестность» невесты, славяно-карпатских ритуалах при первом громе, поверьях об облако-прогоннике и погодном драконе, о «змеином камне», равно как и в германских этимологических связях града с камнем). Не исключено, что эта архаика была дополнена и поддержана в карпато-балканском ареале влиянием тюрко-монгольских мотивов о «каменном граде», попавших сюда в результате миграции кочевых народов — гуннов, аваров, болгар, — ассимилировавших и ассимилированных на новой территории обитавшими здесь древними германскими, романскими и славянскими племенами.

ЛИТЕРАТУРА

Авенариус 1991 — *Авенариус А.* Авары и славяне. «Держава Само» // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991. С. 26–37.

Белова 1995 — *Белова О. В.* Великан // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 301–302.

Березкин, Дувакин — *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/>

Валенцова 2016 — *Валенцова М. М.* Народный календарь чехов и словаков. М., 2016.

Валенцова 2018 — *Валенцова М. М.* «Каменная моя голова...»: об одном обычае при первом громе // Живая старина. 2018. № 4. С. 6–9.

Вархол 1982 — *Вархол Н.* Жінка-демон в народному повір'ї українців Східної Словаччини. Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Т. 10. С. 275–302.

Вархол 1985 — *Вархол Н.* Чоловік-демон в народному повір'ї українців Східної Словаччини // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Т. 12. Пряшів, 1985. С. 229–262.

Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Гура 2012 — *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012.

Диалог с камнем 2016 — Диалог с камнем: от природы к культуре / сост. М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян. М., 2016.

Дуда 2011 — *Дуда И.* Лемківський словник. Тернопіль, 2011.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: у 7 т. Т. 2. Київ, 1985.

Живой камень 2015 — Живой камень: от природы к культуре / отв. ред. и сост. Л. О. Зайонц. М., 2015.

Иванов, Топоров 1974 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.

Иванов, Топоров 1997 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Индоевропейская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 1. М., 1997. С. 527–533.

Керча 2007 — *Керча И.* Словник русинсько-руський: у 2 т. Ужгород, 2007.

Кланица, Тржештик 1991 — *Кланица З., Тржештик Д.* Первые славяне в Среднем Подунавье и в Полабье // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991. С. 7–26.

Красиков 2017 — *Красиков М. М.* Побутова магія сьогодні (за матеріалами польових досліджень на Рахівщині 2016 р.) // Традиційна культура в умовах глобалізації: сучасний дискурс щодо збереження та популяризації нематеріальної культурної спадщини. Матеріали науково-практичної конференції 23–24 червня 2017 року. Харків, 2017. С. 141–147.

Мойсей 2006 — *Мойсей А.* О соотношении терминов *соломонар/градовник* в плювиальной практике румыноязычного населения Буковины // *Romanoslavica*. Vol. 41. București, 2006. С. 253–262.

ПА — Полесский архив Института славяноведения РАН, Москва.

Пиртей 2004 — *Пиртей П. С.* Короткий словник лемківських говірок / упоряд. й підгот. до друку Є. Д. Турчин. Івано-Франківськ, 2004.

ПМ — полевые материалы, сделанные в селах Руски-Грабовец и Руска-Быстра (окр. Собранце, Кошицкий край), Убля (окр. Снина, Прешовский край), 2014 г., в составе группы работали также М. Н. Толстая (Институт славяноведения РАН) и К. Женюхова (Институт славистики, Братислава); в селах Улич, Уличске-Криве, Руски-Поток, Руска-Волова, Стриговце, окр. Снина, Руски-Грабовец, окр. Собранце, 2018 г., совместно с М. Н. Толстой (Институт славяноведения РАН).

РСХКЈ — Речник српскохрватскога књижевног језина. Књ. 6. Нови Сад; Загреб, 1967–1976. Књ. 1–6. Друго фототипско издање. Нови Сад, 1990.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Ленинград, 1977.

Судник 1979 — Судник Т. М. Материалы к белор. *p'arun*, лит. *p'akrūnas* в связи с архаичными представлениями // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 229–233.

Сургуладзе 1997 — Сургуладзе И. К. Гмерти // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 1. М., 1997. С. 307.

Толстые 1982 — Толстые Н. И. и С. М. Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. 4. Защита от града в Полесье // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 49–83.

Топоров 2010 — Топоров В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 1, 2. М., 2010.

Турчин 2011 — Турчин Є. Словник села Тилич на Лемківщині. Львів, 2011.

Тыпкова-Заимова 1991 — Тыпкова-Заимова В. Южные славяне, протоболгары и Византия. Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в VII–IX вв. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991. С. 137–150.

Хобзей и др. 2013 — Хобзей Н., Ястремська Т., Сімович О., Дидик-Меуш Г. Гуцульські світи. Лексикон. Львів, 2013.

Шухевич 1–5 — Шухевич В. О. Гуцульщина: у 5-ти т. Львів, 1899–1908.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 7. М., 1980; Вып. 9. М., 1983; Вып. 14. М., 1987.

Buck 1988 — A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas / by Carl Darling Buck with the co-operation of colleagues and assistants. Chicago; London, 1988 (paperback edition of 1949).

ELKS 1–2 — Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. [Bratislava], 1995. T. 1, 2.

Fick, Falk, Torp 2003 — Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen. T. 3: Wortschatz der Germanischen Spracheinheit / by August Fick with contributions by Hjalmar Falk, entirely revised by Alf Torp in 1909. Electronic version created by Sean Crist was generated from the base document on 25 Sep 2003.

Hnát 2003 — *Hnát A.* Krátky rusínsky slovník. Trebišov, 2003. URL: <http://lemko.org>.

Hoheneicher 1996 — *Hoheneicher F. von P. L.* Werdenfelser Altes Bairisch: ein unterhaltsames Mundart-Lexikon Windach, 1996.

Klein 1966–1967 — *Klein E.* A comprehensive etymological dictionary of the English language. Amsterdam; London; New York, 1966–1967. Vol. 1. A–K. 1966; Vol. 2. L–Z. 1967 (продолжающаяся пагинация).

Kott 1–7 — *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fra-seologický. D. 1–7. Praha, 1878–1893. URL: <http://kott.ujc.cas.cz>.

Králik 2015 — *Králik E.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.

Kupiszewski 1969 — *Kupiszewski W.* Słownictwo meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.

LK 1–3 — Lidová kultura. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska / hl. red. St. Brouček a R. Jeřábek. Praha, 2007. Sv. 1–3.

Machek 2010 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 2010.

Michálek 2011 — *Michálek J. a kol.* Gemer-Malohont. Národopisná monografia. Martin, 2011.

Olejník 1978 — *Olejník J.* Ľud pod Tatrami. Martin, 1978.

Ondrejka, Cifra 1998 — *Ondrejka K., Cifra Š.* Slovník stredoslovenského nárečia z Liptovských Sliačov a okolia s pôvodom a hniezdom slov. Bratislava, 1998.

Pleteršnik 1894 — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški Slovar. D. 1. Ljubljana, 1894.

RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Obrađuje P. Budmani. D. 3. Zagreb, 1887–1891.

Šisková 2009 — *Šisková R.* Areálová studie slovní zásoby rusínských nářečí východného Slovenska. Diferenční slovník. Praha, 2009.

Skok 1971 — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / surađivao V. Putanec. T. 1. Zagreb, 1971.

Smoczyński 2007 — *Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007.

SSN — Slovník slovenských nářečí / red. I. Ripka. D. 1. Bratislava, 1994.

SSSJ — Slovník súčasného slovenského jazyka. D. 2. H–L. Bratislava, 2011.

Wright 1905 — The English dialect dictionary, being the complete vocabulary of all dialect words still in use, or known to have been in use during the last two hundred years / ed. by J. Wright. Vol. 3: H–L. Oxford; London; Edinburgh; New York; Toronto, 1905.

Zehetner 2005 — *Zehetner L.* Bairisches Deutsch. Lexikon der deutschen Sprache in Altbayern. Regensburg, 2005.

M. M. Valentsova

On one archaic mythologeme of hail

The article analyzes possible non-linguistic grounds for the nomination of the rare Slavic nomination for hail *каменец* / *kamenec*, known in the Slovak language and dialects and in the Ruthenian dialects of eastern Slovakia. Based on the assumption that obvious linguistic metaphorical motivation may have deeper roots, ritual contexts of isofunctionality and mental correlation of hail and stone, as well as the corresponding mythological beliefs of the Slavs are considered, bringing also comparative material of some other Indo-European and non-Indo-European traditions. The formation in Slavic dialects of the correlation of these concepts occurred, obviously, in the Carpathian region, as shows the presence of similar connections be-

tween hail and stone in languages and traditions that were in contact in this region, including Germanic dialects, the reflection of the “stone” semantics in the name of the weather demon in Romanian tradition, and to some extent motifs of the “stone hail” in Turkic and Mongolian traditions

Key-words: Slavic ethnolinguistics, Slavic mythology, Carpathian region, meteorological magic, thunder, hail, stone hail, stone.

М. В. ЗАВЬЯЛОВА
(Институт славяноведения РАН, Москва)

НАСЛЕДИЕ «СИДОРА КАРПОВИЧА» В СОВРЕМЕННОЙ ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ¹

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.13

Истоки текста о Сидоре Карповиче

В. Н. Топоров в своем исследовании текста о Сидоре Карповиче говорит о способах «передачи традиции <...> от поколения к поколению», считая случай Сидора Карповича примером «устойчивости передачи сообщения во времени» (Топоров 2005: 363). При этом Владимир Николаевич в своих выводах опирался на мифологему имен персонажей, строя свою аргументацию в основном вокруг Сидора, Карпа и Пахома. Напомним, что речь идет о русской народной песне (авторство неизвестно) «Государь ты наш Сидор Карпович», первая фиксация которой относится к 1780 г. Приведем ее полный вариант в орфографии оригинала:

Государь ты нашъ Сидоръ Карповичъ!
Много ль тебѣ на свѣтъ пожить будетъ?
    Семьдесятъ лѣтъ, бабушка, семьдесятъ лѣтъ,
    Семьдесятъ, Пахомовна, семьдесятъ.
Государь ты нашъ Сидоръ Карповичъ!
Когда тебѣ умереть будетъ?
    Въ среду, бабушка, въ среду,
    Въ среду, Пахомовна, въ среду.

---

¹ Благодарю Татьяну Владимировну Цивьян за ценные комментарии и замечания, высказанные в ходе подготовки статьи.

Государь ты нашъ Сидоръ Карповичъ!
Когда тебя погребать будетъ?
Въ пятницу, бабушка, въ пятницу,
Въ пятницу, Пахомовна, въ пятницу.
Государь ты нашъ Сидоръ Карповичъ!
Когда тебя поминать будетъ?
Въ субботу, бабушка, въ субботу,
Въ субботу, Пахомовна, въ субботу.
Государь ты нашъ Сидоръ Карповичъ!
Чѣмъ тебя поминать будетъ?
Блинками, бабушка, блинками,
Блинками, Пахомовна, блинками.
Государь ты нашъ Сидоръ Карповичъ!
Во что послѣ тебя позвонить будетъ?
Въ сковороду, бабушка, въ сковороду,
Въ сковороду, Пахомовна, въ сковороду.
Государь ты нашъ Сидоръ Карповичъ!
Много ли послѣ тебя дѣтушекъ останется?
Семеро, бабушка, семеро,
Семеро, Пахомовна, семеро.
Государь ты нашъ Сидоръ Карповичъ!
Чѣмъ мнѣ поить, кормить будетъ?
По миру, бабушка, по миру,
По миру, Пахомовна, по миру.
Государь ты нашъ Сидоръ Карповичъ!
По миру ходить, зима студена:
Въ лапоткахъ, бабушка, въ лапоткахъ,
Въ лапоткахъ, Пахомовна, въ лапоткахъ.
Государь ты нашъ Сидоръ Карповичъ!
По миру ходить, собаки съѣдятъ:
Съ палочкой, бабушка, съ палочкой,
Съ палочкой, Пахомовна, съ палочкой.
Государь ты нашъ Сидоръ Карповичъ!
По миру ходить, нѣвочто собирать:
Въ сумочку, бабушка, въ сумочку,
Въ сумочку, Пахомовна, въ сумочку.
(Чулков 1780, III: 129).

Тот же вариант представлен в «Юдоли» Лескова (1892). Есть свидетельства того, что в XIX в. песня была весьма популярна. Например, в одной газетной публикации описывается выступление знаменитой певицы конца XIX в. Елены Шишкиной в одном из залов Петербурга: «Нет слов, чтобы описать, например, впечатления от исполнения Еленой в своей аранжировке русской народной песни “Государь мой батюшка, Сидор Карпович” с хором. Зрители были в таком восторге, что только на стены не лезли» (Арышев). Помимо песенного варианта имеется фиксация этого текста и в виде сказки у А. Н. Афанасьева в разделе прибауток (текст полностью повторяет приведенный выше). Разного рода реминисценции этого текста встречаются в русской литературе XIX века. Один из самых интересных вариантов, на которые обращает внимание Владимир Николаевич, — тюремная «игра», описанная Всеволодом Крестовским в романе «Петербургские трущобы» (1864–1866). В процессе «игры» происходит инициация вновь прибывшего сокамерника: один из заключенных, ложась на пол, играет роль «умершего» Сидора Карповича, остальные заключенные разделяются на две группы, встают по обе стороны от «покойника», в ритуале участвует «поп», начинающий петь:

— Умер родимый наш, умер наш Карпович.

Правая часть «хора»: — Государь ты наш, батюшка, Сидор Карпович, как тебя, сударь, прикажешь погребать?

Левая часть «хора»: — В гробе, батюшки, в гробике, в могиле, родимые, в могилушке.

Правая часть «хора»: — Государь ты наш, батюшка, Сидор Карпович, чем тебя, государь, прикажешь зарывать?

Левая часть «хора»: — Землею, батюшки, землицею, землицею, родимые, кладбищенскою.

Правая часть «хора»: — Государь ты наш, батюшка, Сидор Карпович, как с тобой прощаться-расставаться?

Левая часть «хора»: — Все с рыданьем, батюшки, с надгробным, с целованьем, родимые, с расстаношным.

Правая часть «хора»: — Государь ты наш, батюшка, Сидор Карпович, а и чем тебя, сударь, прикажешь поминать?

Левая часть «хора»: — Водочкой, батюшки, водочкой, сивухой, родные, распрегорьюкою.

Правая часть «хора»: — Государь ты наш, батюшка, Сидор Карпович, а и чем прикажешь нам закусывать?

Левая часть «хора»: — Миногами, батюшка, миногами, миножками, родимые, горячими.

[«есть миноги» в тюремном аргю означает «принять наказание плетьюми»] (цит. по: Топоров 1987: 33–34).

При этих словах «новичка» хватали и клали ничком на «покойника», который крепко хватал его руками и ногами, и начинали бить жгутом, «пока не натешились».

Как видно, этот текст лишь отчасти (в основном структурно) повторяет песенный текст о Сидоре Карповиче: в нем роль «покойника» пассивна, за него отвечает хор; отсутствует женский персонаж (Пахомовна), с которым ведется диалог в песне, да и весь смысл ритуала сводится к избивению «новобранца», его своеобразной инициации, заключающейся в символическом соприкосновении со смертью (покойником).

В таком же игровом контексте возникает этот текст в северной народной драме «Маврух», которую тоже приводит Владимир Николаевич в своей статье. Вариант записал И. Е. Ончуков в Онежском уезде от крестьянина Я. С. Бородина в 1907 г. (Ончуков 1911: 134–137). В драме покойницкая игра соединена с инсценировкой песни «Мальбрук в поход собрался», принесенной в северную деревню солдатами или бурлаками, отходниками, и шуточной песни «Государь ты мой, Сидор Карпович». Комический эффект создавался пародированием церковного отпевания, составленного из прибауток и присказок о печеном быке, супружеской ссоре. Местный характер имеет шуточная поморская прибаутка о кораблекрушении. Главными действующими лицами выступают здесь Маврух и Поп. В этой инсценировке представлена

только часть собственно «Сидора Карповича», составляющая меньше половины текста:

Поп. Государь мой батюшко, Сидор Карпович, Много ли тебе веку?

Маврух. Семдесят.

Поп (поет на церковный лад). Семдесят, бабушка, семдесят. Семдесят, Пахомовна, семдесят.

(Спрашивает у Мавруха.)

Государь мой батюшко, Много ли у тебя осталось деток?

Маврух. Семеро, бабушка, семеро, Семеро, Пахомовна, семеро.

Поп. Чем ты их будешь кормить?

Маврух. По миру, бабушка, по миру, По миру, Пахомовна, по миру.

Поп и все (повторяют эту же фразу пением и дальше). По миру, бабушка, по миру, По миру, Пахомовна, по миру.

(цит. по: Фольклорный театр).

Как видно, здесь текст больше соответствует оригиналу, хотя он и редуцирован. Сохраняется диалогическая форма, четырехкратный повтор ответа «Сидора Карповича», персонаж «Пахомовна» (хотя этим именем и называется поп).

Эти примеры дали основание Владимиру Николаевичу реконструировать «прототекст» истории о Сидоре Карповиче как «миф о первой смерти и первых похоронах» (Топоров 1987: 42), в котором Сидор Карпович выступает как «первочеловек», «первопокойник» (там же: 46): «*Сидор Карпович* <...>, а также *Сидор, Карп*, <...> употребляются в значении имярек, как обозначение некоего человека, человека вообще, человека-типа, квантора всеобщности (там же: 43).

Имя Пахомовны Владимир Николаевич соотносит с попом Пахомом (что перекликается с ролью попа в тюремной игре и в драме о Маврухе), т. е. она, надо полагать, является дочерью попа Пахома.

Владимир Николаевич считает тюремную игру вторичной, отмечая, что «обряд похорон, описываемый (и разыгрываемый) с достаточной подробностью, сам по себе оказывается лишь пространством-материалом, на котором разворачивается другой обряд — посвящения,

присяги на верность тюремному братству, т. е. инициации, открывающей через подобие смерти путь к новой жизни» (там же: 41–42).

Г. А. Левинтон и Е. В. Романова, также посвятившие Сидору Карповичу подробную статью, отмечают, что «в тюремном контексте происходит функциональное переосмысление исходного обряда. Не пытаясь восстановить первичные функции такого ритуала, можно с некоторой долей уверенности сказать, что для исторического периода русской крестьянской культуры такой обряд должен был иметь календарную приуроченность. Как известно, в календарном цикле разного рода имитации похорон имеют тенденцию распределяться так, что к святкам относятся различные *игры* с покойником (где роль покойника играет живой человек или — реже — мертвое тело), а к весне и лету — многочисленные ритуальные похороны, как правило, чучел или предметов <...> В тюремном быту обряд приобретает внешние признаки *игры*, “развлечения” <...>, теряет календарную приуроченность, однако в действительности он приобретает новую ритуальную функцию — инициации (причем весьма мучительной) нового обитателя камеры» (Левинтон, Романова 2006: 40). Тем не менее те же авторы замечают, что «в этих текстах <...> настойчиво обнаруживает себя тюремная тема. Если вариант Крестовского — это просто тюремная игра, то “Маврух” относится к той разновидности народных драм (краткий текст, западный источник, малое число актеров), которые также появляются в тюремном контексте» (там же: 39–40). В добавление ко всему Г. А. Левинтон и Е. В. Романова указывают на особое употребление имени Сидор Карпович в тюремном жаргоне: «*Сидор Поликарпович* — это прежде всего блатное, лагерное название интеллигентов (наряду с *Фан Фаныч*)» (там же: 32).

Авторы в своей статье вскользь замечают, что дальнейшая трансформация этого текста привела к появлению туристской песни «Сизая голубка», считая ее вырождением традиционной песни «Сидор Карпович» (там же: 44). Мне показалось интересным проанализировать это «вырождение» (или продолжение?) традиционного текста

про Сидора Карповича и попытаться понять, почему Сидор Карпович лишился имени и превратился в «сизого голубка», а Пахомовна — в Любку – сизую голубку.

Трансформация Сидора Карповича

Прежде всего отметим, что в традиционном тексте о Сидоре Карповиче (несмотря на несомненную похоронную тематику) только половина текста посвящена смерти и похоронам (а если говорить непосредственно о похоронном обряде, только 3 строфы из 10 — тому, когда будут хоронить, чем поминать и во что звонить). Остальная часть текста посвящена жизни вдовы и сирот — тому, как они будут «ходить по миру», и содержит конкретные советы «покойника» вдове Пахомовне, как уберечься от холода, от собак и куда складывать деньги. Этот факт почему-то ускользнул от внимания исследователей. Тем не менее именно эта линия оказалась основополагающей в дальнейшей судьбе песни. О важности ее можно судить и по первому редуцированному варианту исходной песни, который зафиксирован еще в прежнем минорно-лирическом варианте (<https://www.youtube.com/watch?v=VEyr49Kc2h0> — концерт 23.11.2008). Вот его текст:

Государь мой, батюшка, Сидор Карпович,
А когда ж ты, батюшка, прикажешь помирать?
Во среду, матушка, во среду,
Во среду, Пахомовна, во среду.
Государь мой, батюшка, Сидор Карпович,
А куда ж ты детушек прикажешь надевать?
По миру, матушка, по миру,
По миру, Пахомовна, по миру.

Государь мой, батюшка, Сидор Карпович,
А чем же тебя, батюшка, прикажешь поминать?
Водочкой, матушка, водочкой,
Водочкой, Пахомовна, водочкой.

В этом сильно редуцированном варианте помимо зачина осталось только поминовение, но водкой (вместо традиционных блинов), и мотив побирающихся детей, являющийся ключевым. Далее в указанном клипе исполнительница Мила Кикина рассказывает о чрезвычайно эмоциональной реакции тюремной публики на эту песню, что, видимо, свидетельствует о ее популярности в этих кругах.

Описывая дальнейшую судьбу «Сидора Карповича» в народно-песенной культуре, автор книги «Мой песенный роман» Виктор Арышев пишет, что в XX в. эта песня вроде сначала подзабылась, а после войны вдруг всплыла в тюрьмах и в лагерях: «По пересылкам тоже эту песню пели, — по всему ГУЛАГу. Более того: она еще и стала повсеместным ритуалом, — с песней этой делали “прописку” новичкам. Знакомая история уже: обряд примерно тот же был, — но вот слова уже другие, — уркаганские, — да и мотивчик изменился тоже основательно. Печальным, — нарочито грустным, — было только лишь начало песни, а потом она заметно ускорялась: всё быстрее и быстрее, — под конец она уже и вовсе становилась плясовой» (Арышев). Веселой, плясовой эта песня стала, выйдя из блатной, лагерной субкультуры в широкую публику — став сначала туристическо-студенческой, а потом и эстрадной.

В настоящее время зафиксировано огромное количество вариантов с разными названиями: «Сизая голубка», «Бабка Любка», «Милый мой дедочек», «Кому это надо». Наличие множества вариантов, кстати, свидетельствует об активной жизни фольклорного произведения: «Вариативность, прежде всего внутренняя, — это обязательный и, пожалуй, основной критерий фольклорности произведения. Утрата внутренней вариативности, т. е. способности произведения к варьированию, и ее следствие — унификация вариантов — есть сигнал омертвления фольклорного произведения, превращения его в “фольклор по происхождению”» (Башарин 2003: 504).

Приведу только основные варианты современной песни:

Милый мой дедочек — Бабка Любка — Сизая голубка — Кому это надо

Милый мой дедочек (Сизая голубка)	Бабка Любка
Белый день и др.	А. Т. Павлинов, Т. П. Орлова. Ни пуха ни пера. Студенческие и туристские песни. СПб., 2000.
— А когда помрешь ты, милый мой дедочек? А когда помрешь ты, сизый голубочек? — Во середу, бабка, во середу, Любка, Во середу, ты моя сизая голубка.	— А когда уедешь, милый мой дедочек, А когда уедешь, сизый голубочек? — Во середу, бабка, во середу, Любка, Во середу, милая сизая голубка.
— На кого оставишь, милый мой дедочек? На кого оставишь, сизый голубочек? — На деверя, бабка, на деверя, Любка, На деверя, ты моя сизая голубка.	— На кого оставишь, милый мой дедочек, На кого оставишь, сизый голубочек? — На деверя, бабка, на деверя, Любка, На деверя, милая сизая голубка.
— Деверь будет драться, милый мой дедочек, Деверь будет драться, сизый голубочек. — Обороняйся бабка, обороняйся, Любка, Обороняйся, ты моя сизая голубка.	— Деверь будет драться, милый мой дедочек, Деверь будет драться, сизый голубочек. — Боронися, бабка, боронися, Любка, Боронися, милая сизая голубка.
— Чем же борониться, милый мой дедочек? Чем же борониться, сизый голубочек? — Ледорубом, бабка, ледорубом, Любка, Ледорубом, ты моя сизая голубка.	— Чем же борониться, милый мой дедочек, Чем же борониться, сизый голубочек? — Ледорубом, бабка, ледорубом, любка, Ледорубом, милая сизая голубка.

Милый мой дедочек	Милый мой дедочек	Кому это надо
Сиреневый туман: Песенник / сост. А. Денисенко. Новосибирск, 2001.	Песни нашего двора / авт.-сост. Н. В. Белов. Минск, 2003.	В. Цыганова
Вот помру я, бабка, вот помру я, Любка, Вот помру я, ты моя сизая голубка!	Ну когда ж умрешь ты, милый мой дедочек? И когда ж умрешь ты, сизый голубочек? Во середу, бабка, во середу, Любка, Во середу, ты моя сизая голубка.	— Что ты веселишься, милый мой дедочек? Что ты веселишься, сизый голубочек? — От ста граммов бабка, от ста граммов, Любка, От ста граммов, ты моя сизая голубка.
На кого покинешь ты меня, дружок? На кого покинешь, сизый голубочек? На деверя, бабка, на деверя, Любка, На деверя, ты моя сизая голубка!	На кого оставишь, милый мой дедочек? На кого оставишь, сизый голубочек? На деверя, бабка, на деверя, Любка, На деверя, ты моя сизая голубка.	— А куда собрался, милый мой дедочек? Ты куда собрался, сизый голубочек? — Да на дело, бабка, да на дело, Любка, На разборки, ты моя сизая голубка.
Деверь будет драться, милый мой дедочек, Деверь будет драться, сизый голубочек! Боронися, бабка, боронися, Любка, Боронися, ты моя сизая голубка!	Деверь будет драться, милый мой дедочек! Деверь будет драться, сизый голубочек! Боронися, бабка, боронися, Любка, Боронися, ты моя сизая голубка.	— А тебя поймают, милый мой дедочек, А тебя поймают, сизый голубочек. — Не волнуйся, бабка, не волнуйся, Любка, Не волнуйся, ты моя сизая голубка.
Чем же борониться, милый мой дедочек, Чем же борониться, сизый голубочек? Ледорубом, бабка, ледорубом, Любка, Ледорубом, ты моя сизая голубка!	Чем же борониться, милый мой дедочек? Чем же борониться, ты мой голубочек? Ледорубом, бабка, ледорубом, Любка, Ледорубом, ты моя сизая голубка.	— А тебя посадят, милый мой дедочек, А тебя посадят, лысый голубочек. — Спекулируй, бабка спекулируй, Любка, Спекулируй, ты моя сизая голубка.

Милый мой дедочек (Сизая голубка)	Бабка Любка
<p>— Ледоруб тяжелый, милый мой дедочек, Ледоруб тяжелый, сизый голубочек. — Тренируйся, бабка, тренируйся, Любка, Тренируйся, ты моя сизая голубка.</p>	<p>— Ледоруб тяжелый, милый мой дедочек, Ледоруб тяжелый, сизый голубочек. — Тренируйся, бабка, тренируйся, Любка, Тренируйся, милая сизая голубка.</p>
<p>— Где ж тренироваться, милый мой дедочек? Где ж тренироваться, сизый голубочек? — В турпоходе, бабка, в турпоходе, Любка, В турпоходе, ты моя сизая голубка.</p>	<p>— Где ж тренироваться, милый мой дедочек, Где ж тренироваться, сизый голубочек? — В турпоходе, бабка, в турпоходе, Любка, В турпоходе, милая сизая голубка.</p>
<p>— Где достать путевку, милый мой дедочек? Где достать путевку, сизый голубочек? — В профсоюзе, бабка, в профсоюзе, Любка, В профсоюзе, ты моя сизая голубка.</p>	
<p>— Сколько ж она стоит, милый мой дедочек? Сколько ж она стоит, сизый голубочек? — Тыщу двести, бабка, тыщу двести, Любка, Тыщу двести, ты моя сизая голубка.</p>	
<p>— Где ж достать мне денег, милый мой дедочек? Где ж достать мне денег, сизый голубочек? — Спекулируй, бабка, спекулируй, Любка, Спекулируй, ты моя сизая голубка.</p>	

Милый мой дедочек	Милый мой дедочек	Кому это надо
Ледоруб тяжелый, милый мой дедочек, Ледоруб тяжелый, сизый голубочек! Тренируйся, бабка, тренируйся Любка, Тренируйся ты моя сизая голубка!	Где взять ледоруб тот, милый мой дедочек? Где взять ледоруб тот, сизый голубочек? На Кавказе, бабка, на Кавказе, Любка, На Кавказе, ты моя сизая голубка.	— А когда вернешься, милый мой дедочек, А когда вернешься, сизый голубочек? — Погуляем, бабка, погуляем, Любка, Погуляем, ты моя сизая голубка.
Где ж тренироваться, милый мой дедочек, Где ж тренироваться, сизый голубочек?! В турпоходе бабка, в турпоходе Любка, В турпоходе, ты моя сизая голубка!	Как туда добраться, милый мой дедочек? Как туда добраться, сизый голубочек? По путевке, бабка, по путевке, Любка, по путевке, ты моя сизая голубка.	— Хватит ли нам денег милый мой дедочек, Хватит ли нам денег, лысый голубочек? — Да расслабься, бабка, да расслабься, Любка, Хватит даже внукам, сизая голубка.
Где же взять путевку, милый мой дедочек? Где же взять путевку, сизый голубочек? А в месткоме, бабка, а в месткоме, Любка, А в месткоме, ты моя сизая голубка!	Где же взять путевку, милый мой дедочек? Где же взять путевку, сизый голубочек? В профсоюзе, бабка, в профсоюзе, Любка, В профсоюзе, ты моя сизая голубка.	
Сколько она стоит, милый мой дедочек, Сколько она стоит, сизый голубочек? Тыща двести, бабка, тыща двести, Любка, Тыща двести, ты моя сизая голубка!	Лучше оставайся с нами, мой дедочек! Лучше оставайся, сизый голубочек! Остаюся, бабка, Остаюся, Любка, Остаюся, ты моя сизая голубка.	
Где же взяти денег, милый мой дедочек, Где же взяти денег, сизый голубочек? Самогоном, бабка, самогоном, Любка, Самогоном, ты моя сизая голубка!		

Милый мой дедочек (Сизая голубка)	Бабка Любка
<p>— Чем же спекулировать, милый мой дедочек? Чем же спекулировать, сизый голубочек? — Самогоном, бабка, самогоном, Любка, Самогоном, ты моя сизая голубка.</p>	
<p>— За него посадят, милый мой дедочек. За него посадят, сизый голубочек. — Откупайся, бабка, откупайся, Любка, Откупайся, ты моя сизая голубка.</p>	
<p>— Чем же откупаться, милый мой дедочек? Чем же откупаться, сизый голубочек? — Поцелуем, бабка, поцелуем, Любка, Поцелуем, ты моя сизая голубка.</p>	
<p>— С кем же целоваться, милый мой дедочек? С кем же целоваться, сизый голубочек? — С прокурором, бабка, с прокурором, Любка, С прокурором, ты моя сизая голубка.</p>	
<p>— Где же целоваться, милый мой дедочек? Где же целоваться, сизый голубочек? — В кукурузе, бабка, в кукурузе, Любка, В кукурузе, ты моя сизая голубка.</p>	

Милый мой дедочек	Милый мой дедочек	Кому это надо
<p>Из чего же гнати, милый мой дедочек, Из чего же гнати, сизый голубочек? С табурета, бабка, с табурета, Любка, С табурета, ты моя сизая голубка!</p>		
<p>Что за это будет, милый мой дедочек, Что за это будет, сизый голубочек? Небо в клетку, бабка, небо в клетку, Любка, Небо в клетку, ты моя сизая голубка!</p>		
<p>Там же я загну, милый мой дедочек, Там же я загну, сизый голубочек! Не загинешь, бабка, не загинешь, Любка, Не загинешь, ты моя сизая голубка!</p>		
<p>Лес валить поставят, милый мой дедочек, Лес валить поставят, сизый голубочек! Силу наберешь там, милая ты Любка, Силу наберешь там, сизая голубка!</p>		
<p>Не нужна мне сила, милый мой дедочек, Не нужна мне сила, сизый голубочек! Борониться, бабка, борониться, Любка, Борониться, ты моя сизая голубка!</p>		

Милый мой дедочек (Сизая голубка)	Бабка Любка
<p>— Прокурор женатый, милый мой дедочек, Прокурор женатый, сизый голубочек. — Разведи их бабка, разведи их, Любка разведи их, ты моя сизая голубка</p>	
<p>— Что же скажут люди, милый мой дедочек? Что же скажут люди, сизый голубочек? — «Интриганка бабка, интриганка Любка», Интриганка, ты моя сизая голубка.</p>	

Как видно, в большинстве вариантов зачин остается неизменным («А когда помрешь ты, милый мой дедочек? / А когда помрешь ты, сизый голубочек? / Во среду, бабка, во среду, Любка, / Во среду, ты моя сизая голубка»). Только в одном варианте вместо «помрешь» появляется «уедешь». В совсем трансформированном варианте дед не умирает, а веселится («от ста граммов»), но в дальнейшем также собирается уходить («на дело, на разборки» — в этом случае попадание деда в тюрьму равносильно смерти). Далее элиминируется тема похорон, и основное развитие получает сюжет дальнейшей жизни «бабки Любки» без деда. Тема тяжелой жизни вдовы воплощается в образе «деверя», который будет драться и от которого требуется защищаться «ледорубом». Таким образом, образ собак, от которых вдове Сидор Карпович предлагает защищаться палкой, трансформируется в агрессивного брата мужа, а палка — в ледоруб. Вместо собирания милостыни вдове предстоит более активный способ добычи пропитания. Примечательно, что при любом раскладе у бабки только один выход — ей предлагается спекулировать (самогоном). Далее возможны варианты. В одном из вариантов подробно описывается жизнь бабки в лагере, где ее «поставят валить лес» и она наконец обретет силу для

Милый мой дедочек	Милый мой дедочек	Кому это надо
Борониться, бабка, борониться, Любка, От деверя, ты моя сизая голубка! Не хочу я драться, милый мой дедочек, До ста годков живи, сизый голубочек!		

защиты ледорубом от деверя. Этот вариант представляется более аутентичным в сравнении с другими, где основные навыки обращения с ледорубом бабке предстоит получить в турпоходе (на турбазе, а также на Кавказе). Интересно также упоминание самогона из табурета, что отсылает к Ильфу и Петрову. Эта деталь может служить указанием на возможное время появления соответствующего текста. Возникновение туристической темы — явное указание на сферу бытования этой песни. На турпоходе или на совете спекулировать некоторые варианты и заканчиваются, но возможно и развитие — с предложением бабке откупиться от тюремного заключения путем соблазнения прокурора.

Несомненный блатной, криминальный сюжет этой песни красноречиво свидетельствует о ее происхождении. Распространение и широкая популярность ее не вызывают удивления — С. Ю. Неклюдов отмечает «неизбежную проницаемость границ любых социальных ячеек (включая в конечном счете и “закрытые” коллективы), хотя она, конечно, неодинакова в разных слоях общества и в разные исторические периоды. Подобная проницаемость предопределяет циркуляцию устных произведений далеко за пределами породившей их среды. Выразительным примером является широкая популярность в советском и в нынешнем

русском обществе уголовных (“блатных”) песен, чему, впрочем, есть и другие — политико-идеологические — причины» (Неклюдов 2003: 12). Об этих причинах много писалось, см., например, замечание Г. А. Левинтона: «Диффузия блатного языка и фольклора началась еще в первые послереволюционные годы (мода на жаргон в литературе и т. п.) и приобрела огромные масштабы после освобождения в 1950-х годах политзаключенных» (Левинтон 1990: 100). Л. Самойлов, отмечая «огромное влияние, которое лагерная субкультура оказала на всю культуру нашей страны», цитирует А. Битова: «Жить в России и не иметь лагерного опыта невозможно. Если вы не сидели, то имели прикосновения и проекции: сами были близки к этому или за вас отволокли близкие и дальние родственники, или ваши будущие друзья и знакомые. Лагерный же быт растворен повсюду: в армии и колхозах, на вокзалах и в банях, в школах и пионерлагерях, вузах и студенческих стройотрядах» (Битов 1989: 6) и продолжает: «...не стоило бы оставлять в тени другую сторону явления, другой активный фактор: основной массив лагерной субкультуры — это воровская стихия. Кажется, еще никем во всей полноте не описано и не оценено то массивированное вливание “блатной” лексики в русский просторечный и даже в литературный язык, которое произошло за время Советской власти... Не говоря уже о потрясающей распространенности “блатных” песен, брани, татуировок» (Самойлов 1990). Помимо социально-политических факторов к романтизации криминального мира располагает своеобразный правовой нигилизм² российского общества, которое не считает обман государства чем-то зазорным, скорее естественным, а исполнение закона — отнюдь не ведущим к справедливости.

---

² В нашей стране правовой нигилизм «имеет глубокие корни, которые уходят в дооктябрьскую историю России» (Пристенский 2005: 174). А. И. Герцен писал о русском народе: «Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности, русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно: точно так же поступает и правительство» (Герцен 1950: 251); «в глазах русского народа судебный приговор не пятнает человека» (Герцен 1988: 245).

Символика голубя

В этой связи представляется интересным возникновение символики голубя в новой вариации этой песни. Голубь считается символом мира, любви, души (ср. в христианской символике), и в данном контексте можно было бы предположить использование его в качестве иронического обыгрывания любовного диалога. Ср. многочисленные примеры любовной лирики с «голубиной темой», в частности, сюжет смерти-любви, в котором одна из птиц (как правило, самец) погибает, например, стихотворение И. И. Дмитриева «Стонет сизый голубочек»:

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь;
Миленький его дружок
Отлетел надолго прочь.

<...>

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека,
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг —
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг!

Однако не менее важна символика голубя в тюремной субкультуре. «Птичья» символика вообще часто используется на зоне (Ефимова 2003), тагуировка «голубь» в тюремной культуре — символ свободы, стремление к свободе (Александров 2001: 53). В тюремном песенном фольклоре символ голубя также используется нередко:

Ой, да загудели да сизые голуби рано по заре.
Ой, да заплакали невольнички, сидя в остроге
(слова народные).

См. также довольно известную песню «Голуби летят над нашей зоной», в которой полет голубей ассоциируется с недостижимой свободой:

Голуби летят над нашей зоной,
 Голубям преграды нигде нет,
 Как бы мне хотелось с голубями
 На родную землю улететь...
 (слова народные);

Кумовой рукой махнет
 И на волю упорхнет
Сизый голубь.
 Ну а молодость нырнет
 Камнем в прорубь
 (Сергей Наговицын);

Я на волю, как из клетки, сизым голубком.
 Ночью красные ракетки в тёмно-голубом
 (Сергей Наговицын);

Кто-то выпустил на волю стаю голубей.
 Я смотрю на этих птиц и думаю о многом:
 Вроде вырвались из клетки,
 Из кованых дверей,
 Так летите без возврата. С богом!
 (Гера Грач).

В творчестве известных поэтов голубь также нередко встречается в связи с тюремной темой:

И голубь тюремный пусть гулит вдали,
 И тихо идут по Неве корабли
 (Анна Ахматова);

Так в тюрьму возвращаются в ней побывавшие люди
 и голубки — в ковчег
 (Иосиф Бродский);

Тюрьма, как некий храм, я помню, в детства годы
Пленяла юный ум суровой красотой...
Увы! не царь-орел, не ворон, сын свободы,
К окошку моему теперь летят порой,
Но стая голубей, смиренников голодных,
Воркуя жалобно, своей подачки ждет, —
Народ, не знающий преданий благородных,
В позорном нищенстве погрязнувший народ!
Эмблема кротости, любимый житель неба,
О голубь, бедный раб, тебя ль не презирать?
Для тощего зерна, для жалкой крошки хлеба
Ты не колеблешься свободой рисковать.
Нет! в душу узника ты не подбавишь мрака,
Проклятье лишнее в ней шевельнешь на дне...
Воришка, трус и жадный забияка,
Как ты смешон и как ты жалок мне!

(Петр Якубович).

В последнем тексте голубь сам неожиданно предстает в образе вора³. Ср. еще один текст, в котором под видом покупки голубей вор «шарил по карманам»:

Ездил он в Херсон за голубями.
И вдали мелькал его челнок
С белыми, как чайка, парусами.
Голубей он там не покупал,
А ходил и шарил по карманам.
Крупную валюту добывал
(автор неизвестен, цит. по: Добряков 1997).

Несомненно (учитывая происхождение текста и его зачин) в данном контексте голубь может ассоциироваться и с тематикой смерти, души умершего человека (о том, что именно сизый голубь символи-

---

³ Ср. также созвучие *вор* — *ворковать*.

зировав душу покойника и смерть см.: Гура 1997: 616, 617). Нередки подобные аллюзии и в русской поэзии (в том числе народной):

Уж голуби, уж вы сизаи, сизакрылаи
 Уж где вы были, одилекали, и что видали?
 Ну а мы были на растаницы, на прощаницы,
 А где душенька с телом белым растовалося
 (слова народные);

А как бабушке
 Помирать, помирать —
 Стали голуби
Ворковать, ворковать
 (Марина Цветаева);

Тут наши сизари воркуют,
 По кругу ходят и жалкуют,
 Асфальт крупитчатый клюют
 И на поминках дождик пьют
 (Арсений Тарковский);

В синюю даль белым, как снег,
Голубем он улетел.
 Кружит печаль, словно метель,
 Он не вернётся теперь.
 (Сестры Роуз)

Голуби нередко являются символом времени, которое, исчезая неумолимо, ведет к смерти:

За голубками следи да примечай.
 Ты подумаешь, что все в них невзначай,
 Вправду ж, есть всему в них счет, хоть не расчет,
 Все им ведомо, что с часом притечет.
 (Константин Бальмонт)

Семь голубей — семь дней недели
Склевали корм и улетели,
(Арсений Тарковский)

Вы деньки мои — голуби белые,
А часы — запоздалые зяблики,
Вы почто отлетать собираетесь,
Оставляете сад мой пустынею
(Николай Клюев)

Вы деньки мои — братцы милые, други верные,
Каждый день ровно голуби над тюремным окошком моим
Подымаетесь
(Александр Добролюбов).

В последнем стихотворении объединена тюремная тематика с тематикой времени. Близость смерти и тюрьмы несомненна — попадание в тюрьму («мертвый дом») во многом равносильно смерти. Неслучайно и ритуалы инициации, «приписки» новичков инсценируют смерть: «Лишение иницианта его статуса особенно выражено в первой фазе ритуала, значимыми элементами здесь являются побои, инвективы, раздевание, бритье, символизирующие ритуальную смерть и унижение. <...> Конечная цель тюремных процедур — “перерождение”, “воскресение из мертвых”» (Ефимова 2003: 244).

От деда к бабке и от Сидора к голубю

Таким образом, представляется совершенно оправданным функционирование текста о похоронах в тюремной среде. Его же шуточный, комедийный характер (который он приобрел, видимо, уже в соответствующих ритуалах) объясняется восприятием фигуры вора: «В основе воровского мировидения лежит игра, освобождающая от законов жизни и ставящая на место жизненной условности иную, “улегченную” условность. Вор — носитель смехового начала, он ис-

пользует “дурацкую маску”, преимущество которой — возможность обнаружить и осмеять лжегероев, обнаружить чужие пороки. <...> Фольклорный образ вора, на который в поведении и поэтике ориентируется современный блатной, связан с архетипом трикстера — комического дублера мифологического культурного героя, нарушителя самых строгих табу, норм права и морали. В основе большинства вербальных текстов современного тюремного (воровского) фольклора лежат трюковые ситуации, берущие свое начало в мифе и фольклоре» (Ефимова 2003: 250).

Не берусь судить о происхождении и первоначальной сфере бытования оригинального текста о Сидоре Карповиче, но рискну предположить, что «вторую жизнь» и дальнейшее развитие этот сюжет приобрел в тюремной субкультуре. На это указывает еще один факт — превращение «поповны» Пахомовны в Любку – сизую голубку. Казалось бы, откуда взялось это имя в современной песне, учитывая «безымянность» главного героя? Ответ неожиданно находится в той же блатной песенной культуре: в 1920-е гг. существовала знаменитая одесская блатная песня «Любка-голубка» (авторство приписывается одесскому поэту Якову Ядову), которая стала прототипом «Мурки» (Жиганец). Вот припев одного из вариантов «Любки»:

Здравствуй, моя Любка,
Ты моя голубка,
Здравствуй, моя Любка, и прощай!
Ты зашухарила всю нашу малину,
А теперь маслину получай⁴.

Таким образом, и воровские наклонности Любки, и соблазнение прокурора в обсуждаемой песне становятся совершенно оправданными. Смещение центра внимания с «деда/Сидора Карповича» на его супругу, появление у нее «говорящего» имени (Любка — любовь), а также насыщенная многочисленными коннотациями метафора «голубя/

---

⁴ <http://a-pesni.org/dvor/murka.php>.

голубки» переносит акценты в этом тексте с похоронной тематики в область любовной лирики. В связи с этим можно вспомнить слова Владимира Николаевича об исконном ритуальном единстве похорон и свадьбы, о глубинном и подчас скрытом эротизме, присущем «похоронным» текстам. Характеристика, данная Владимиром Николаевичем этим текстам, в частности: «...напряжению между полюсами названной основной идеи соответствует контраст двух крайних душевно-эмоциональных состояний — страх и веселье, радость, проявляющиеся в смехе <...>; с этим, в частности, связан и общий шуточный шутейски-пародийный характер действия и описывающего его текста, элемент трагедии, стремление выйти за пределы нормы, “среднего”, вообще допустимого, разрешенного...» (Топоров 1987: 37), — как нельзя лучше подходит и к новому тексту о Любке-голубке.

Возвращаясь к исследованию Владимира Николаевича о Сидоре Карповиче, можно процитировать его размышления о разных способах хранения информации: «через “центрирование”, или “суммацию” (т. е. умение операционно редуцировать многовариантность к инварианту), и мультиплицирование (т. е. рассеяние одной и той же информации по разным элементам и уровням системы, которые в заданном отношении могут рассматриваться как аналогичные). Оба эти процесса с разных сторон апеллируют к проблеме тождества и различия, которая вполне осознанно “разыгрывается” традицией с целью актуализации ее основных ценностей (valeurs)» (Топоров 2005: 363). В свете сказанного превращение «Сидора Карповича» в голубка (обладающего аналогичными коннотациями) может служить примером сохранения информации, своеобразным типом «аллоперсонажа», а развитие сюжета о перипетиях вдовы (от бродяжничества с сумой до криминального и тюремного опыта)⁵ — адаптацией к современным социальным реалиям.

---

⁵ Тут хочется вспомнить выражение «от сумы и от тюрьмы не зарекайся», объединяющее эти две стези.

ЛИТЕРАТУРА

Александров 2001 — Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. М., 2001.

Арышев — Арышев В. Мой песенный роман. Т. 1. URL: <https://ok.ru/musicbest/topic/66470336995343>.

Башарин 2003 — Башарин А. С. Городская песня // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 503–533.

Битов 1989 — Битов А. Комментарий к общеизвестному // Литературная газета. 1989. 12 апреля.

Герцен 1950 — Герцен А. И. Собрание сочинений. М., 1950. Т. 7.

Герцен 1988 — Герцен А. И. Былое и Думы // Герцен А. И. Сочинения: в 4 т. М., 1988. Т. 1.

Гура 1997 — Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Добряков 1997 — Добряков А. Уличные песни. М., 1997. URL: https://royallib.com/read/dobryakov_aleksey/ulichnie_pesni.html#0

Ефимова 2003 — Ефимова Е. С. Субкультура тюрьмы // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 231–266.

Жиганец — URL: <http://www.shanson.org/articles/murka3>.

Левинтон 1990 — Левинтон Г. А. Насколько «первобытна» уголовная субкультура? // Советская этнография. 1990. № 2. С. 96–100.

Левинтон, Романова 2006 — Левинтон Г. А., Романова Е. В. Об одном старообрядческом письме XVII века (к биографии Сидора Карповича) // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сборник статей к 60-летию А. Ф. Белоусова. СПб., 2006. С. 21–49.

Неклюдов 2003 — Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 5–24.

Ончуков 1911 — Северные народные драмы / сборник И. Е. Ончукова. СПб., 1911.

Пристенский 2005 — Пристенский В. Н. Правовой нигилизм: философско-антропологические корни // Credo new. 2005. № 1 (41). URL: <http://credonew.ru/content/view/461/30/>

Самойлов 1990 — Самойлов Л. Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96–108.

Топоров 1987 — *Топоров В. Н.* Заметки по похоронной обрядности // Балто-славянские исследования 1985. М., 1987. С. 10–52.

Топоров 2005 — *Топоров В. Н.* Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М., 2005. С. 362–371.

Фольклорный театр — Фольклорный театр / сост., вступ. ст., предисл. к текстам и коммент. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. М., 1988. URL: <http://a-pesni.org/teatr/rusnarod/mavruh.htm>.

Чулков 1780 — *Чулков М.* Новое и полное собрание Россійскихъ пѣсень, Содержащее въ себѣ Пѣсни Любовныя, Пастушескія, Простонародныя, Хоральныя, Свадебныя, съ присовокупленіемъ Пѣсень изъ разныхъ Россійскихъ Оперъ и Комедіи. Ч. III. М., 1780.

M. V. Zavyalova

The heritage of “Sidor Karpovich” in the modern song culture

The article analyzes the transformation of the Russian folk song “Dear Sir Sidor Karpovich”, studied by V. N. Toporov in 1979. This text was a prison game depicting a funeral rite and having a function of initiation, but recently it has become a popular song and lost its minor mood. At the same time, the protagonist (Sidor Karpovich) loses his name and becomes a secondary character. The main role is taken by his wife, Lyubka, called by the epithet “gray dove”. The plot of the song is based on twists and turns of her life after the death of her husband. Analyzing the image of the dove in poetry and, in particular, in prison lyrics, as well as looking at possible influences of other popular songs, the author proposes possible reasons for such a transformation.

Key-words: popular song; Russian folklore; Russian poetry; prison folklore; Sidor Karpovich: semiotics; image of a dove in folklore and poetry.

Б. А. УСПЕНСКИЙ
(НИУ Высшая школа экономики, Москва)

**«ЗНАК НАЧЕРТАТЕЛЬНОГО СМЫСЛА»
У АНДРЕЯ БЕЛОГО**

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.14

Поэма Андрея Белого «Первое свидание» открывается вступлением, посвященным языку. В середине этого вступления поэт обращается к самому языку как орудию поэтического вдохновения. Это обращение начинается словами:

Язык, запрядай тайным сном! —

и заканчивается почти идентичным повелением (при этом, как показывает пунктуация, предполагающим другую интонацию):

Язык!.. Запрядай: тайной слов!

Тайна слов оказывается в этом контексте тем же, что *тайна снов* (и наоборот). Приведем этот пассаж:

Язык, запрядай тайным сном!
Как жизнь, восстань и радуй: в смерти!
Встань — в жерди: пучимым листом!
Встань — тучей, горностаем — в тверди!
Язык, запрядай вновь и вновь!
Как бык, обрадуй зыком плоти:
Как лев, текущий рыком в кровь,
О сердце, взмахами милоти!
Орел: тобой пересекусь...
Ты плоти — жест, ты знанью — числа...
«Ха» с «И» в «Же» — «Жизнь»: Христос Иисус —
Знак начертательного смысла...

Ты в слове Слова — богослов:
 О, осиянная Осанна
 Матфея, Марка, Иоанна —
 Язык!.. Запрядай: тайной слов!

Слово *запрядать* означает ‘зашевелиться, задвигаться’¹. В данном контексте это повеление означает «оживись, возбудись!». Язык здесь — орудие мысли или поэтического воображения, не орган речи. Следуют примеры поэтических и символических образов: так, в частности, язык позволяет нам увидеть в жерди пучимый лист, в небе (в туче) — горноста. Это образы поэтические, но за ними идут и символические.

Перед нами являются символы евангелистов: бык (символ Луки), лев (символ Марка) и, наконец, орел — символ Иоанна Богослова², которому возносится особая хвала, поскольку ему принадлежит слово о Слове (Ин. I:1): «Ты в слове Слова — богослов», — восклицает поэт. Под Словом, Божественным и Предвечным, имеется в виду Иисус Христос. И далее мы читаем:

«Ха» с «И» в «Же» — «Жизнь»: Христос Иисус —
 Знак начертательного смысла...

¹ Ср. *прядать, прынуть* ‘прыгать, скакать, сигать’ (Даль III: стлб. 1392; см. также: Даль I: стлб. 1556).

² Эта символика восходит к видению Иезекииля (Иез. I:10) и непосредственно — к Откровению Иоанна Богослова (Откр. IV:7). Может возникнуть вопрос: почему Белый говорит о символах трех, а не четырех евангелистов: говорится о символах Луки, Марка и Иоанна и не говорится о символе Матфея. Но символ Матфея — человек, и этот символ гораздо менее выразителен для человеческого восприятия: сам по себе он лишен поэтической образности. Затем, однако, называя непосредственно и м е н а евангелистов (когда речь уже не идет об их символах), поэт, напротив, упоминает Матфея и опускает упоминание Луки: «О, осиянная Осанна Матфея, Марка, Иоанна...» По-видимому, в любом случае для него важна т р о и ч н о с т ь: поэма была создана в Троицын день и следующий за ним день Св. Духа (см. Андрей Белый 1921: 70).

Названия букв «Ха» и «И», несомненно, обозначают инициалы Иисуса Христа. Столь же очевидно, что название буквы «Же» соотносится со словом *жизнь*. Это легко понять ввиду того, что Христос неоднократно называется «жизнью» как в Евангелии от Иоанна («Я есмь воскресение и жизнь», Ин. X:25; «Я есмь путь и истина и жизнь», Ин. XIV:6), так и в его послании: «Сей есть истинный Бог и жизнь вечная» (I Ин V:20).

Но как понять фразу «знак начертательного смысла», вынесенную в заглавие нашей заметки? По мысли поэта, инициалы Иисуса Христа знаменуют жизнь. Но что за этим стоит? Отражение идей имяславия? Это одно из возможных объяснений, но оно явно недостаточно. Действительно, что означает слово *начертательный*? Насколько можно понять, именно *н а ч е р т а н и е* этих инициалов выражает искомый смысл.

Как представляется, эту фразу можно трактовать *б у к в а л ь н о*, и это буквальное понимание дает, на наш взгляд, наиболее верную ее интерпретацию.

Здесь необходима оговорка. По условиям времени поэма Андрея Белого была напечатана (в 1921 г., в петербургском издательстве «Алконост») по новой орфографии, устранившей, в частности, букву *i* («*i* десятиричное») и оставившее только омофонную ей букву *и* («*и* восьмеричное»). Ранее имя *Иисус* начиналось с буквы *I*, и инициалами Христа были не *И. Х.*, а *I. Х.* Именно эти инициалы, вне всякого сомнения, имеются в виду в цитированных строках.

Если же мы соединим букву *X* с буквой *I*, у нас образуется перечеркнутый Андреевский крест, соответствующий по форме букве *Ж*. Так инициалы Христа, соединенные воедино, превращаются в первую букву слова *жизнь*, представая тем самым как «знак начертательного смысла».

Эта операция с буквами может напоминать каббалистические упражнения. В то же время она органически вписывается в общий игровой контекст поэмы Андрея Белого.

ЛИТЕРАТУРА

Андрей Белый 1921 — *Андрей Белый*. Первое свидание: Поэма. Пг., 1921.

Даль I–IV — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882. [Репринт: 1989].

B. A. Uspensky

“Sign of graphic meaning” in Andrei Bely’s work

The article analyzes the method of imposing the initials of Jesus Christ, described in the poem by Andrei Bely “First rendezvous” and generating new meaning.

Keywords: letter, initial, symbol, name, meaning.

ПЬЕТРО У. ДИНИ
(Пизанский университет)

К ВОПРОСУ О ДОШЕДШИХ ДО НАС СВЕДЕНИЯХ О ДРЕВНЕПРУССКОМ «ЭНХИРИДИОНЕ» (1561)

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.15

§ 0. Введение

Третье издание «Малого Катехизиса» Мартина Лютера, известное в узкоспециальной литературе как «Энхиридион», общепризнанно занимает первое место по величине и значению среди сохранившихся литературных памятников древнепрусского языка. Однако в том, что о нем известно филологам на сегодняшний день, по-прежнему остается много, с трудом поддающегося однозначной трактовке. Необходимо осуществить попытку систематизации сведений о памятнике и по возможности расширить наши познания в этой области.

Несмотря на то что историю прутенистики как часть эпохи палеокомпаративистики еще только предстоит написать, я могу с уверенностью утверждать, что интерес к балтийским языкам появился очень давно. Стоит, однако, признать, что ученые вплоть до XVI в. имели весьма смутное представление о древнепрусском языке¹ и не были в состоянии подтвердить свои суждения текстологически. В последующие столетия исследователи постепенно получили доступ к нескольким древнепрусским текстам. Обнаруживалось всё больше новых текстов, глосс и просто отдельных слов, что способствовало постепенному улучшению наших познаний о древнепрусской лексике².

---

¹ О самых важных работах по балтийским языкам как в ранней, так и поздней палеокомпаративистике см. Dini 2014a.

² Можно даже утверждать, что у каждого поколения прутенистов был свой древнепрусский языковой корпус. О формировании древнепрусского языкового корпуса см. Dini 2014b.

§ 1. Младшее поколение палеокомпаративистов (XVI–XVIII вв.)

Имеет смысл начать с истории исследований по нашей теме и привести высказывания различных ученых. Особое внимание будет уделено авторам, работы которых имели большое значение для изучения древнепрусского языка. Разумеется, я не ставлю перед собой цель представить исчерпывающий обзор и ограничусь выборочным рассмотрением некоторых тезисов.

В эпоху Франца Боппа сосуществовали различные представления о древнепрусском языке. При этом важно подчеркнуть, что авторы того времени уже пользовались корпусом текстов древнепрусского языка и что уже появляются первые сообщения об «Энхиридионе». Среди авторов, чьи взгляды здесь изложены, — Кристоф Гарткнох, Давид Браун, Михаэль Лилиенталь, Арнольд Паули, Лоренсо Эрвас и Кристоф Аделунг.

Первая попытка систематизировать данные о древнепрусском «Энхиридионе» была предпринята балтистами на рубеже XIX–XX вв. Мы им многим обязаны и по сей день, так как, как бы странно это ни звучало, исследования «Энхиридиона», проведённые после публикации работ этих лингвистов, существенного прогресса не дали. Главные интересы более поздней баллистики, а еще точнее — прутенистики, были сосредоточены на других проблемах, так что вопрос изучения сведений о бесспорно самом важном памятнике древнепрусского языка отошел на второй план.

Гарткнох. В XVII в. Катехизис упоминает только Кристоф Гарткнох, без сомнения самый значительный исследователь того периода, который посвятил пруссам отдельную и очень точную в деталях работу (см. в двух изданиях: Hartknoch 1679; 1684). Особое внимание прусскому языку уделяется в ее четвертой главе, «Von der vorjährigen Preussischen Sprache» (с. 84–114). Исследователь привлекает многочисленные выдержки из древнепрусских текстов, так что не составлял

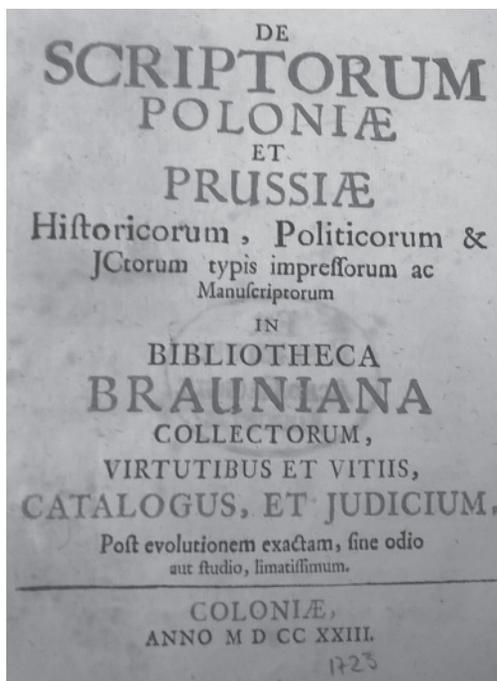
ет никакого труда найти источники: первый и второй Катехизис, грунауский «Отче наш» и помимо этого лишь отдельные слова. Гарткнох не привел ни одного примера из «Энхиридиона» и не обмолвился ни одним словом о его существовании.

Браун. В начале XVII в. в «Bibliotheca Brauniana» можно встретить первую отсылку общего характера к экземпляру третьего древнепрусского Катехизиса. Упоминает его Давид Браун:

[IN QUARTO.] Catechismus Lutheri deutsch und alt Preußisch. In usum reliquiarum populi antiqui Prutenici ad fidem Christi conversi. Ex mandato pii Ducis Alberti I. Anno 1545. Et iterum 1561. impressus. Ut gentis hujus, olim sub potestate Satanæ adversus nomen Christianorum in Europâ postremò imperantis, jamjam in exigua plebe agresti vix non penitus intereuntis, vestigia lingvæ cum Lituanis, Curonibus, Finnis solâ dialecto diversæ conferventur; In documentum providentiæ & judicii divini, quo integri populi ob scelera sua, sicut Cananæi usque ad radicem exstirati sunt, Libellus hic meritò inter monumenta antiquitatis reconditur.

[IN QUARTO.] ‘Катехизис Лютера немецкий и древнепрусский. Для нужд остатков народа древних пруссов, обращенного в веру Христову. По приказанию благочестивого герцога Альбрехта I в 1545 году. Повторно издан в 1561 году, чтобы от этого народа, который последним в Европе находился под властью Сатаны и сопротивлялся тому, чтобы называться христианами, и уже в бедной крестьянской массе едва ли не совершенно растворился, сохранились остатки языка, отличавшегося от языка литовцев, куршей и финнов только диалектом. Поскольку в качестве свидетельства провидения и Божественной справедливости все племена за свои злодеяния подобно хананеям были уничтожены под корень, эта книжица заслуженно относится к памятникам древности’ (Braun 1723: 25).

Браун утверждает, что в 1545 г. по указу герцога Альбрехта был напечатан лютеранский Катехизис, а затем — повторно (*iterum*) в 1561 г. Под ним безусловно подразумевается третий древнепрусский Катехизис. Однако то, что Браун в приведенном выше отрывке не упо-

IN QUARTO.

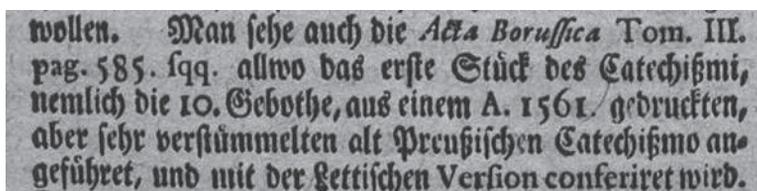
25

- talis Relatio coram Ordinibus Regni in Comitibus,
Anno 1570.
- 2 Christophori Falconii *Rechenbuch auff Preussche Münze /
Maasß und Gewicht / Königsb. 1552.*
  - 5 Catechismus Lutheri *deutsch und alt Preussisch.* In usum
reliquiarum populi antiqui Prutenici ad fidem Christi
conversi. Ex mandato pii Ducis Alberti I Anno
1545. Et iterum 1561. impressus. Ut gentis hujus,
olim sub potestate Satanae adversus nomen Christiano-
rum in Europâ postremo imperantis, jamjam in exi-
guâ plebe agresti vix non penitus intereuntis, vestigia
lingvæ cum Lituaniis, Curonibus, Finnis solâ dialecto
diversæ conserventur; In documentum providentiæ
& judicii divini, quo integri populi ob scelera sua,
sicut Cananæ usque ad radicem extirpati sunt,
Libellus hic merito inter monumenta antiquitatis
reconditur.

Давид Браун, 1723 г., титульный лист (Braun 1723: 25).

минает ни о существовании второго исправленного Катехизиса (также вышедшего в 1545 г.), ни об отличающейся структуре и гораздо большем объеме Катехизиса 1561 г. по сравнению с другими, вызывает удивление. К сожалению, нет никакой информации о количестве напечатанных экземпляров третьего Катехизиса.

Лилиенталь. В 1742 г. Михаэль Лилиенталь публикует параллельный текст двух Катехизисов 1545 г. вместе с текстом на немецком языке (Lilienthal 1742). Разумеется, автор не цитирует ни единого предложения из «Энхиридиона», однако, судя по одному из примечаний, можно сделать вывод, что он знал о существовании этого памятника.

См. Acta Borussica 3: 585 и далее, где приводится первая часть Катехизиса, а именно 10-я заповедь из древнепрусского Катехизиса 1561 г., сильно поврежденного, и сопоставляется с латышской версией.

Эта короткая запись интересна не в последнюю очередь тем, что автор отзывается об «Энхиридионе» как о «сильно поврежденном» тексте. На чем основывается данное утверждение? Откуда он получил такую информацию? В первую очередь приходит на ум «Acta Borussica». В третьем томе данного журнала (Acta Borussica 3: 581–609) Иоганн Арнольд Паули действительно несколько раз упоминает древнепрусский язык. Однако написанное там никак не может объяснить того, почему Лиленталь называет «Энхиридион» «сильно поврежденным».

Эрвас. Древнепрусским языком, хотя и довольно узко, интресовался такой значимый лингвист эпохи Возрождения, как испанский

иезуит Лоренсо Эрвас, который трудился в Италии на протяжении всей своей жизни. Свой энциклопедический труд «*Idea dell'Universo*», состоящий из 12 томов, Эрвас написал на итальянском. Три тома затрагивают лингвистическую тематику: «*Catalogo delle lingue*», «*Vocabolario poligloto*» и «*Saggio Pratico*». Он считал необходимым выделить отдельную языковую семью, которую он называл «скифо-иллирийской» и причислял к ней как современные славянские, так и балтийские языки. «*Saggio Pratico*» (см. Hervás y Panduro 1787) имеет особое значение, так как в нем Эрвас опубликовал тексты на различных языках, в том числе балтийских. Приведенные им цитаты на древнепрусском языке состоят в первую очередь из вариантов молитвы «Отче наш», взятые из Катехизисов, и отдельных слов. Очевидно, что «Энхиридион» не был ему знаком³.

§ 2. Сообщения об «Энхиридионе» в XIX в.

После работ младших компаративистов начинается эпоха сравнительно-исторического языкознания, которую в 1816 г. открыла публикация труда Франца Боппа (Bopp 1816). Однако и ранее некоторые авторы уже проявляли интерес к древнепрусскому языку.

Аделунг. Иоганн Кристоф Аделунг известен как полиграфист, очень интересовавшийся языкознанием. К началу XIX в. совместно с Северином Фатером он составил и выпустил знаменитый многотомный и охватывающий широкую тематику труд «Митридат, или Общее языкознание» (Adelung, Vater 1809), в котором собрал тексты молитвы «Отче наш» на беспрецедентно большом количестве языков мира.

В числе прочего авторы задействовали и древнепрусский языковой материал. Ограничившись версиями «Отче наш» из первого и второго Катехизисов (Adelung, Vater 1809: 704–705), авторы при этом включили версию молитвы из третьего Катехизиса (ibid.: 705).

---

³ Представления Эрваса о балтийских языках рассмотрены в Dini 1997.

Стоит отметить, что Аделунг и Фатер опубликовали версию «Отче наш» из «Энхиридиона» 1561 г., которая не совсем совпадает с переводом Абеля Вилля. Кроме того, в конце второй части «Митридата...» составители посвятили отдельное место сведениям о древнепрусском «Энхиридионе». Ниже приводим точную цитату:

Die richtige Formel [des Vaterunser] ist die letzte aus dem höchstseltenen Enchiridion oder Kirchen-Agende in Alt-Preußischer Sprache, Königsberg, 1561, kl. 4, welche der Herr Prediger Hennig besitzt**). Diese und der Katechismus sind vermuthlich die einzigen ächten Überbleibsel dieser Sprache.

**) Vermuthlich ist dieses Enchiridion der Alt-Preußische Katechismus von 1561, welchen ich unter Abels Nahmen habe angeführt gefunden. Schlözer führt einen Katechismus von 1551 an.

‘Правильная версия [Отче наш] — последняя, которая входит в редчайший «Энхиридион», также известный как церковный требник, написанный на древнепрусском языке (Кёнигсберг, 1561, столбец 4), которым владел проповедник Хеннинг**). Вместе с Катехизисом она предположительно является единственно сохранившимся памятником этого языка и представляет большую ценность.

**) Предположительно данный «Энхиридион» является древнепрусским Катехизисом 1561 года, который, как я обнаружил, цитировал Абель. Шлёцер цитировал Катехизис 1551 года’ (Adelung, Vater 1809: 702).

Из сказанного можно извлечь несколько интересных фактов:

- а) Уже в 1809 г. Катехизис считался «редчайшим».
- б) Судя по всему, в то время был известен только один экземпляр.
- в) Этим экземпляром владел проповедник Хеннинг⁴.

⁴ Об отношениях между Фатером и Хеннингом см. ниже.

- г) Аделунг обнаружил, что Катехизис «цитировал Абель». Под Абелем, возможно, подразумевался Абель Вилль. Однако то, где «Энхиридион» был процитирован, остается неясным.

Слово «предположительно» в выше приведенном примечании указывает на то, что Аделунг не был полностью уверен, был ли это в действительности древнепрусский «Энхиридион». В «Митридате...» он дает интересную, но не совсем понятную отсылку: «Шлëдער цитировал Катехизис 1551 года».

Aus dem Enchiridion, 1561.

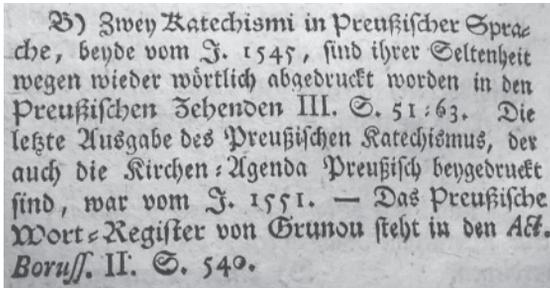
Vater unser, der du bist im Himmel,
 Tawe nouson, kas tu essei en Dangon,
 Geheiligt werde dein Name;
 Swintits wirst twais Emmens;
 Zugehe dein Reich;
 Pereit twais Rijks;
 Dein Wille geschehe so wie im Himmel, so
 Twais Quaits audasin kagi en Dangon, tijt
 auch auf Erde;
 deigi no Semien;
 Unser tägliches Brot gib uns
 Nouson deinennin Geitien dais noumans
 diesen Tag;
 schan Deinan;
 Und erlafs uns unsere Schulden,
 Bhe etwerpeis noumans nousons Ausschau-
 wie wir erlassen unsern
 tins, kai mes etwerpimai nousons
 Schuldnern;
 Ausschautenikamans;
 Und nicht führe uns in Versuchung;
 Bhe ni weddeis mans en Perbandasnan;
 Sondern ausnimm uns von allem Argen.
 Schlait isrankeis mans esse wissan Wargan.
 Amen.

Mithrid. II

Y v

(Adelung, Vater 1809: 705).

Шлёцер. Отсылка к Августу Людвигу Шлёцеру, которую мы видим у Аделунга, требует пояснения. Знаменитый историк действительно заслуживает упоминания, так как в примечании к своей работе (Schlözer 1771) он писал: «Die letzte Ausgabe des Preußischen Katechismus, der auch die Kirchen=Agenda Preußisch beygedruckt sind, war vom J. 1551» ‘В последний раз прусский Катехизис, также известный как прусский церковный требник, был издан в 1551 году’.

(Schlözer 1771: 323).

Нет никаких сомнений в том, что здесь имеется в виду «Энхиридион» — с его предписаниями, касающимися бракосочетания и крещения. Однако заявленная датировка неверна. Возможно, разница в десять лет — результат ошибки по недосмотру. Разумеется, из такого единичного упоминания не следует делать вывод или даже хотя бы предполагать, что уже в 1551 г. появилось первое издание «Энхиридиона», впоследствии навсегда утерянное.

Фатер. Примерно десять лет спустя после выхода в свет работы Аделунга текст «Энхиридиона» был опубликован в исследовании Иоганна Северина Фатера (Vater 1821: 1–68). В своем обширном предисловии автор приводит интересную информацию об истории и состоянии «Энхиридиона»:

Indessen die Erhaltung der noch einzig übrigen Quelle genauerer Bekanntschaft mit dieser alten Sprache, welches Denkmal derselben ich

nach gegenwärtiger Einleitung genau abdrucken laſſe, haben wir jenem forſchenden Freunde der Geſchichte des Nordens, Hennig, zu verdanken. Er hat ſchon im Mithridates Bd. II. S. 702. auf jenen ausführlicheren Katechismus aufmerkſam gemacht, den er allein noch beſaß; verſicherte auch, ungeachtet aller vieljährigen Nachfrage und ſeiner Bekanntschaft über ganz Preußen, nicht ein zweites Exemplar aufgefunden zu haben, woraus der in jenem fehlende Beſchluß des Ganzen zu ergänzen ſey. (Spätere Verſuche der Art habe ich ebenſo vergeblich gemacht.)

‘Тем, что мы располагаем единственным сохранившимся источником, максимально близким этому древнему языку, текст которого я привожу непосредственно после настоящего вступления, мы обязаны любителю истории севера Хеннигу. Уже во втором томе «Митридата», с. 702, он обратил внимание на тот более подробный Катехизис, которым он единолично владел; несмотря на справки, наводимые им в течение многих лет, и его знакомства по всей Пруссии, ему не удалось найти другого такого экземпляра, чтобы восполнить недостающую в первом информацию. (Позже я также безрезультатно предпринимал подобные попытки.)’ (Vater 1821: 8–9).

Подчеркнем, что Фатер всё время говорит о единственном экземпляре «Энхиридиона». В этом отношении ничего не меняется и в дальнейшем повествовании, где он рассказывает об исследовании Хеннинга:

Aber gerade dieſem einzigen Denkmale drohte ſelbſt von der Seite ſeines wackern Erhalters die größte Gefahr der Vernichtung. In der Hoffnung, welche erſchöpfende Abzehrung zu nähren pflegt, nahm er daſſelbe, um, wie er mir ſagte, die Alt-Preußiſche Sprache nun daraus recht zu erforſchen, mit ſich auf die Reiſe nach Pyrmont, blieb aber bald auf einem Dorfe an der Warte liegen und ſtarb daſelbſt. — Wie leicht mochte in ſolchem, von keines Freundes Hand beſchützten Nachlaſſe ein kleines unſcheinbares, unvollſtändiges Büchlein unbeachtet verloren gehen, und in ihm alle nähere Kunde von der Sprache der alten Preußen.

Als der Beſitzer über jene weite Reiſe und ſeinen Plan der Beſchäftigung auf derſelben mit mir, ſeinem Freunde, geſprochen, und mir dabei jenes

Denkmal vorgezeigt hatte: beschwor ich ihn, im Namen der Wissenschaft: daß er durchaus dieses, wie er ja versicherte, ganz einzige Denkmal auf einer, bei seiner Hinfälligkeit so bedenklichen Reise anders mit sich nehmen dürfe, als daß er vorher eine ganz genaue Abschrift fertigen und diese zurück lasse. Der Ernst, mit dem ich dabei als Sprachforscher gesprochen hatte, verbunden mit meiner herzlichen Fürsorge für die Art seiner Reise, mußten den Eindruck auf ihn gemacht haben, daß er, wie ich hernach vom Hn. Geh. Archivar Faber erfuhr, eine solche Abschrift: schön (wie H. seine Abschriften der Urkunden aus dem Ordens-Archive für die Kur-, Lief- und Esthländ. Ritterschaft fertigen ließ) geschriebene, genaue Abschrift jenes Katechismus, und zwar versiegelt mit der Aufschrift: daß, wenn er von der Reise nicht zurückkäme, ich dieselbe zum Andenken und Eigenthum erhalten solle, in F's Händen zurück ließe.

‘Но и над этим единственным памятником могла нависнуть огромная угроза уничтожения по вине его же добросовестного хранителя. В надежде излечиться от изнуряющей его чахотки он отправился в Пирмонт и взял с собой тот самый экземпляр, чтобы, как он мне сказал, серьезно взяться за исследование древнепрусского языка. Однако, не доехав, он спустя короткое время остановился в деревне, расположенной у реки Варты, где скоропостижно скончался. Как же легко и незаметно для всех могло быть утеряно имущество, оставшееся без чьего-либо присмотра, в виде невзрачной и неполной маленькой книги. А вместе с ней пропали бы все самые достоверные сведения о древнепрусском языке.

Когда владелец рассказал мне, своему другу, о той дальней поездке и о том, чем он планирует заниматься, при этом показав мне тот самый памятник, я стал умолять его во имя науки, чтобы он при своем шатком здоровье, беря с собой в такую небезопасную поездку экземпляр, который, по его заверениям, является единственным в своем роде, непременно организовал это иным способом, заранее подготовив и оставив точную копию. Та серьезность, с которой я как языковед говорил, вкупе с моим чистосердечным переживанием по поводу безопасности его поездки, должно быть, произвела на него впечатление, и он, как я позже узнал от Тайного архивариуса Фабера, создал такую копию — прекрасно написанную (в таком же стиле, как и подготовленные X.

копии грамот из архивов рыцарского ордена Курляндии, Лифляндии и Эстляндии) точную копию того Катехизиса и даже скрепленную печатью с надписью, согласно которой, в случае если он не вернется из поездки, я должен буду получить ее лично в руки в память о нем и унаследовать в имущество' (Vater 1821: 9–10).

Далее Фатер рассказывает о том, как он стал владельцем единственного экземпляра «Энхиридиона» и как ему удалось передать на хранение в библиотеку Тайного архива в Кёнигсберге этот памятник, так же, как и упомянутую копию:

So bekam ich dieselbe, als den schönsten Lohn für meine Fürsorge für die Kunde der Alt-Preussischen Sprache. Aber das Original war damit noch nicht gesichert; und daß es dies werde, mußte ich wiederholt bei den höheren Behörden einkommen. Es dauerte länger als ein Jahr nach dem Tode H's, bis es zu der Bibliothek des Geheimen Archivs kam, in welcher es nun für immer verwahrt bleibt, und welcher, da sie indeß den litterarischen Nachlaß H's gekauft hatte, diese dabei gar nicht einmal angegebene Hauptfeltenheit gehörte. Aus derselben habe ich erst in diesem Jahre die genaue Abschrift noch einmal mit dem Originale verglichen, und daraus hier unter meinen Augen abdrucken lassen, und von meinem gütigen Freunde, Hn. Geh. Archivar Faber, die nochmalige genaue Vergleichung meines Abdrucks mit dem Urdruck erhalten (woraus die am Ende dieser Schrift angegebenen Berichtigungen geflossen sind); jene Abschrift aber, welche doch besonders nach solcher wiederholter Durchsicht die Stelle des Originals vertreten kann, in der Königl. Bibliothek zu Berlin zu mehreren dort nun verwahrten, vorher mir zugehörigen linguistischen Seltenheiten niedergelegt.

‘Так я получил ее — самую лучшую награду за мою заботу о сведениях о древнепрусском языке. Но судьба оригинала еще не была в безопасности; поэтому мне пришлось многократно ходатайствовать в государственных ведомствах. Прошло больше года со смерти Х., прежде чем оригинал поступил на хранение в библиотеку Тайного архива, в которой он должен был навсегда остаться и которой, по причине того, что Х. купил литературный памятник, такая необычайная вы-

шеуказанная редкость никогда ранее не принадлежала. Только в этом году я еще один раз сравнил упомянутую выше точную копию с оригиналом и лично отправил в печать. Мой любезный друг тайный архивариус Фабер повторно детально сравнил мою перепечатку с первоначальной версией (так как в конце книги чернила, которыми делали правки, растеклись). Эта копия, в особенности после второй сверки, смогла занять место оригинала, была передана Королевской библиотеке в Берлине и положена рядом с некоторыми другими ранее мне принадлежавшими лингвистическими редкими книгами, ныне хранящимися там' (Vater 1821: 10–11).

Отсюда мы узнаём не только об усилиях Хеннинга и Фатера, направленных на спасение экземпляра «Энхиридиона», но также и том, что этот экземпляр был неполным. Положение дел было следующим:

Фатер 1821

1) неполный экземпляр

Место/Источник:

Тайный архив в Кёнигсберге

После сравнения опубликованной Фатером части текста с более поздними изданиями⁵ складывается четкое представление о том, что у Фатера не хватает страниц 129–134. Иными словами, опубликованный Фатером текст «Энхиридиона» «поврежден», а точнее, в нем недостает заключительной части.

Гримм. Краткое упоминание об «Энхиридионе» можно встретить и в рецензии на книгу Фатера, принадлежавшей перу Якоба Гримма:

[L]etzeres [d.h. das „Enchiridion“] wurde so überaus selten, dasz man jetzt nur noch ein einziges exemplar davon kennt, nach welchem nunmehr hr. Prof. Vater s. 1–68 einen getreuen abdruck besorgt und es dadurch nicht allein von dem untergang gerettet, sondern auch den sprachgelehrten zugänglich gemacht hat.

⁵ Например, с изданием Траутмана (Trautmann 1910) или, для ещё более ясной картины, — с изданием Мажюлиса (Mažiulis 1966).

‘Последний [т. е. «Энхиридион»] стал настолько чрезвычайно редким, что сейчас известно лишь об одном-единственном экземпляре, точная копия которого на настоящий момент была опубликована проф. Фатером, с. 1–68. Благодаря этому он не только был спасен от уничтожения, но и стал доступным для проведения языковедческих исследований’ (Grimm 1822: 1203).

Здесь Гримм повторяет два утверждения, с которыми мы уже сталкивались у Аделунга и Фатера:

- а) Энхиридион является библиографической редкостью;
- б) Ему известно лишь об одном экземпляре. К сожалению, мы не знаем, получил ли Гримм данную информацию от Аделунга или из других, неизвестных источников.

Нессельман. С середины XIX в., а точнее спустя 24 года после выхода работы Северина Фатера и публикации рецензии Гримма, появляется совершенно другая информация о древнепрусском «Энхиридионе». В своем сочинении (Nesselman 1845) Нессельман упоминает о существовании трех экземпляров.

Von dieser ebenfalls sehr seltenen und lange Zeit für verloren gehaltenen Übersetzung sind zwei vollständige Exemplare in der hiesigen Königlichen Bibliothek, ein unvollständiges, in welchem die letzten drei Blätter fehlen, in der Bibliothek des hiesigen Geheimen Archivs vorhanden.

‘Здесь в Королевской библиотеке находится целых два экземпляра этого очень редкого и долгое время считавшегося утерянным перевода. Один неполный экземпляр, в котором не хватает последних трех листов, хранится в Тайном архиве’ (Nesselman 1845: xix).

Нессельман недвусмысленно утверждает, что не хватает именно «последних трех листов», т. е. страниц 129–134, что согласуется с данными Фатера. Затем автор сравнивает «Энхиридион» с двумя другими древнепрусскими Катехизисами 1545 г. и делает вывод: этот гораздо более содержательный перевод включает пять основных состав-

ляющих Катехизиса с лютеранскими пояснениями, исповедь, утреннюю и вечернюю молитвы, «Benedicite», благодарственную молитву, «Haustafel», последование обручения и крещения.

Далее следуют интересные рассуждения по поводу качества перевода «Энхиридиона», исследование которого выходит за рамки данной работы (и которому я намереваюсь посвятить отдельный труд). Затем Нессельман добавляет важную для нас информацию:

Dieser Katechismus ist nur einmal, aber nach dem unvollständigen, früher dem Profefſor und Director des Geheimen Archivs zu Königsberg, A. E. Hennig, seit deſſen Tode dem Geheimen Archiv angehörigen Exemplare abgedruckt worden in dem unten näher zu beſchreibenden Werke von Vater.

‘Этот Катехизис, ранее принадлежавший профессору и директору Тайного архива А. Э. Хеннигу, а после его смерти перешедший во владение Тайного архива, был перепечатан только единожды и притом с неполного экземпляра в более подробно описанной ниже работе Фатера’ (Nesselmann 1845: XX).

Из этого высказывания следует, что Нессельман для своей публикации — или для обеих? — использовал два полных экземпляра, хранившиеся в Кёнигсберге. Согласно Нессельману, всего в Кёнигсберге находилось три экземпляра, а точнее:

<u>Нессельман 1845</u>	<u>Место/Источник</u>
1) полный	Королевская библиотека в Кёнигсберге
2) полный	Королевская библиотека в Кёнигсберге
Хенниг — Фатер → 3) неполный	Тайный архив в Кёнигсберге

Итак, было известно, что неполный экземпляр был передан Фатером на хранение в библиотеку Тайного архива. Представленная

выше информация соответствует данным, с которыми можно ознакомиться в работе Фатера (Vater 1821: в особенности X). Новым является упоминание о том, что два — полных — экземпляра находятся в Королевской библиотеке. К сожалению, Нессельман не уточняет, каким именно образом он узнал о существовании данных экземпляров.

Беценбергер. В рецензии на «Thesaurus» Нессельмана (Nesselmann 1873) Адальберт Беценбергер приводит важную информацию об «Энхиридионе»:

Zu den von Nesselmann (Spr. der alten Preußen S. xvi ff.) gegebenen formellen Notizen über die Katechismen trage ich nach, daß jetzt [d.h. im Jahr 1873] die Königliche Bibliothek zu Königsberg nur ein Exemplar des Enchiridions besitzt. Eine Tradition derselben berichtet indessen, ein zweites sei vor längerer Zeit nach Athen gewandert, als die dortige Bibliothek completirt worden sei, und sei dort verschollen. Herr Dr. Steffenhagen hat an Ort und Stelle Nachforschungen nach dem Buche angestellt, ohne indessen eine Spur desselben zu finden. Ich halte das ganze für eine Sage; einstweilen habe ich freilich über den zeitigen Aufenthalt des Buches noch nichts ermitteln können.

‘Из сделанных Нессельманом (Spr. der alten Preußen S. xvi ff.) официальных заявлений о Катехизисе я сделал вывод, что сейчас [т. е. в 1873 году] в Королевской библиотеке Кёнигсберга хранится только один экземпляр. Между тем традиционно считается, что второй экземпляр проделал более длинный путь в Афины, где проходило комплектование местной библиотеки, и там и был утерян. Доктор Штеффенхаген организовал его поиски в месте предполагаемого нахождения, но не обнаружил и следа от него. Я считаю, что это просто легенда; пока что я, разумеется, не смог ничего разузнать о нынешнем местонахождении книги’ (Bezenberger 1874: 1231).

К сожалению, Беценбергер не сообщает нам ничего об экземпляре, который, согласно Нессельману, хранился в Тайном архиве в Кёнигсберге. Вероятно, по принципу *argumentum ex silentio* стоит предположить, что информация о его расположении не изменилась.

То есть схематически ситуацию можно изобразить следующим образом:

	<u>Беценбергер 1873/4</u>	<u>Место/Источник</u>	
	1) полный	Королевская библиотека в Кёнигсберге	
	2) полный (пропавший)	Королевская библиотека в Кёнигсберге	→ Афины?
Хенниг — Фатер →	3) неполный	Тайный архив в Кёнигсберге	

Мы также считаем, что положение дел в Королевской Библиотеке в Кёнигсберге изменилось за почти тридцать лет, прошедших после публикации Нессельмана в 1845 г., а именно: из двух известных Нессельману (1845) полных экземпляров сохранился только один, тогда как другой пропал предположительно в Афинах. Третий, неполный экземпляр «Энхиридиона» продолжал храниться в Тайном архиве.

§ 3. Известия XX в. об «Энхиридионе»

В начале XX в. публикуется основополагающая для прутенистики работа Рейнгольда Траутмана (Trautmann 1910), одновременно в XX в. в баллистике происходит кардинальный перелом. Довоенное и послевоенное состояние науки сильно отличается, но на протяжении более 50 лет наши представления об «Энхиридионе» не претерпевают изменений.

Траутман. В своей знаменитой и до сих пор непревзойденной работе (Trautmann 1910) он, разумеется, упоминает о филологическом значении «Энхиридиона». При этом автор ограничивается эксплицитными и имплицитными ссылками на своих предшественников:

Exemplare: das einzige vollständige in der Kgl. und Universitätsbibliothek zu Königsberg (im Abdruck als K bezeichnet); eins im Kgl. Staatsarchiv zu

Königsberg, dem am Schluß 3 Blätter (S. 129-134) fehlen (nach einer Notiz am Schlusse war das schon 1823 der Fall); eins in der Kgl. Bibliothek zu Dresden (als D bezeichnet), in dem der Titel und die Vorrede des Herzogs Albrecht fehlen (S. 1-16), die aber, nach der Beschaffenheit des heutigen Einbandes zu schließen, ausgerissen sind und nicht etwa von Anfang an gefehlt haben. [Ein viertes von Nesselmann, Spr. p. XIX erwähntes Exemplar ist verschollen s. Bezenberger, GGA. 1874, 1231].

‘Экземпляры: единственный полный экземпляр в Королевской и университетской библиотеке Кёнигсберга (в печати обозначенный аббревиатурой К); другой — в Королевском государственном архиве Кёнигсберга, в котором не хватает последних трех листов (с. 129–134) (согласно одной из записей в конце, это произошло уже в 1823 году); еще один — в Королевской библиотеке Дрездена (обозначенный как D), в котором не хватает титульного листа и предисловия герцога Альбрехта (с. 1–16), которые, однако, судя по состоянию переплета на данный момент, были вырваны, а не отсутствовали с самого начала [четвертый экземпляр, согласно Нессельману (Spr. der alten Preussen, XIX), был утерян, см. Bezenberger, Göttingsche gelehrte Anzeigen, 1874, 1231]’ (Trautmann 1910: xxvii–xxviii).

Эта цитата не настолько однозначна, как это могло бы показаться на первый взгляд. Автор с уверенностью утверждает, что на четвертом экземпляре стоит литера ‘E’. Таким образом, ситуация представляется следующей:

<u>Траутман 1910</u>	<u>Место/Источник</u>
1) полный (К)	Королевская и университетская библиотека в Кёнигсберге
2) неполный ⁶	Королевский государственный архив в Кёнигсберге
3) (не)полный (D) ⁷	Государственная библиотека в Дрездене
4) полный (К)	утерян в Афинах

⁶ Не хватает трех листов, т. е. 6 страниц: 129/130, 131/132, 133/134.

⁷ Не хватает страниц 1–16.

Остается неясным, почему последнее предложение о четвертом экземпляре Траутман заключил в квадратные скобки. Стоит ли это рассматривать как дополнение, которое автор вставил уже в корректурный оттиск, или, возможно, он таким образом хотел дистанцироваться от недостаточно достоверной информации⁸?

Самым большим отличием перечня Трауманна было упоминание о еще одном экземпляре, хранящемся в Государственной библиотеке Дрездена. Этот экземпляр Траутман охарактеризовал как искаженный/поврежденный (точнее, экземпляр без начала, в котором недостает страниц 1–16). Так дела обстоят и поныне. Еще одним, возможно даже более важным, аспектом, касающимся реального положения дел, на котором Траутман, однако, не заостряет внимания, было то, что на дрезденском «Энхиридионе» стояла подпись бывшего владельца, Давида Брауна (ср. § 1; изображение под § 5).

Таким образом, полагаю, мы можем установить происхождение двух из трех сохранившихся экземпляров:

	<u>Экземпляры</u>	<u>Место/Источник</u>
	1) полный (K)	Королевская и университетская библиотека в Кёнигсберге
Хеннинг — Фатер →	2) неполный	Королевский государственный архив в Кёнигсберге
Браун →	3) неполный (D)	Государственная библиотека в Дрездене

Мажюлис. В 1966 г. Витаутас Мажюлис вновь обращается к сведениям об «Энхиридионе». Автор попытался кратко описать ситуацию

---

⁸ Далее Траутман (1910: xxviii) приводит интересные наблюдения о небольших разночтениях между всеми тремя экземплярами, чему я намереваюсь посвятить отдельное исследование.

о состоянии дел в послевоенное время, которую можно резюмировать следующим образом:

- а) «Трудно сказать» (дословно *sunku pasakyti*), сколько экземпляров Катехизиса было напечатано в кенигсбергской типографии Иоганна Даубманна;
- б) Один экземпляр с 134 пронумерованными страницами, известный как экземпляр К, находился в Библиотеке Кёнигсбергского университета;
- в) Последнюю информацию Мажюлис, возможно, почерпнул у Нессельмана (1845), дополнив ее следующим образом: «...šio egzemplioriaus, kaip ir buvusio Karaliaučiaus Valstybiniam archyve egzemplioriaus (be 129–134 p.), likimas nėra man žinomas» ‘...судьба этого экземпляра, как и экземпляра Государственного архива бывшего Кёнигсберга (в котором отсутствуют страницы 129–134), мне неизвестна’ (Mažiulis 1966: 36).

Отсюда следует, что Мажюлис знал о существовании двух экземпляров в Кёнигсберге, хотя и, разумеется, сам не видел ни одного из них. Далее он уточняет: «Dabar man yra žinomi du šio prūsų katekizmo egzemplioriai Tiubingeno Valstybinėje bibliotekoje — T egzemplioriaus ir Drezdeno Valstybinėje bibliotekoje — D egzempliorius ‘Сейчас мне известны два экземпляры данного прусского катехизиса. Они находятся в Государственных библиотеках Тюбингена и Дрездена и соответственно называются экземпляром Т и экземпляром D’.

Приведенную Мажюлисом информацию можно схематически представить следующим образом:

Мажюлис 1966

1) Экземпляр Т

2) Экземпляр D

3) Экз. К (без с. 129–134)

Место/Источник

Государственная библиотека
Тюбингена

Государственная библиотека Дрездена
бывш. Королевская библиотека
в Кёнигсберге, утерян

Работа Мажюлиса (Mažiulis 1966) на данный момент является последним по времени издания научным трудом, где собраны сведения об «Энхиридионе». В книге (Mažiulis 1981) Мажюлис не добавляет никаких новых данных, касающихся указанной проблематики. Последующие поколения прутенистов либо совсем не затрагивали историко-ведческий аспект, либо ссылались на Мажюлиса.

§ 4. Вместо заключения

Сравнение данных довоенного и послевоенного времени дает нам поистине смутную картину, которая, по крайней мере меня лично, сбивает с толку. По этой причине несколько лет назад я взялся за изучение дошедших до нас сведений об «Энхиридионе», попытавшись как проверить уже известную информацию, так и прояснить ситуацию в целом. Далее последовала попытка описать сведения об «Энхиридионе» с учетом данных, актуальных на сегодняшний день.

До Второй мировой войны различными исследователями были упомянуты следующие экземпляры древнепрусского «Энхиридиона»:

Br = Частная библиотека Брауна (упоминается Нессельманом, давно утерян),

D = Государственная библиотека Дрездена (упоминается Траутманом, недостает с. 1–16),

K1 = Королевская библиотека Кёнигсберга,

K1bis = из Королевской библиотеки Кёнигсберга (упоминается Нессельманом, в то время как Беценбергер его уже считает утерянным в Афинах),

K2 = Тайный архив Дрездена.

В 1981 г. Мажюлису было известно только о двух экземплярах, а именно:

T = Государственная библиотека Тюбингена,

D = Государственная библиотека Дрездена.

исследований немецких авторов. Таким образом удалось обнаружить немало интересных фактов:

- а) Хранилище Библиотеки Тюбингена уже давно прекратило свое существование. В 1968 г. книги, находившиеся там на хранении, были перевезены из Тюбингена в Берлин,
- б) В Государственной библиотеке Дрездена до сих пор находится один экземпляр «Энхиридиона» (сигн.: Lit. Slav. 51), в нем отсутствуют страницы 1–16. Как уже было упомянуто, ранее он принадлежал Давиду Брауну.
- в) В 2009 г. в Государственной библиотеке Берлина (на Унтер-ден-Линден) мне без труда удалось «открыть» экземпляр «Энхиридиона», на тот момент еще нигде не упомянутый (под сигн.: Lib. impr. rar. Quart. 182).
- г) Я узнал и нашел доказательство тому, что в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия (Берлин, Далем) находится еще один до сих пор нигде не упомянутый экземпляр «Энхиридиона» (сигн.: XX HA StuB Königsberg Nr. 17).
- д) Факсимиле «Энхиридиона», изданное Мажюлисом в 1966 г., соответствует экземпляру, «обнаруженному» в Государственной библиотеке Берлина.

В свете перечисленных новообретенных данных позволительно предложить следующую таблицу, которая, не претендуя на полноту, без сомнения проясняет ситуацию со сведениями об «Энхиридионе»:

Перед Второй мировой войной	1966	2018
Br = Частная библиотека Брауна	→	D = Гос. библиотека в Дрездене
K1 = Университетская библиотека Кёнигсберга	→ T = Гос. библиотека Тюбингена	→ V1 = Берлинская гос. библиотека
Kbis = утерян (в Афинах?)	—	—
K2 = Гос. архив Кёнигсберга	?	?
?	?	Тайный гос. архив прусского культурного наследия

Вышесказанное приводит нас к выводу, что издание, в настоящее время хранящееся в Тайном государственном архиве, соответствует экземпляру, ранее обозначенному как K2. Поэтому в нашу таблицу можно внести следующее уточнение:

<u>Перед Второй мировой войной</u>	<u>1966</u>	<u>2018</u>
B_r = Частная библиотека Брауна	→	D = Гос. библиотека в Дрездене
K1 = Университетская библиотека Кёнигсберга	→ T = Гос. библиотека Тюбингена	→ V1 = Берлинская гос. библиотека
K2 = Гос. архив Кёнигсберга	→	V2 = Тайный гос. архив прусского культурного наследия

Итак, на сегодняшний день известно о трех, а не о двух, как утверждал Мажюлис, экземплярах древнепрусского Энхиридиона. Сравнение современной ситуации с положением дел, описанным Траутманом (1910), показывает, что ни один из существовавших в то время экземпляров не был утерян, изменилось только место их хранения⁹.

ЛИТЕРАТУРА

Acta Borussica 1–3 — Acta Borussica ecclesiastica, civilia, literaria Oder Sorgfältige Sammlung allerhand zur Gefchichte des Landes Preuffen gehöriger Nachrichten, Uhrkunden, schriften und Documenten. Königsberg; Leipzig. T. 1. 1730; T. 2, 1731; T. 3, 1732.

Adelung, Vater 1809 — *Adelung J. C., Vater J. S. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde: mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünfhundert Sprachen und Mundarten. Theil 2: Europäische Sprachen.* Berlin, 1809.

⁹ По моему мнению, наступило время подготовить новое издание этого фундаментального для балтистики источника. В то же время необходимо продолжить герменевтические исследования данного самого важного древнепрусского памятника.

Bezenberger 1874 — *Bezenberger A.* [Rec. Nesselmann 1873] // Göttingische Gelehrte Anzeigen. Göttingen, 1874. [Bd.] 39. S. 1221–1250.

Bopp 1816 — *Bopp F.* Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache. Frankfurt am Main, 1816.

Braun 1723 — *Braun D.* De scriptorum poloniæ et prussiæ historicorum, politicorum & jctorum typis impreſſorum ac manuſcriptorum in bibliotheca brauniana collectorum, virtutibus et vitiis, catalogus, et judicium, poſt evolutionem exactam, ſine odio aut ſtudio, limatiſſimum. Coloniae, anno M D CC XXIII [1723].

Breva, Sarmiento 1990 — *Hervás y Panduro L.* Vocabolario Poligloto (1787); Saggio Pratico delle lingue (1787) / estudio introductorio y edición facsimil C. M. Breva, R. Sarmiento. Madrid, 1990.

Dini 1997 — *Dini P. U.* Der Werdegang der Auffassung über die baltische Sprachdomäne bei Lorenzo Hervás y Panduro. Ein Beitrag zur Historiographie der baltischen Linguistik // Indogermanische Forschungen. [Bd.] 107. 1997. S. 261–294.

Dini 2014a — *Dini P. U.* Aliletoescvr. Linguistica baltica delle origini. Livorno, 2014.

Dini 2014b — *Dini P. U.* Dėl prūsų kalbos tekstų sąvado susidarymo // Baltai ir slavai. Dvasinių kultūrų sankirtos = Балты и славяне. Пересечения духовных культур / sudarė ir redagavo T. Civjan, M. Zavjalova, A. Judzėntis. Vilnius, 2014. P. 89–100.

Grimm 1822 — *Grimm J.* [Rec. Vater 1821] // Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1822. S. 1201–1207. (Kleine Schriften; Bd. 4. S. 160–164).

Hartknoch 1679 — *Hartknoch C.* Alt- und Neues Preußen. Frankfurt; Leipzig, 1679.

Hartknoch 1684 — *Hartknoch C.* Alt- und Neues Preußen oder Preußischer Historien Zwey Theile. Auß vielen alten so wol als neuen, einheimischen als außwertigen Scribenten, Privilegien und andern Documenten... Frankfurt; Leipzig, 1684.

Hervás y Panduro 1787 — *Hervás y Panduro L.* Saggio Pratico delle lingue, tomo XXI de l'Idèa dell'Universo. Cesena, 1787.

Lilienthal 1742 — *Lilienthal M.* Der Catheciſmus in altpreußiſcher Sprache // Preußische Zehenden Allerhand geistlicher Gaben. Bd. 3. 1742. S. 51–63.

Mažiulis 1966 — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. [T.] 1. Vilnius, 1966.

Mažiulis 1981 — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. [T.] 2. Vilnius, 1981.

Nesselmann 1845 — *Nesselmann G. H. F.* Die Sprache der alten Preussen an ihren Überresten erläutert. Berlin, 1845.

Nesselmann 1873 — *Nesselmann G. H. F.* Thesaurus linguae prussicae. Der preussische Vocabelvorrath soweit derselbe bis jetzt ermittelt worden ist, nebst Zugabe einer Sammlung urkundlich beglaubigter Localnamen, gesichtet und zusammengestellt. Berlin, 1873.

Schlözer 1771 — *Schlözer L. A.* Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten in Teutschland und Engeland ausgefertigt. Ein und dreyßigster Theil / verfaßet von August Ludwиг Schlözer... Halle, 1771.

Trautmann 1910 — *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Einleitung, Texte, Grammatik, Wörterbuch. Göttingen, 1910 [21970].

Vater 1821 — *Vater S.* Die Sprache der alten Preußen: Einleitung, Ueberreste, Sprachlehre, Wörterbuch. Braunschweig, in der Schul-Buchhandlung Halle, 1821.

Перевод Е. В. Скудиной

Pietro U. Dini

On the tradition of philological studies related to the Old Prussian Enchiridion (1561)

The aim of the research > paper is to collect and analyse all the data related to the main Old Prussian Catechism, so-called Enchiridion, published in Königsberg in 1561. The author examines works of many scholars, from the epoch of the linguistic palaeocomparativism in the 16th century till the present time (Hartknoch, Braun, Lilienthal, Schlözer, Adelung, Hennig, Vater, Grimm, Nesselmann, Bezenberger, Trautmann, Mažiulis). The final part is focused on the three existing versions of the Enchiridion, known at present.

Key-words: Philology, Old Prussian, Historiography of Baltistics.

В. Я. ПЕТРУХИН

(Институт славяноведения РАН, Москва)

«РАННЕИСТОРИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ» И НАЧАЛО РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.16

Наиболее дискутируемой проблемой истории русского летописания на протяжении уже столетий текстологических исследований остается *начало*: на чем основывался киево-печерский монах летописец, условно именуемый Нестором, когда принялся составлять *летопись*. Очевидным стало, особенно после работ А. А. Шахматова, что первоначальный текст исторического повествования не был разбит на *лета*: значит, архаическим началом текста было повествование о первых (дохристианских) князьях, о которых летописец узнал из устных преданий, а с появлением христианской письменности — из записей («записок» — см. Пресняков 2017), составляемых клириками: А. Н. Насонов подчеркнул, что такие записи велись при соборных храмах (первым была Десятинная церковь), но замечал при этом, что древнейшие летописные сказания носят «светский», «народный» характер (Насонов 1969: 31 и сл.; см. также в недавнем сравнительно-историческом исследовании летописания — Гимон 2012: 210–217). Первый летописец должен был осуществить синтез писаного церковного и «светского» преданий. Естественными образцами для такого синтеза были Библия и византийские хроники, доступные летописцу в виде компилятивного (реконструируемого) «Хронографа по Великому изложению» и композиционно близкому этой компиляции славяно-русскому переводу «Хроники Амартола».

Со следования этим очевидным образцам возникают текстологические проблемы: Библия начинается с творения («шестоднева»): «В начале сотворил Бог небо и землю»; Хроника Амартола начинается

«от Адама». Это вступление — «От Адама до потопа» — присутствует в «Повести временных лет» (ПВЛ: 12), но оно вводит хронологический расчет библейских событий, греко-византийских «царств» и княжений русских князей от вещего Олега до Святополка Изяславича (внука Ярослава Мудрого) не в космологическом контексте (контексте творения), а в хронологической, собственно летописной части ПВЛ (под 852 г.)¹. Космографическое введение ПВЛ начинается не от Адама, а с разделения земли тремя сыновьями Ноя после всемирного потопа и расселения их потомков — народов мира. Что могло заставить летописца нарушить образцовую композицию Священного Писания?

Сама эта композиция исследуется в классической статье В. Н. Топорова «О космологических источниках раннеисторических описаний», написанной для тартуских «Трудов по знаковым системам» в 1972 г. и переизданной в собрании трудов московской семиотической школы в 1997 г. Топоров продемонстрировал универсальные истоки композиции ранних исторических текстов, к каковым относилась и Библия: началом истории была мифология, точнее описание творения — космология. Переходом от мифологической эпохи к истории оказывался опять-таки миф о сотворении человека — библейского Адама, отделенного от божественного (мифологического) прошлого — изгнанного из рая с его райским мировым деревом, ангелами и т. п. Земной человек вынужден сам обустроить землю, становится культурным героем, прародителем народа и его традиций. Казалось бы, такой герой хорошо известен ПВЛ: это Кий, само «орудийное» имя которого указывает на связь с возделыванием земли (Топоров 1998: 193 и сл.). «Киевская легенда» идеально подходила для жанра раннеисторического описания и была использована как ПВЛ, так

---

¹ Еще дальше — в рассказе о крещении Руси — отстоит от начала ПВЛ сюжет «Шестоднева»: он включен в катехизис, с которым обращается к князю Владимиру (под 986 г.) византийский миссионер — «Философ», сюжет расселения народов мира там отсутствует; «Философ» сосредоточивается на антииудейской полемике (ПВЛ: 40–42).

и Новгородской первой летописью (НПЛ): во введении к НПЛ Кий сопоставлялся со схожими культурными героями раннеисторических описаний, самый известный из которых — Ромул (Римъ), основатель Рима (НПЛ: 103). Это позволяло предполагать киевские истоки русской исторической традиции и даже некоего древнейшего Киевского свода, предшествующего и ПВЛ и НПЛ (отражающей некий Начальный киевский свод 1090-х гг. в реконструкции А. А. Шахматова).

Но здесь история «вторгается» в космологическую схему. Летописцу известно было, что Кий и его братья не оставили наследников: Киев из-за этого оказался под властью хазар, и овладели им русские летописные герои-варяги Аскольд и Дир (ср. ПВЛ: 13; 105–106)². «Честный Нестор» (как его прозвал еще А. Шлёцер) пытался изобразить Кия киевским (полянским) князем, которого принимал сам византийский «царь», но признавался: имени цесаря «не свѣмы» (ПСРЛ II: 8; ср. Алешковский 2015: 256).

Кий не мог претендовать на роль генеалогического героя, с точки зрения христианина-летописца: он оставался племенным вождем в языческой предыстории. Новым Адамом для Руси оказывался креститель князь Владимир: недаром и он наделялся символическими функциями возделывателя земли — «землю взора и умягчи, рекше крещеньем просвѣтивъ» (ПВЛ: 66).

Но князь Владимир, как и его почитатели, помнил о своем варяжском происхождении и даже претендовал на архаический хазарский титул «каган» (Петрухин 2018). Эту варяжскую генеалогию призванного из-за моря русского княжеского рода и связанной с ним дружины — *руси* — передавала, опираясь на предание русской элиты, ПВЛ. Имя Владимира Святославича было полностью славянским, хотя имена деда и бабки (*Игорь* и *Ольга*) наследовали скандинавской традиции (как и имя павшего в распрях брата — *Олег*).

---

² О средневековых истоках романтических гипотез, стремящихся выставить Аскольда и Дира (с их варяжскими именами) «Киевичами», правителями исконной киевской поляно-руси и т. п., см. Флоря 1990.

Очевидная двойственность происхождения «нового» христианского народа, его элиты и его культуры осложняла задачу летописца, использующего славянский (древнерусский) язык. Эта двойственность характеризует и структуру летописного текста, ориентированного на библейскую традицию. Для Библии культурными и генеалогическими героями были потомки сыновей Ноя — предки народов, расселившихся по земле после потопа. Естественно, среди этих народов, перечисляемых в соответствии с древней ближневосточной и продолжающей ее византийской традицией, не было ни славян, ни руси. Необходимы были поиски близкой к Библии традиции, приближающей этнографию к эпохе составления летописи. Эта традиция была обнаружена, а ее истоки открыты еще первым российским гебраистом А. Гаркави (это открытие использовал любитель древнерусской словесности Г. М. Барац: Барац 1927: 747 и сл.): речь идет об иудейской хронике «книге Иосиппон», составленной в Италии в X в. и содержащей перечень потомков Ноя³ в редакции, близкой славянской (кирилло-мефодиевской) традиции. В соответствии с этой традицией перечислены имена славянских народов, а русь упоминается дважды — первый раз рядом с англами и саксами (ср. летописное «за морем»), второй раз в локусе, идентифицируемом с Киевом (ср. Петрухин 1995: 25–40; Рашковский 2009).

«Иосиппон» и ПВЛ согласно следуют здесь библейской традиции: собственно, в библейском перечне потомков Ноя эти потомки упоминаются *дважды* — один раз в порядке генеалогии, другой раз — в соответствии с расселением в известных географических пределах (ср. к типологии соотношения генеалогических и географических параметров в раннеисторических описаниях: Топоров 1997: 154 и сл.; ср. Ведюшкина 2004). Эта древняя методология истории оказалась весьма продуктивной в «новую» средневековую эпоху: в ПВЛ среди потомков («колена») Иафета оказывались как словене, расселяющиеся

---

³ Охватывает библейскую историю от Адама до разрушения Иерусалимского храма римским императором Титом.

с Дуная до Балтики (Новгорода), так и русь, отнесенная к заморским варяжским народам и упомянутая рядом с англами, но расселившаяся во главе с призванными князьями от Новгорода до Киева.

Соответственно, «двойственная» задача летописца была сформулирована в знаменитых вводных словах: «Се повѣсти времянных лѣт, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля *стала* есть» (ПВЛ: 8). Сама тавтология формулировки, очевидно, смущала уже редактора Ипатьевского списка, где получилось неудобочитаемое — «откуда есть пошла Руская земля *стала* *есть*. и хто в ней почаль пѣрвѣе княжити» (ПСРЛ II: 2). Киев здесь заменен «Русской землей» — архаическим обозначением государственной структуры (войска) (ср. Горский 2008), но двойственность вопросной формулы сохраняется. В. Н. Топоров (1997: 146 и сл.) продемонстрировал, что этот вопросно-ответный зачин характерен для разных раннеисторических описаний: ответ действительно содержит ПВЛ во фразах, завершающих легенду о призвании в Новгород варягов и рассказ о происхождении славянской письменности на Руси — «и от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни» (ПВЛ: 13)⁴; киевские поляне «от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене» (ПВЛ: 16).

В историографии летописания эта двойственность, характеризующая этногенетическую (генеалогическую) позицию народа и его этногеографическое место в мировом пространстве, традиционно воспринимается как отражение «двух концепций» происхождения Руси (А. Г. Кузьмин) и т. п. Таков был подход А. А. Шахматова, осложненный

⁴ Особая текстологическая проблема — соотношение процитированной лаврентьевской и ипатьевской редакций ПВЛ: в последней загадочная фраза о новгородцах «от рода варяжска» отсутствует, поскольку основание самого Новгорода там приписывается Рюрику (в лаврентьевской информация о Новгороде отсутствует! — Алешковский 2015: 32); о призванных варягах говорится лишь, что они пришли «к словенам первее» (ПСРЛ II: 14).

фантастическими представлениями о «полчищах» скандинавской (!) руси, колонизовавшей Поднепровье до призвания варягов⁵, поэтому русью стали называться славяне южного Поднепровья, а варягами — словене новгородские. Ему в целом следовали Б. А. Рыбаков (для которого имя *русь* было исконно славянским), М. Х. Алешковский, обнаруживающий в летописи работу редактора-«норманиста» (Алешковский 2015: 255 и др.), и др.

Исследуемая В. Н. Топоровым вопросно-ответная структура текста выдержана в ПВЛ, но нарушена в НПЛ, которая, как традиционно считается вслед за А. А. Шахматовым, отражает предшествующий ПВЛ «Начальный свод». Ответ на вопрос, «откуда есть пошла Руская земля», НПЛ содержит: «...и от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжъска», Новгород же изображается исконной резиденцией Рюрика (НПЛ: 106). Но «ответ» не соответствует введению НПЛ, где отсутствуют вопросы о происхождении Руси, а утверждается первенство новгородской «волости» перед киевской (ср. Петрухин 1995: 69–82). Обращение к этой теме следует за восхищением церквами, устроенными на месте языческих капищ на киевских горах, монастырями, «исполненными черноризец». Преклонение перед «промыслом Божиим» прерывается, однако, обращением к интересующему нас вопросу: «Мы же паки на послѣдование возвратимся, глаголюще сице о началѣ Русьския земля и о князѣхъ, како откуда быша» (НПЛ: 103). Неясно, к какому тексту вновь (паки) собирается возвращаться летописец — в начале НПЛ говорится об избрании Русской земли Богом «на послѣднѣе время»: о начале Руси и происхождении князей речи нет (ср. Бугославский 2006: 294–295). Далее говорится о каких-то «древних» князьях и их мужах, которые «отбараху Руския

---

⁵ Рецидивом этих взглядов остается тиражируемая до сих пор историографическая конструкция некоего Русского каганата, возникшего до призвания варяжских князей (см. Петрухин 2017).

земль, и ины страны придаху под ся», в отличие от нынешних, алчущих неправедного богатства (НПЛ: 104)⁶. К проблеме *начала* НПЛ возвращается в завершение своего введения: «Мы же от начала Рускы земля до сего лѣта и все по ряду извѣстно да скажемъ, от Михаила цесаря до Александра и Исакья». Эта концовка соответствует эсхатологическому вступлению о «последних временах»: с приближением конца света ассоциировалось царство Михаила III; НПЛ содержит и повесть о завоевании Царьграда крестоносцами (фрягами) в 1204 г.⁷ (недаром Константинополь во введении не указан среди городов, которым уподоблен Киев). Вопрос «о началѣ Русьския земля и о князѣхъ, како откуду быша», явно соотносится с зачином ПВЛ (ср. к дискуссии о соотношении этих текстов — Петрухин 2006; Гиппиус 2006: 58 и сл.; Гиппиус 2012).

Давнее предположение о том, что НПЛ непоследовательно сохраняет чтение предшествующего текста — ранней редакции ПВЛ («Начальной летописи»), сокращенной новгородцем в соответствии

---

⁶ См. о древних князях, ассоциирующихся с Владимиром и Ярославом: Шахматов 2003: 463. Замечу вслед за А. Ф. Литвиной и Б. Ф. Успенским, что эта характеристика «несытоства» элиты принципиально отличается от архаической характеристики Рюриковичей в ПВЛ, раздающих богатства дружине (Литвина, Успенский 2018: 8–71).

⁷ Естественно, А. А. Шахматов считал упоминание Александра (правильнее — Олексы) и Исакья вставкой новгородского сводчика XIII в. (Шахматов 2003: 454–456), но тогда остается неясным, чем кончается «ряд» царств, начинающийся упоминанием Михаила III. Ср. также: Алешковский 2015: 177–178. Указывая на ошибочное отнесение Шахматовым императоров соправителей к Комнинам, в то время как речь идет об Ангелах, М. Х. Алешковский считает (вслед за Шахматовым — Шахматов 2003: 463), что перечисление «царств» должно было закончиться в «Начальном своде» упоминанием Святополка Изяславича (как в ПВЛ), но в ПВЛ кончина этого князя представляет собой пространный сюжет (с предшествующими знамениями и т. п.), в то время как НПЛ содержит лишь беглое упоминание о преставлении Святополка в статье 1113 г.

с заявленной во введении «патриотической» тенденцией, находит дополнительное основание в цитировании всеми летописными редакциями того образца, которому следовал составитель Начальной летописи.

Этот образец являло космографическое введение ПВЛ, ориентированное на библейскую традицию — расселение потомков Ноя, где среди потомков Иафета описывается расселение от Дуная славянских племен (языков): «...разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ» (ПВЛ: 8). Как уже говорилось, в НПЛ космографическое введение отсутствует, как и начальный вопрос о том, «откуда есть пошла Руская земля», зато саму летописную часть НПЛ вводит под 854 г. (отнесенному к царствованию Михаила III) главка «Начало земли Руской». Но следующий текст повествует не о Русской земле, а о киевской легенде — Кие и его братьях, сотворивших полянский «градокъ». Лишь затем следует вставка из хронографа о первом походе Руси на Царьград при Михаиле III, разрывающая рассказ о полянских братьях, затем приводится сказание о хазарской дани с полян, рассказ о *неведомо* откуда явившихся в Киев варягах Аскольде и Дире (вспомним во введении вопрос о «князѣхъ, како откуда быша»), наконец, легенда о призвании варягов, от которых прозвалась Русская земля. Для самого А. А. Шахматова (в отличие от А. А. Гиппиуса — Гиппиус 2006: 58) очевидна была несообразность этой конструкции, где информация о Руси (и Михаиле III) теряется в контексте легендарной киевской предыстории. Но маститый текстолог увлечен обоснованием древности введения к НПЛ, которому приписывается даже «бодрый тон» — лишь бы «последние времена» введения не ассоциировались с разорением Киева (в 1203 г.) и захватом Константинополя фрягами (Шахматов 2003: 454–455; ср. 463).

Замечу, что несообразность конструкции XIII в. может проистекать из традиционной для этого времени (XIII в.) ассоциации Русской земли («в узком смысле» — ср. Насонов 2002; Кучкин 1995) с киевским

Поднепровьем. При описании полянского Поднепровья летописец XIII в. опирался на ПВЛ, ибо сразу вслед за главкой о начале Русской земли следует цитата из ПВЛ: «живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюща кождо родом своим» (и далее о трех братьях, Кие, Щеке и Хориве). Шахматов, вслед за А. И. Соболевским, отмечал невнятность такой фразы в качестве начальной (Шахматов 2003: 459–460)⁸, но ни тот, ни другой не обратили должного внимания на то, что фраза о живущих со своим родом по своим местам является парафразом из библейской Таблицы народов (Бытие: 10; ту же фразу воспроизводит Иосиппон в описании потомков Иафета). В ПВЛ этот текст (ПВЛ: 9) действительно вводит повествование о поселении полян на Днепре, завершающее рассказ о расселении славян среди потомков библейского Иафета (ср. приведенную выше цитату — ПВЛ: 8). Очевидно, что «Начальный свод» имел космографическое введение, сходное с введением к ПВЛ и представлял собой раннюю редакцию Начальной летописи: ср. размышления по этому поводу А. А. Гиппиуса, признавшего убедительными представления автора данной статьи о функциях космографического введения в начальном летописании (Гиппиус 2012: 54–56).

Ориентация на самое авторитетное «раннеисторическое описание» — Библию — не сводилась, конечно, к поискам места славян и руси в этногеографическом контексте всемирной истории. Центральным сюжетом библейской истории, воплощающим переход от космографии к собственно истории, был «Исход». В композиции ПВЛ этот сюжет занимает свое «библейское» место — вслед за описанием расселения славян и обретения полянами своей земли в Киеве. Собственно ассоциирующийся в ПВЛ с библейским «Исходом» сюжет хазарской дани с полян и есть переход к *русской* истории: в ПВЛ

---

⁸ М. Х. Алешковский усмотрел в этой фразе свидетельство непонятого сокращения ПВЛ «новгородцем» (Алешковский 2015: 89–90), но, недоумевая по поводу сокращения начальных слов о полянах, проигнорировал «полянский» контекст всей главки о Русской земле.

предрекается избавление («исход») от хазарской дани с констатацией летописца — «володѣють бо козары русьскіи князи и до днешнего дне» (ПВЛ: 12). Первое упоминание хазар (козаре) связано с рассказом о появлении болгар («насельников» словен) на Дунае в космографическом («доисторическом») контексте (ПВЛ: 10). Далее в ПВЛ следует первая летописная дата, привязанная к походу руси на Царьград при Михаиле III и упомянутый расчет лет «от Адама»⁹.

Воздействие космографического образца на начальное летописание не сводилось, однако, к этногеографическим сюжетам предыстории: архетипическое разделение земель между тремя братьями — сыновьями Ноя воспринималось как Божественный завет в русской средневековой традиции. Это касается не только давно отмеченного (ср. Алешковский 1969; Алешковский 2015: 153–155; Петрухин 1995: 52–61; Timberlake 2006) разделения волостей тремя братьями — наследниками Ярослава Мудрого в Начальной летописи, но и поздней «Задонщины».

В зачине «Задонщины», повести о Куликовской битве, великий князь Московский Дмитрий призывает брата идти на «супостата царя Мамаю»:

Пойдем, брате, тамо в полуношную страну — жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися *русь православная*. Взыдем на горы Киевския и посмотрим *славного* Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоле на восточную страну — жребий Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя — поганые татаровя, бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каяле одолѣша родѣ Афѣтов. И оттоля Руская земля сѣдит невесела; а от Калатъския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася... Снидемся, братия и друзи и сынове руский, составим слово

---

⁹ В НПЛ, разрушившей космографическое введение, сюжет хазарской дани включен в «исторический» контекст между первым походом Руси и вокняжением в Киеве Аскольда и Дира: это вокняжение, однако, не связано с избавлением от хазарской дани (см. к полемике о хазарской дани: Петрухин 2017).

к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на Восточную страну — в Симов жребий и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его, князю Владимиру Андреевичю (БЛДР 6: 104).

Представления о «жребиях» потомков Ноя, унаследованных правителями Восточной Европы, «Задонщина» воспринимает из ПВЛ. В Начальной летописи это представление восходит не прямо к Библии, а к библейскому псевдоэпиграфу — «Книге юбилеев», или «Малому Бытию» (2 в. н. э.): ее влияние на начальное летописание обнаружил еще упомянутый выше Г. М. Барац (Барац 1924: 84–85, 94, 108). Псевдоэпиграф подробно трактует и осуждает братоубийственные распри между потомками Ноя — не нарушать «жребий братень» призывает трех Ярославичей и летописец. Не менее существен и иной мотив архетипических распрей, воздействовавший на начальное летописание: «И начали сыны Ноевы воевать друг с другом... и возводить мощные города, и стены, и башни, и люди возвысились над племенами, и обрели начала царств, и пошли войной народ на народ, и племя на племя, и город на город...» (Малое Бытие: XI). Началу русского «царства» в ПВЛ предшествует рассказ о войне Михаила III против болгар, следом говорится о дани, которую вимали варяги «на чюди и на словѣнхъ, на мери и на вѣхъ кривичехъ» (а хазары — с племен юга), наконец, об изгнании варягов и отсутствии правды среди повстанцев: «...и вѣста родъ на родъ, и быша в них усобицѣ, и воевати почаша сами на ся» (ПВЛ: 12–13). Далее следует легенда о призвании варяжских князей с ответом на заглавный вопрос о происхождении Русской земли.

Редакция легенды НПЛ возвращает нас к проблеме отражения этой летописью традиций начального летописания, ибо мотив городов, существенный для Малого Бытия, характеризует именно текст НПЛ (в ПВЛ «вѣста род на род»): после изгнания вимавших дань варягов словене, кривичи, меря и чудь «начаша владети сами собѣ и города ставити. И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать

велика и усобица, и вѣсташа град на град и не бѣше в нихъ правды» (НПЛ: 106). Ср. далее о «начале царств»: обосновавшийся в Киеве «Игорь нача грады ставити, и дани устави...» (НПЛ: 107; в ПВЛ основание городов приписано Олегу)¹⁰.

Так или иначе, обращение к космографическим традициям оказывается необходимым для понимания композиции «раннеисторических описаний» и «картины мира» летописцев (Топоров 1997: 170).

ЛИТЕРАТУРА

Алешковский 1969 — *Алешковский М. Х.* Первая редакция «Повести временных лет» // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С. 13–40.

Алешковский 2015 — *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет: Из истории создания и реакционной переработки / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М., 2015.

Барац 1924 — *Барац Г. М.* Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. О составителях Повести временных лет и ее источниках преимущественно еврейских. Берлин, 1924. Т. 2.

Барац 1927 — *Барац Г. М.* Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Париж, 1927. Т. 1. Отдел 2.

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1999.

Бугославский 2006 — *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет / сост. Ю. А. Артамонов. М., 2006.

Ведюшкина 2004 — *Ведюшкина И. В.* Этногенеалогии в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 г. М., 2004. С. 52–60.

---

¹⁰ Впрочем, описание неурядиц, при которых град вставал на град, — общее место библейских описаний беспорядков: см. Барац 1927: 789–790. Ср. также Паралипоменон 2,15:6. Это обстоятельство затрудняет историцистское толкование летописного эпизода как отражающего специфику городского строительства на Новгородчине (ср. Шахматов 2003: 223; Янин 2007).

Гимон 2012 — *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительные исследования. М., 2012.

Гиппиус 2006 — *Гиппиус А. А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова / отв. ред. А. М. Молдован. М., 2006. С. 56–96.

Гиппиус 2012 — *Гиппиус А. А.* До и после Начального свода: летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 36–62.

Горский 2008 — *Горский А. А.* Земли и волости // Древняя Русь: Очерки политического и социального строя / отв. ред. А. А. Горский, В. А. Кучкин. М., 2008. С. 9–32.

Кучкин 1995 — *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 74–100.

Литвина, Успенский 2018 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контурсы русско-варяжского культурного взаимодействия. М., 2018.

Малое Бытие — Книга юбилеев, или Малое Бытие // Ветхозаветные апокрифы / пер. Е. В. Витковского. М., 2000. С. 15–116.

Насонов 2002 — *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства / отв. ред. В. В. Яковлев. М., 2002. (1-е изд.: М., 1952).

Насонов 1969 — *Насонов А. Н.* История русского летописания. XI — начало XVIII века. М., 1969.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. (ПСРЛ; т. 3). [Репринт издания под ред. А. Н. Насонова: М.; Л., 1950].

ПВЛ — Повесть временных лет / подг. текста, пер., ст. и комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц; 2-е изд. подг. М. Б. Свердлов. СПб., 1996.

Петрухин 1995 — *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., Смоленск, 1995.

Петрухин 2006 — Как начиналась Начальная летопись? // Труды Отдела древнерусской литературы / [редкол.: О. В. Творогов (отв. ред.) и др.]. СПб., 2006. Т. 57. С. 33–41.

Петрухин 2017 — *Петрухин В. Я.* Хазарское начало русской истории // POLYSTORIA: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе / отв. ред. М. А. Бойцов, О. С. Воскобойников. М., 2017. С. 43–85.

Петрухин 2018 — *Петрухин В. Я.* Владимир — каган «от рода варяжска» // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / отв. ред. А. М. Молдован. М., 2018. С. 104–110.

Пресняков 2017 — *Пресняков А. Е.* Русское летописание: Историография и история / сост. С. В. Чирков. М., 2017.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1–43. СПб., 1846 — М., 2004.

Рашковский 2009 — *Рашковский Б. Е.* Книга Иосиппон как источник по истории славян и некоторых других народов Восточной Европы в исследованиях 1940-х–1990-х гг. // Славяноведение. 2009. № 2. С. 3–15.

Топоров 1997 — *Топоров В. Н.* О космологических источниках раннеисторических описаний // Из работ московского семиотического круга / сост. Т. М. Николаева. М., 1997. С. 128–170.

Топоров 1998 — *Топоров В. Н.* Предистория литературы у славян. М., 1998.

Флоря 1990 — *Флоря Б. Н.* Русь и русские в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в Средние века / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1990. С. 16–28.

Шахматов 2003 — *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1; кн. 2: Раннее русское летописание / отв. ред. В. К. Зиборов, В. В. Яковлев. СПб., 2003.

Янин 2007 — *Янин В. Л.* О начале Новгорода // У истоков русской государственности. отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб., 2007. С. 205–212.

Timberlake 2006 — *Timberlake A.* «Не преступати предѣла братня»: The entries of 1054 and 1073 in Kiev Chronicle // Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова / отв. ред. А. М. Молдован. М., 2006. С. 97–112.

V. Ja. Petrukhin

**“Early historical writing” and the beginning
of the Russian chronicle tradition**

Vladimir N. Toporov demonstrated that the beginning of the Primary Russian Chronicle corresponded to a typical beginning of the early historical writing: questions and answers concerning main historical events. The cosmographical introduction to the Chronicle and the legend of the invitation of the Varangians was based on the Biblical tradition (the Book of Jubilees).

Key-words: early historical writing, Primary Russian Chronicle, the Book of Jubilees.

RAINER ECKERT
(Berlin)

**IN EHRENDEM GEDENKEN
AN VLADIMIR NIKOLAEVIČ TOPOROV
EIN BRIEF VON SEINER ÜBERAUS GÜTIGEN,
KLUGEN UND ANMUTIGEN GATTIN
TATJANA JAKOVLEVNA ELIZARENKOVA**

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.17

In der Mitte des verflossenen Jahrhunderts hatte ich in den Anfangsjahren meines Studiums das große Glück, die unübertrefflichen Lehrveranstaltungen von Vjačeslav Vsevolodovič Ivánov an der Moskauer Universität erleben zu dürfen. Im Studienjahr 1952/53 hatte ich ihm die Testatsprüfung (začet) im Fach „Einführung in die Sprachwissenschaft“ abzulegen. Das war mein erstes Treffen mit dem jungen talentierten Gelehrten. Einige Jahre später besuchte ich seinen Kurs zum Tocharischen, an dem das Ehepaar Elizarenkova–Toporov teilnahm.

Eine Episode aus diesen Tagen ist mir zeitlebens in meinem Gedächtnis haften geblieben: Vladimir Nikolaevič und Tatjana Jakovlevna waren ein einziges Mal verhindert am Tocharisch-Seminar teilzunehmen. Sie baten mich, ihnen meine Nachschriften zur Verfügung zu stellen, um das Versäumte nachlesen zu können. Ich war natürlich gern bereit dem nachzukommen, hatte aber nicht wenige Bedenken ob meiner damals noch dürftigen Russischkenntnisse und der daraus resultierenden Mangelhaftigkeit meiner Aufzeichnungen.

Diese Befürchtungen waren völlig verflogen, als mir Tatjana Jakovlevna die von ihr äußerst akribisch korrigierte Vorlesungsnachschrift dankend zurückgab, die ich seither in meinem Bücherschrank wie eine Reliquie aufbewahre. Das war vor mehr als einem halben Jahrhundert geschehen.

Und Welch ein spätes Glück wurde mir im Jahre 2006 zuteil! In einem Brief an Tatjana Jakovlevna vom 27. August 2006 hatte ich ihr mit Bedauern mitgeteilt, dass leider mein Buch über die lettischen Volkslieder (später erschienen als „Studien zur Sprache der lettischen Volkslieder, Peter Lang-Verlag, Frankfurt am Main 2007) erst mit Verzögerung erscheinen werde und ich es nicht mehr Vladimir Nikolaevič überreichen konnte. Im selben Schreiben sandte ich ihr meinen Nachruf „Akademienmitglied Vladimir Nikolaevič Toporov in memoriam“, erschienen in der „Zeitschrift für Slawistik“.....). Weiter unten führe ich dieses Schreiben als Brief Nr. 1 (Eckert) an. Trotz ihrer schweren Situation schickte sie in Ihrer lieben freundlichen Art ein kurzes handschriftliches Antwortschreiben vom 5. November 2005, das mich am 22. November erreichte. Dies ist Brief Nr. 2 (Elizarenkova).

Ich war zutiefst gerührt, als ich Ihre Worte, die sie mir in einem ausgezeichneten Deutsch übermittelte, las und ich an Sie und Ihren lieben Gatten ganz in Gedanken versunken war. Sie war zu dieser Zeit schon sehr krank und hat uns bald für immer verlassen, aber Ihre überreiche Güte, Ihre wohlthuende beglückende Freundlichkeit und Zuneigung, Ihre entwaffnende Einfachheit, Ihr allen Menschen gegenüber einnehmendes Wesen haben alle beglückt, die Ihr begegneten. Das ist ein spätes großes Glück, das mir liebe Menschen zuteil werden ließen!

Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis!

Brieftexte :

Brief Nr. 1 (Eckert)

(Brief von Rainer Eckert an Frau Tatjana Elizarenkova)

Berlin, den 27. 8. 2006

Sehr geehrte Frau Prof. Elizarenkova!

Heute erhielt ich vom Akademie-Verlag die Sonderdrucke meines Nachrufes „Akademienmitglied Vladimir Nikolaevič Toporov in memori-

am“, der in der Zeitschrift für Slawistik erschienen ist. Ich übermittle Ihnen diesen Nekrolog.

Bis Mitte September habe ich meine Monographie „Studien zur Sprache der lettischen Volkslieder“ an den Peter Lang-Verlag abzugeben. Man versprach mir, dieses Buch noch dieses Jahr herauszubringen. Wie gern hätte ich es Vladimir Nikolaevič geschickt! Doch leider ist er zu früh von uns gegangen.

Ich wünsche Ihnen Gesundheit, Kraft und viel Zuversicht nach diesem unsäglichen Verlust!

Herzliche Grüsse Ihnen und Ihrer lieben Familie senden

Lida und Rainer Eckert.

Brief Nr. 2 (Elizarenkova)

(Brief von Frau Tatjana J. Elizarenkova an R. Eckert)

Moskau, den 5.11.2006

Sehr geehrter Herr Professor Eckert,

verzeihen Sie mir bitte mein langes Schweigen. Ich war krank, wohnte nicht zu Hause und konnte nicht zum normalen Leben zurückkehren.

Für Ihren Nachruf „Akademienmitglied Vladimir Nikolaevič in memoriam“ bin ich Ihnen sehr dankbar.

Ich habe für Sie einige Bücher meines Mannes: zwei große und schwere Bände seiner etymologischen Arbeiten. Wenn jemand von Ihnen nach Moskau kommt, hier ist meine Telefonnummer : 1555-32-71. Ich werde die Bücher für Sie übergeben.

Mit herzlichen Grüssen

T. Elizarenkova

Brief Nr. 3 (Eckert)

(Brief an Frau Tatjana J. Elizarenkova von R. Eckert)

Berlin, den 4. Dez. 2006

Sehr geehrte Frau Prof. Dr. Elizarenkova!

Über Ihr so herzlich gehaltenes Schreiben vom 5. 11.2006 habe ich mich sehr gefreut. Ich verstehe nur zu gut, dass Sie längere Zeit nicht schreiben konnten und erst wieder zu normalem Leben zurückfinden mussten. Ich wünsche Ihnen alles alles Gute für Ihr körperliches und seelisches Wohlbefinden!

Mit großer Dankbarkeit habe ich vernommen, daß Sie mir zwei große Bände der etymologischen Arbeiten von Vladimir Nikolaevič zugelegt haben. Sobald ich jemanden gefunden habe, der nach Moskau reist, mache ich Ihnen Mitteilung.

Wie schnell ist die Zeit verflogen seit wir uns im Seminar zum Tocharischen, das Vjačeslav Vsevolodovič abhielt, das erste Mal gesehen haben ! Ich kann mich noch sehr gut erinnern. Es ist über ein halbes Jahrhundert her!

Zur bevorstehenden Weihnachtszeit und dem nahenden neuen Jahr 2007 senden wir, meine Frau Lidija und ich, Ihnen die herzlichsten Grüße und die besten Wünsche

Ihr Rainer Eckert

Rainer Eckert

**In honorful memory of Vladimir Nikolaevič Toporov
a letter from his very kind, smart and graceful wife
Tatjana Jakovlevna Elizarenkova**

The author gives an account of how he met Vyacheslav Ivanov and Vladimir Toporov and his wife, Tatyana Elizarenkova, during his studies in Moscow. Apart from that, his correspondence with Dr. Elizarenkova is attached.

Dr. Eckert mentions his obituary of Dr. Toporov, which he had published in a journal for Slavic studies. Dr. Elizarenkova in her turn offers him to collect some of her husband's works on etymology.

Key-words: Vyacheslav Ivanov, Vladimir Toporov, Tatyana Elizarenkova, correspondence

А. Ф. ЖУРАВЛЁВ
(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПОЧЕРК ТОПОРОВА

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.18

Речь пойдет о *почерке* не в тропеическом употреблении слова («творческий почерк», «почерк мастера» и под.), а в прямом смысле — о манере начертания букв и их соединений, о зрительной организации буквенных знаков и графических слов на листе бумаги. Предложенная в заголовке тема представляется мне заслуживающей внимания. Наблюдения над почерком В. Н. Топорова могут добавить кое-какие детали к портрету этого выдающегося сочинителя — ученого и мыслителя — и редкой в своей цельности и благородстве личности.

Сразу нужно предупредить, что предлагаемые заметки не имеют отношения к графологии в ее общеизвестном понимании.

Незадолго до своей кончины Владимир Николаевич в одном из последних телефонных разговоров, касающихся его участия в редактируемом мною сборнике, сетовал на почти полную потерю зрения. Необходимость пользоваться сильной лупой превращала чтение и письмо в медленный и мучительный процесс. Я спросил, может ли он диктовать. Владимир Николаевич ответил: «Нет, вы знаете, я ведь... [пауза, ищет слово] человек... письменной культуры. А не устной. Мне нужно видеть текст».

Я думаю, что формула *Мне нужно видеть текст* может если не служить ключом к интратекстуальному толкованию манеры письма В. Н., то помочь понять некоторые ее существенные особенности.

В значительной степени графическая манера у В. Н., если под нею разуметь не только собственно почерк, т. е. приемы вырисовывания букв, но и способ организации текста на бумаге, диктуется характером

преобладающих в его научном творчестве жанров: это, так сказать, «большие тексты» — монографии и пространные статьи, нередко по объему приближающиеся к монографиям¹. Ему свойственно тяготение к полновесному — фундаментальному и многоаспектному — показу проблемы, когда даже частный на первый взгляд семантический факт, диалектный фразеологизм, ономастическая единица, мифологическая сюжетная подробность или не слишком ясный литературный образ может предстать узлом богатых формальных и содержательных языковых связей, культурных взаимозависимостей и исторических переключек. Работы В. Н. отличаются чрезвычайной смысловой плотностью текста, высокой степенью его внутренней сцепленности. Полнота освещения исследуемой проблемы часто требовала доказательных когитативных построений с разветвленным синтаксис-

---

¹ Рассказывала С. М. Толстая: в Отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения готовился сборник, посвященный памяти Никиты Ильича Толстого. Он был собран, получился намного превышавшим запланированные размеры, предстояли утрясение каким-то способом этой проблемы и трудная верстка, но дело, кроме того, затягивалось неподачей к назначенному времени «заметок», которые обещал В. Н. Наконец статья была принесена. Светлана Михайловна схватилась за голову: «заметки» — по иронии случая трактующие понятие м е с т а (!) — оказались объемом больше 7 авторских листов.

Ещё пример. К XI Международному съезду славистов (братиславскому) В. Н. представил текст доклада («Праславянская культура в зеркале собственных имён (элемент *mir-*)»), который занял 116 книжных страниц очень ёмкой печати, с многочисленными обширными, иной раз занимающими почти страницу, мелко набранными пояснительными и библиографическими сносками, — приблизительно 10 авторских листов. В практике съездов такие доклады, насколько я знаю, более не встречались. На прочтение этого доклада вслух, если бы оно состоялось, а текст не подвергался сокращению, понадобилось бы чуть ли не восемь часов. Для сравнения: каждый из остальных докладов-статей, размещенных в том же академическом томе, в среднем примерно в девять-десять раз короче.

сом, длинных перечислений, к которым В. Н. имел особую склонность, подборок параллельных мест в источниках и проч. Необходимой обстоятельностью изложения и одновременно требованиями компактности (которую не должно смешивать с краткостью) вызываются многочисленные внутрифразовые содержательные уточнения, парентезы, скобочные конструкции, так что фраза, если под нею понимать участок текста «от точки до точки», иной раз могла занимать пространство в страницу и более. В этих условиях удобообозримость рукописной ткани, нужная для избежания логических нестыковок или хотя бы даже только для соблюдения синтаксических согласований, достигается продуманными подходами к графическому оформлению текста еще на стадии его создания.

Еще более важному отправному соображению, на котором базируется графическая манера В. Н., формульного оправдания в его высказываниях я не обнаруживаю, но оно может быть передано трансформом цитаты, приведенной выше: *(Мой) текст должен быть виден другому*. Под *другим*, кроме адресата частного письма, следует понимать машинистку или, позже, компьютерного наборщика. Дело в том, что сам В. Н. писал лишь от руки², механическими и электронными средствами, как утверждал, не пользовался. Тому находились две причины: менее значительная и могущая вызвать усмешку, если не осуждение, — известный консерватизм, нежелание тратить время и усилия на освоение не гарантирующих скорого успеха техники и отличных приемов письма; более принципиальная — болезненное отчуждение и даже омертвление собственного текста при воплощении его в безликой машинной графике.

Для наблюдений над манерой письма, свойственной В. Н., в моем распоряжении находятся рукописи нескольких его работ — отдель-

---

² В обычных рабочих условиях, т. е. за столом в кабинете, — дающим тонкий штрих безотказным автоматическим пером хорошей фирмы (не помню: «Паркер», «Монблан»?); черными чернилами.

ные статьи, многостраничные addenda к их распечаткам, записки, некрологи и другие (сравнительно короткие) тексты, как, большей частью, вышедшие из-под руки автора, так и в ксерокопиях, суммарным количеством до полутора раза обычных для В. Н. страниц — как правило, превосходящих по вместимости стандартную машинописную. Одним из источников наблюдений послужило воспроизведение сканированных страниц рукописного оригинала работы в редчайшем у В. Н. жанре, публикаторами (М. Д. Дыниным и Т. В. Цивьян) до конца не определенном, — «устное выступление-рассказ о самом себе» (Топоров В. Н. Знак и текст в пространстве и времени // *Slavica revalensia* II. Таллинн, 2015. С. 139–67). Текст, как предполагают публикаторы, предназначался для зачитания на заседании Отделения литературы и языка РАН при избрании В. Н. академиком. Ценность этого источника для целей настоящей статьи заключается в его адресации автором самому себе, чем вызваны особенности письма (о которых ниже).

1. Рукопись как зрелище.

Вероятно, в разные времена в разных обстоятельствах В. Н. писал на «носителях» иных измерений, но все знакомые мне рукописи его научных работ (относящиеся к последним десятилетиям творческой деятельности) создавались на стандартной писчей бумаге формата А4 или близкого к нему. Только в редких особенных случаях (скажем, при необходимости внесения дополнений к уже существующему) текст писался на обеих сторонах листа. Мне не известны случаи, когда бы для создания новой рукописи В. Н. пользовался «оборотками» (например, отслужившими свое старыми машинными распечатками). Это оставляет ощущение автономности, самоценной штучности каждого завершеного сочинения.

Тексты В. Н. в их первоначальном рукописном состоянии производят впечатление высокой готовности, они аккуратны и эстетичны. Рукописи содержат очень немного мелких исправлений и вставок:

почти всегда основная часть текста писалась сразу как не подлежащая дальнейшей правке, практически набело³.

Слева и справа обязательно оставляются, без отчеркивания, поля — шириною соответственно 1,5–2 и 0,5–1 см. Верхнее и нижнее поля неначальных страниц рукописи невелики.

Страницы нумеруются в правом верхнем углу, будучи чистыми, до их заполнения текстом. Это видно из того, что последние буквы верхней строки могут чуть-чуть сползать вниз, чтобы не задеть цифр(ы) страничного номера.

Почерк у В. Н. прямой. В редких случаях, при очень быстром письме, слигованные буквы могут писаться у В. Н. с некоторым наклоном

---

³ Те же черты свойственны и виденным мною рукописям О. Н. Трубачёва — раннего соавтора В. Н., исповедовавшего близкие текстопостроительные принципы и выработавшего сходные графические навыки. Здесь имеет смысл процитировать совет, прозвучавший в «Трактате о хорошей работе» Трубачёва — одной из его лекций, прочитанных (1980) в Институте русского языка аспирантам и молодым ученым (название беседы заимствовано у польского прагматолога Тадеуша Котарбиньского): «Экономнее <...> сразу писать чисто, разборчиво, без помарок: переписывать не придется, машинистка меньше наделает ошибок. По-моему, многие добровольно задают себе казнь египетскую, переписывая с черновиков». (Однако теперь этот совет, видимо, безнадежно устарел: в моих, например, окрестностях нет ни одного аспиранта и молодого ученого, пишущего от руки или, по крайней мере, показывающего собственно рукопись. Машинистки как особое сословие исчезли. В том же Институте русского языка полуофициальная структура «машбюро», на услуги которой секторам выделялись квоты и выстраивалась очередь, к концу восьмидесятых, т. е. в разгар творческой деятельности Олега Николаевича и задолго до внедрения персональных компьютеров в поголовное пользование, растворилась в небытии. Понятие черновика как стадии в порождении текста постепенно упраздняется: работающий на компьютерном экране практически в любой момент независимо от допустимых или предвидимых поправок и добавлений имеет дело с беспомарочным состоянием данного участка текста.)

влево. Рука как бы торопится сместиться в предлежащее пространство, вправо, еще не доведя начертание знака до конца: букве приходится руку догонять.

Размер почерка у В. Н. — некрупный, но никогда не мельчащий, не раздражающе-бисерный. В моих измерениях — скорее «средний», удобный для восприятия глазом. (Явное исключение представляет, однако, рукопись статьи, предназначенной для публикации в этимологическом сборнике к юбилею Ж. Ж. Варбот. Исполненная непривычно мелко, она является одной из самых последних работ В. Н. и создавалась уже с помощью сильного увеличительного стекла, чем, несомненно, и было вызвано отмеченное отклонение.)

Основной корпус строчной буквы, с исключением выносных элементов и лиг, вписывается в квадрат, т. е. вертикальное и горизонтальное ее измерения примерно равны — около двух миллиметров. Заглавные буквы крупнее строчных примерно вдвое, иногда больше (в большинстве индивидуальных скорописей обычно в полтора раза). Таким образом, граница фразы хорошо выделяема, что составляет удобство для машинистки, в утомительную работу которой входит постоянное, каждые несколько секунд, отведение взгляда от рукописного оригинала.

Для письма В. Н. характерна тщательная экономия бумажного пространства: строка не терпит краинных пустот и всегда дописывается до проведенной памятью левой границы правого поля (до края бумаги — очень редко), неровных зубцов по правому краю, как правило, не возникает. Многие пишущие не прибегают к разрыву графического слова, и если оно не может поместиться в строке перед ее концом, целиком отправляют его в следующую строку; В. Н. же дефисными разбиениями и переносами пользуется как существенным средством сбережения места. В этом отношении его рукописная страница зрительно приближается к набранной типографски. Физически плотное письмо позволяет разместить на листе больший объем текста, что дает глазам возможность оценивать конкретную его часть в более широких

пространственных и смысловых связях, усиливая стратегичность авторского взгляда.

Строки пишутся удивительно ровно. Может даже возникнуть подозрение, что В. Н. писал, подложив под страницу линованный трафарет, но это не так: величины межстрочных интервалов в разных рукописях разные. А в исключительно редких случаях можно, всматриваясь пристально, заметить небольшое сползание строчки вправо вниз (устрашаемое, однако, с началом нового абзаца).

Межстрочные интервалы, несмотря на компактность письма, довольно большие — достаточные, чтобы при необходимости делать вставки (но они, как сказано, редкость). Страница не забивается текстом наглухо, строкам позволено «дышать».

Знаки препинания (точка, запятая, точка с запятой, двоеточие) ставятся не вплотную к последней букве написанного слова, как это делается в печатном тексте, а с видимым зазором. Это еще раз говорит и об уважении В. Н. к предполагаемому читателю (машинистке), который не должен испытывать затруднений в выделении тесных синтагматических словесных блоков, и о продуманной видимости членения рукописного текста, если он предназначен для зачтения вслух.

Красивым почерк В. Н. назвать, пожалуй, трудно. «Красивыми» принято называть другие. В поисках эпитета для обозначения причин эстетичности рукописей В. Н. я бы остановился на определении его почерка как разумного. Не рационального (это отдаёт сухостью и педантичностью стиля), а именно разумного — продуманного в мелочах, удобочитаемого, без назойливых деталей и эффектных росчерков, уважительного и к отправителю, и к получателю текста: прежде всего он не должен доставлять трудностей при декодировании.

Предельно лаконичный, свободный от всякого лоска и виртуозности, лишенный декоративных крюков и кочерёг, остроумных фиоритур, «стильных» выбросов за пределы узкой строки и прочих писарских эффектов, почерк В. Н. своей ненарочитостью лишь усиливает существенность того, чему он служит как инструмент.

2. Начертания букв. Выбор субграфем.

От рисуемого буквенного знака требуется безусловная опознаваемость, несмешиваемость с другими знаками. Русская школьная каллиграфия этому требованию удовлетворяет плохо. Нельзя сказать, что она страдает малым набором минимальных элементов, из которых комбинируются буквы. Но если штрихов, в рукописном алфавите уникальных, характерных для единственной буквы, совсем немного (выброс вправо-вверх у **б**, петля у **Д**, диакритическая птичка у **й/Й**), то другие повторяются в составе разных рукописных графем чрезмерно часто. В небрежной скорописи число используемых элементов сокращается; во множестве нестарательных почерков строчные **и**, **ш**, **н**, **п**, **т**, **к**, **ж** и даже **л** и **м** состоят из дву- и троекратного повтора штриха **l**, в результате чего беглые слигванные написания форм, например *пишите*, *тишина*, *линии*, *пинии*, *шли*, *лишил*, *пришили*, *нижний*, *жижи*, *минимизировать*, становятся трудноразбираемыми; фирменные «пороссячи хвосты» у **ц** и **щ** большинством пишущих «слизываются», утрачивая нужную наглядность. Утверждение, что дисциплина «чистописание» преследует целью выработку у ученика аккуратного и разборчивого письма, — неправда (или правда лишь наполовину): как раз начертанная строго по образцам школьных прописей форма, например *шiiiiиги*, не читается вовсе⁴. К недостат-

---

⁴ Наблюдения над ошибочными прочтениями ручных полевых и картотечных записей составителями диалектных словарей, прежде прочих сводного «Словаря русских народных говоров» (а таких неверных интерпретаций, проникших в словник СРНГ, я насчитываю уже более тысячи, часть из них описывается в серии моих заметок «Лексикографические фантомы. [1–10.]»), приводят к мысли о необходимости специального обучения лексикографов-диалектологов приемам распознавания рукописных знаков. Типологию подобных смещений букв и буквосочетаний при рецепции небрежных записей с использованием собственных и чужих материалов пытался разработать В. В. Шаповал, но она по разным причинам далека от полноты.

кам многих почерков, наследующих признаки школьной каллиграфии, относятся украшательные элементы, лишь осложняющие начертание буквы и отвлекающие внимание при чтении (например, в неоспоримо красивой прописной букве *Ж* четыре лишних, функционально не нагруженных детали: выпел с утрированной синусоидностью, нижний завиток, петля и высывающийся влево хвостик горизонтального штриха; заметим, что обязательных штрихов у *Н* ощутимо меньше — всего три).

Преодоление отрицательных качеств школьной каллиграфии — дело рук и доброй воли самих пишущих. В почерке В. Н. решительно отстраняются все не нужные для опознания буквы элементы, она оголяется до схемы. «Сухой остаток» даже в торопливом письме стремится сохранить собственное лицо, буквы стараются, насколько это возможно, избежать сходства между собою. Многие рукописные графемы в лаконичной и разумной манере В. Н. приближены к контурам печатных; текучесть курсивной вязи совмещается с дискретностью, свойственной наборным знакам.

Чрезвычайно заботливо вырисовываются графические знаки, машинистке мало знакомые и могущие вызывать у нее затруднения в идентификации. Так у В. Н. обстоит дело с греческой графикой. Любая буква греческого алфавита начертается практически повторяющей наборную типографскую литеру. Особо упоминаю об этом потому, что в ручных скриптурах некоторых филологов-классиков (*nomines notos nominare odiosum est*) я находил отличные исполнительские установки — сейчас выглядящую щегольски, но, надо думать, проклинаемую наборщиками устаревшую школьную каллиграфию, которая затрудняет опознавание строчных «дзеты», «тэты», «кси», «тау», «пси» (мало или совсем не похожих на соответствия в прописных), заставляет путать строчные «ню» и «ипсилон», «пи» и «омегу», прописные «дзету» и «сигму» (сейчас, сколько знаю, в греческой школе предпочитают учить неслигованному письму «печатными» буквами).

Здесь нет нужды рассматривать топоровский алфавит «попунктно», в его характеристике я ограничусь избранными, достаточно наглядными кириллическими примерами.

В большом числе беглых почерков смешиваются строчные *г* и *ч*⁵. В. Н. выработал привычку эти сходные графемы делать четко различимыми: первая рисуется без обычного для большинства почерков наклона, единым штрихом — как бы вытянутой тильдой с почти отвесным опусканием ее средней части; вторая состоит из двух штрихов — прямого «kozyрька» и спускающейся от его правого края *c*-образной дужки, напоминая арабскую букву *ح* «хā’ун».

Восходящее к школьным прописям начертание строчной *р* с *г*-образной правой частью подвержено смешениям с другими графемами и чревато неверным букводелением, например, сочетание букв *гр* может быть воспринято как *ж*⁶, а сочетание *ер* — как *у*⁷; наоборот, *р* может подменять собою графему *г*, зрительно соединившейся с частью предшествующей буквы⁸. Прочитываемость *р* обычно усиливается заменой *г*-образного штриха колечком (замкнутым или незамкнутым), прислоняющимся к мачте вплотную. Из возможных изображений этот вариант у В. Н. единственный. Однако такое начертание чревато сме-

⁵ Множество примеров их неразличения в небрежных почерках дают ошибочные расшифровки диалектных записей при подготовке СРНГ: *быжок* ‘род танца’, *гапельник*, *гудить* ‘соблазнять; обманывать’, *Евдокия-помогипорог*, *лугóm* ‘тайком’, *огунять* ‘выздороветь’, *отрогить* ‘ослабить (снасть)’, *пузуха*, *ригае* ‘ближе к середине реки’... — вместо правильных *бычок*, *чпельник*, *чудить* (ср. *в лесу чудило*), *Евдокия-помочи-порог*, *лучом* (ср. *улучив, случай*), *очунять*, *отрочить*, *пучуха* (из *чупуха / чепуха*), *ричае* (*речае*)...; и напротив: *вочник* ‘сыпь на губах’, *зачаиться* ‘излечиться’, *калчан*, *придрачивать* ‘слегка дрожать’... — вместо *вогник*, *загаиться* (*загоиться*), *калган*, *придрагивать*...

⁶ Ср. чтение *сожа* — на месте правильного *согра* (из «диалектных» фантомов, выявленных А. Е. Аникиным).

⁷ Ср. в СРНГ фантомное *кужужма* — вместо правильного *кутерма*.

⁸ Ср. *черунка* — на месте *чугунка* (из материалов Аникина).

шением высокочастотных в русском тексте буквосочетаний *ор*, *сп* и *ер* с буквой *ф*⁹. Во избежание нежелательных зрительных подмен у В. Н. выработана привычка делать расстояние между *р* и предыдущей буквой слова несколько бóльшим, чем в иных соседствах, — с чуть более длинной лигой или, пожалуй даже чаще, с зазором (т. е. с отрывом пера). Понятно, что подобные обособления делаются при письме с бессознательной механичностью, однако столь же понятно, что они, прежде чем стать особенностью почерка, однажды были предметом специальной рефлексии.

Строчная *д* в русской рукописной графике представлена двумя субграфемами: «школьный» вариант с петлею вниз, начертаемой движением пера по часовой стрелке, такую же, как у рукописных *з* и *у* (обозначу его «*д*₁»), — и вариант с петлею вверх против часовой стрелки или недлинным «хвостом» вверх-влево (т. е. незавершенной петлей) (обозначу его «*д*₂»). Во многих рукописях В. Н. заметно предпочитает субграфему *д*₁. Этот выбор вызван, возможно, желанием избежать совпадений — во-первых, с субграфемой «одновертикальное *т*» в небрежном написании, при котором вертикаль может восприниматься как узкая петля, а верхняя горизонтальная черта, соединяющаяся со следующей буквой, может быть начертана также петлеобразно, во-вторых, с графемой *б*, у которой в некоторых вычурных («стильных») почерках слева сверху образуется паразитическая петелька¹⁰.

⁹ В СРНГ, например, слова с начальным *буер-* (*буераг*, *буерага*, *Буераково* попен loci и др.) с удивительной настойчивостью воспроизводятся как *буф-*, *Буф-* (*буфага*, *Буфеково* и проч.). Возможны и обратные зависимости, когда, например, слово *канифас* лексикографами, из школьного курса не помнящими программного Гоголя, прочитано как *каниорас*, форма *фазу* — как *сразу*, а диал. *фырдыбачить* в СРНГ декодировано как *срырдыбачить*; об опасности небрежного написания фамилии *Фет* см. в Интернете: <http://kaifolog.ru/photo-prikoly/8452-kak-takoe-vozmozhno-50-foto.html> (фото 27).

¹⁰ Мне известен скандально-анекдотический случай (Крым, 60-е годы) реализации такого начертания в «неоново-трубочном» субстрате — светящаяся вывеска с украинским словом *Їдальня* ‘столовая’ (*д*₂ — с крохотной

Омографичность ∂_1 и петлистых $з$ и $у$ представляет, вероятно, меньший риск¹¹, так как начальные элементы последних, как правило, разомкнуты, в отличие от начального элемента ∂ , обязательно образующего замкнутый овал или кружок. Однако нередко в текстах В. Н. встречается и ∂_2 . Некоторые такие «отступления» могут быть объяснены техническими условиями. Например, тем, что ∂ с выбросом буквенного завершения наверх пишется во вставном, поверх уже готовой строки, слове — чтобы не задевать нижней петлей уже размещенных на бумаге знаков. Другой, может быть более существенной, причиной применения этой субграфемы следует считать то, что ее начертание требует чуть меньших временных затрат (об экономии времени несколько слов будет сказано ниже).

На не слишком внимательный взгляд, в чересполосице вариантов ∂_1 и ∂_2 у В. Н. нет никакой закономерности. Но это, видимо, не так. Я подсчитал встречаемость этих субграфем на 24 полновесных страницах сплошного текста — двух из нескольких огромных рукописных вставок в уже перепечатанный на машинке первоначальный текст статьи «Мифопоэтический образ бобра в балтийско-славянской перспективе: генетическое, ареальное и типологическое». Субграфема ∂_1 встретилась здесь 418 раз, субграфема ∂_2 — 351 раз (соотношение 1,2 : 1). Выявилась любопытная особенность. Сгущения первого варианта отмечаются в местах, которые продумываются с большей тщательностью, чем другие: в зачине главки, в начальных строках абзацев, открывающих новый ракурс обсуждаемой темы, и в строках,

---

петелькой слева вверху и выброшенным вправо длинным флагом). Я не исключаю, что мастеру-стеклогреву, гнувшему трубки для вывески, было свойственно рискованное в своей обостренности чувство юмора. Через непродолжительное, кажется, время провокационная неоновая форма была заменена начертанием буквы, непристойных словесных ассоциаций не вызывающим.

¹¹ Впрочем, ср. в СРНГ: *гладок* ‘камень в перстне’, *оклоза* ‘нижний венец сруба’, *прогладить* ‘упустить, прозевать’, *разуница* — на месте правильных *глазок*, *оклада*, *проглазить*, *радуница* соответственно.

открывающих новую страницу. Он же предпочитается при написании ономастических знаков (фамилий, топонимов); уже осознав эту закономерность, можно было ручаться, что следующая проприальная единица с *д* в ее фонемно-графемном составе, особенно малоизвестная и/или вводимая в текст впервые, будет записана с использованием субграфемы ∂_1 . Статистические же позиции второго варианта усиливаются, напротив, в окончаниях абзацев и особенно в конце длинных цитат, где ощутимы большие механичность и быстрота письма. Примечательно, что делаемые на рукописных страницах и не принадлежащие собственно тексту работы авторские карандашные пометы *интервал в две строки, двойной интервал* (о необходимости отбивок вокруг заголовка главки) также пишутся с использованием более, что ли, «технической», скорой в исполнении субграфемы ∂_2 .

Разделение «компетенций» между вариантами может быть усмотрено для графемы *т*. Но сходство с рассмотренными уже случаями лишь частичное. В. Н. пользуется двумя строчными субграфемами: трёхштриховым («школьным») начертанием, с дифференцирующей горизонтальной черточкой над буквой (обозначу его « t_1 », или «медленное *т*»), — и вариантом буквы с одной вертикалью, которая накрыта горизонтальной чертой (уподобление печатной литере; « t_2 », или «быстрое *т*» — «*Т*»). Употребление и того и другого знака видимой закономерности как будто не подчиняется; более того, оба варианта множество раз сталкиваются в пределах одного и того же графического слова. И всё же некоторые зависимости увидеть можно. «Быстрое *т*» тяготеет к контекстам, в которых ощутим больший автоматизм письма (например, в переписываемых закавыченных цитатах, где текст не конструируется вновь, а воспроизводится готовым, встречается почти исключительно t_2). Напротив, слова, о которых можно догадаться, что они были предметом лексического поиска и результатом выбора, чаще пишутся с «медленным *т*». В одной статье на соседних страницах обнаруживаются формы одного и того же причастия, связанные между собою общностью ближайших контекстов; в первом употреблении оно записано как *соот₁вет₁ст₁вующий* («медленное письмо»),

во втором, «отголосочном», — как *соот₂вет₂ст₂вующим* («быстрое письмо»). Нетрудно было увидеть, что анафорические местоимения (*этот, тот, который, такой, что*), требующие при их включении в словесную ткань повышенной осмотрительности, чаще у В. Н. оказываются записанными через «медленное *m*». Эта же субграфема имеет больше шансов встретиться в специально контролируемых сознанием словоизменительных морфемах, например глагольных флексиях, ср. выразительные в этом отношении записи *присут₂ст₂вует₁, от₂сут₂ст₂вуют₁, подт₂верждает₁, прот₂ивопост₂авлят₁ься*. Разумеется, эти мои наблюдения выявляют только тенденцию и строгой статистической оценке в настоящей короткой статье подвергнуты быть не могут (да это и выглядело бы не знающим меры буквоедством), но всё же, мне кажется, тенденция уловлена верно.

С другой стороны, *T₂* опознаётся в тексте лучше, чем *m₁*. Может быть, поэтому «медленное *m*» не знает прописного коррелята, будучи только строчным, а *m₂* («буквально» *T*) и *T₂* предпочитают в написаниях имен собственных и аббревиатур.

Многэлементная рукописная литера *ж/Ж*, что в «школьном», с отрывом пера, начертании, что в написании без отрыва, с возможным образованием мелких петель, — самая неудобная в кириллической графемике¹². И, по моим наблюдениям (в частности, над фантомной лексикой в словнике СРНГ), самая многострадальная: как сама по себе, так и в сочетании с другими знаками, она постоянно порождает ошибочные прочтения — расчлняясь, смешиваясь с иными литерами

---

¹² Дизайнеры-шрифтовики досадуют на профессиональные трудности работы и с самой общей схемой, которая кладется в типографские воплощения этой буквы (прежде всего указывают на шестилучевой узел, при печати вызывающий жирные «залипы»). В огромной умной и веселой «Книге про буквы от Аа до Яя» Юрия Гордона литера *ж/Ж* в разных ее вариациях награждена нелестными эпитетами: «уродливая», «звероподобная», «похожая на насекомое»... Единственное, кажется, достоинство буквы Гордон видит в том, что ее интересно вписывать в вензеля: настоящее пиршество для любителей составлять замысловатые монограммы.

и искажаясь в упрощениях¹³. В рукописных текстах В. Н. она представлена двумя основными версиями. Первая («*ж*₁») — это упрощающие вариации «школьного» написания, исполняемого без отрыва пера; вторая («*ж*₂») — астерискообразный значок (косой крест, перечеркнутый короткой вертикальной чертой и как правило не слигванный с соседними знаками). Оознаваемость второго варианта гораздо выше: в отличие от «школьного» он практически не подвержен нейтрализации с другими графемами — *ш*, *м* и трёхштриховым *т*₁ (впрочем, квалификация «без отрыва пера» не совсем точна: для отличения от упомянутых трёхштриховых знаков *ш*-подобную букву *ж*₁ В. Н. перечеркивает горизонтальной черточкой). Поэтому в текстах, назначенных к чтению другими лицами (машинисткой, компьютерным наборщиком), во избежание возможных буквенных смещений и нейтрализаций В. Н. старается прибегать именно ко второму варианту. Однако в местах, писанных торопливо (скажем, в цитатах — т. е. во фрагментах «готовых», языковые формы которых уже не требуют авторского контроля), применяет и безотрывное написание. В рукописном тексте, адресованном самому себе, В. Н. позволяет себе меньшую заботу об удобствах «читателя»: на упомянутых сканированных страницах речи «Знак и текст», охватывающих участок размером более 3800 знаков, астерискообразное *ж*₂, легко опознаваемое при чтении уже написанного, но нуждающееся в большем времени для написания и тем самым затягивающее работу, не встречается ни разу.

Тяготение к экономии времени очевидным образом сказалось на выборе В. Н. написания прописной буквы *А*. «Школьная» заглавная графема *А* в схеме трёхэлементна («нога» сверху вниз-влево + вертикальный

¹³ Ср. внесенные в словник СРНГ девиантные прочтения *аонина*, *аулан*, *бирига*, *возуси*, *деропава*, *закуртеветь*, *керолаки* и *керопак*, *корянуха*, *мерёта*, *мимолость*, *облыстно*, *окад*, *окоронаветь*, *остози*, *перцугнать*, *портененик*, *промжига*, *увать* — вместо правильных *ажина* (*ожина*), *жулан*, *биржа*, *возжи*, *держава*, *закуржеветь*, *кержаки* и *кержак*, *коржуха*, *мерёжа*, *жимолость*, *облыжно*, *жад*, *окоржаветь*, *остож(ь)*, *передужить*, *портежник*, *прожжига*, *жевать* соответственно.

штрих из той же верхней точки + перечеркивающая этот угол, графически совпадающий с прописным *Л*, горизонтальная линия). Рисуемая обычно с двумя отрывами пера, она в скорости написания уступает той, у нас редкой, которую (похоже, однажды и навсегда, независимо от использования латиницы или кириллицы) выбрал В. Н., — укрупненному подобию строчной *a*: **А** (здесь видно усвоение прописного варианта, преобладающего в английской школьной каллиграфии).

Трехэлементная прописная *А* у В. Н. всё же встречается, но в совершенно особых случаях. Специальный просмотр всего имеющегося в моем распоряжении материала выявил эту субграфему исключительно в аббревиатурах — *ГАИМК*, *ГУЛАГ* и др., библиографические сокращения *АВК*, *АРОН* и т. д. — и всего лишь дважды, среди сотен реализаций, в инициалах цитируемых авторов. Рассматривать эти примеры нужно как сознательное воспроизведение «печатных» букв: особая прагматика, близкая к той, что сказывается у В. Н. в письменном воспроизведении имен собственных.

Сходным образом используются в рукописях В. Н. заголовочные субграфемы **З** (высокочастотные обычные случаи; увеличенное подобие строчной) и **Г** (в «маркированных» словесных единицах — именах собственных, хотя и не регулярно, аббревиатурах; в сущности копирование заглавной «печатной» литеры). Вторая субграфема требует отрыва пера от бумаги и чуть более длительна в написании.

Не следует думать, что отмеченная экономия времени малосущественна. Микроскопические временные задержки, вызванные прорисовкой буквенных знаков с повышенным тщанием, огорчительны не только в ситуации жесткой зажатости временем, например при записывании лекции в университетской аудитории или в полевых условиях работы диалектолога, фольклориста и проч., но и в относительно комфортной обстановке, в которой протекает одинокая творческая работа за письменным столом. Думаю, что каждому читающему настоящую статью знакомо чувство досады от того, что промелькнувшая было мысль не оказалась тут же ухваченной — потому лишь, что требовалось время для словесного дооформления предыдущей. Рука работает намного медленнее мозга.

Можно не продолжать.

Уже сейчас понятно, что почерк Владимира Николаевича Топорова — это замечательный культурный и психологический феномен, прямо определяемый высокими э т и ч е с к и м и установками пишущего. Двухдресность письма (письма — в прямом, техническом смысле), т. е. не только регистрация с о б с т в е н н ы х авторских мыслей и исследовательских решений, реализующая творческие интенции сочинителя, но и расчет на безущербное восприятие писанного текста другим человеком, порождает ряд важных технологических следствий: она заставляет автора искать пути уклонения от деструктивной омографичности знаков, компенсировать скудоумную избыточность арсенала наличной, диктуемой традицией каллиграфии дифференцирующими приемами, предупреждая тем самым возможную энтропию текста. Пишущий работает не в пустоте. Для В. Н. как личности, которая существует в окружении себе подобными и твердо помнит об этом, семиотизован — «задним числом» — каждый жест. Однако именно «задним числом»: это ничуть не говорит о заданности (искусственности) его поведения — в данном случае «поведения» на листе бумаги. Скорее нужно говорить о давней обдуманности правил общезжития, которые, будучи однажды выбранными, со временем теряют обязательную сиюминутную семиотическую прочитываемость, но остаются навсегда вписанными в хабитальный код, определяющий социальное лицо индивида. Предельное авторское уважение к читателю, в данном случае к читателю-посреднику, имеющему дело с текстом в рукописной стадии и служащему его транслятором от автора в конечную инстанцию (к взыскующему идее), обуславливают видимое «экземплярное» совершенство рукописей, законченных Владимиром Николаевичем Топоровым и ожидающих своей эдиционной судьбы.

Простота и выработанная антиэнтропийность топоровского почерка — главные его достоинства¹⁴.

---

¹⁴ За консультации в работе над статьей я признателен Т. В. Топоровой и Т. В. Цивьян.

Одним словом, появление этой книги было событием в тогдашнем мировом языкознании, и перед малочислым ученым открывалось широкое перспективное.

Война многое изменила и внесла свои коррективы. Главной темой научных занятий Ёоникаса стала история литовского литературного языка. Правда, уже в довоенное время он выпускает ряд статей, свидетельствующих об ^{его} интересе к этой теме и о его выучке и занятости ею. Главным трудом Ёоникаса считала изданная в 1972 г. в Тикало монография „Lietuvių bendrinis sąjomsis kalbos kitišasis antroje XIX a. pusėje“ (как диссертация эта работа была защищена еще в Литве). Статьи о Ё. Яблонскисе, Ф. Куршавитисе, Ё. Юшке и других отражают тот же круг интереса (стоит отметить и его раннюю статью о ружьях литовско-лайонского словаря Андрея Дирика), в 1952 г. вышли из печати расчитанные на более широкий читательский круг книги — „Lietuvių kalbos istorija“ и „Gimtojo žodžio vaizdas“ (обе вышли в Тикало). Писал Ёоникас в это время и по вопросам культуры языка (испыт, в 1938-1939 гг. он был редактором „Gimtoji kalba“). Особо следует отметить круг топонимических работ Ёоникаса — „Mūsų pavardės ir jų atsižadimas“, „Lietuvių studentų pavardės XV-XVIII amž.“, „Europos universitetuose“, „Ziden Litauischen Ortsnamen“. Многие статьи Ёоникаса разбросаны по разным, иногда труднодоступным изданиям, и, конечно, желательно, чтобы они собраны и изданы. Тогда можно будет более полно оценить заслуги выдающегося ученого, принадлежавшего в 30-е-начале 40-ых гг. к числу выдающихся литовских языковедов, в которую входили ^(и) А. Салис, П. Скардинис, две памяти которых немало было сделано Ёоникасом. Долг памяти обязывает нас сделать то же и приблизить научное наследие Пятраса Ёоникаса к этой сиюднешнему и его научной аудитории.

В.Т.

к стр. 2: ⊕

①

[При всей орошающей ругани и, главное, его принципиальности, история убийства бобра обнаруживает существенное сходство с другой историей, единственной и великой, отмечаемой христианскими богословами в ~~последние~~ три дня пасхальной недели. Конечно, в «бобровой» истории не было ни царств, о котором говорится в «Послании к Филиппийцам» («Но унижил Себя Самого, приняв образ раба [ἀλλὰ ἐκένωσεν μορφοῦν δοῦλον ἑαυτοῦ]», сделавшись подобным человекам и по виду став как человек. Смирив [ἐκένωσεν] Себя, был послушен даже до смерти, и смерти крестной». Филипп. 2, 7-8), ни воскресения, хотя, судя по некоторым «бобровым» текстам, где бобр тоже почти как человек и во всяком случае за ним канонично толкующийся этили-псенный видет человека или что-то вроде его аватара, бобр перед неизбежной смертью тоже смирился: он откинулся от противоборства, не борется, не бежит в надежде на спасение, но идет этой неизбежности Единственно, что сворачивает эти две истории — мотив срывания-содрагания одежд. В одном случае — до предание смерти (Мр. 27, 28; ἐξήρδαντες, с последующим намерением, уже после крестной смерти, раздрание одежд Христо-воих, замененных прощанием истребля о делении их; «Расставим же Его долги [διεμερίσθησαν] одежды Его, аросая жребий». Мр. 27, 35), и эту же сволегодно-содраганию как эхо откликнулось раздрание завеси в храме («И вот завеса в храме раздралась [ἐσχίσθη] на-двое, сверху до низу; и земли погрязла [ἐσείσθη]; и камни рассыпаны [ἐσείσθησαν]». Мр. 27, 51) и как символический акт отвержения змеевского почитания — раздрание двух аватаров своих одежд («Но Апостол Варнава и Павл, уличавши о сем, раздрали [διάρρηξαντες] свои одежды [...]». Деян. 14, 14; много дело — 16, 22; срывание одежд с Павла и его спутника). В другом — после убийства. Но есть, кстати, и еще одна аналогия. Речь идет об идее опустошения, ведущей в литургических медитациях той части католической церкви, где практикуют так называемые «таинные чужеродия» (Теневга). Временное портание таинных сил смерти сопровождается, как известно, временным опустошением Храмового пространства. В Великий Гельвер после Божественной литургии с алтаря снимаются алтарные облачения, убирается хлеб и вино, относящиеся к образу Христа, опустошается

A. F. Zhuravlev

Handwriting of Toporov

Vladimir Nikolayevich Toporov is a great thinker and a personality rare in its integrity and nobility. Observations of his handwriting add important details to the portrait of this outstanding author.

Keywords: manuscript, handwriting, letter, grapheme, variant, text entropy.

Научное издание
Институт славяноведения РАН

СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вып. 18

СЛАВИСТИКА. ИНДОЕВРОПЕИСТИКА.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

К 90-летию со дня рождения
Владимира Николаевича Топорова

Корректор — О. В. Трефилова
Оригинал-макет — С. В. Родионова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Подписано в печать 20.11.2019. Формат 60×90¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Объем 19 печ. л.

Заказ № 98

Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА»
143001, Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13